

Марго Арнед

ДУША
ПАНДОРЫ

Каждое утро Деми просыпается, не помня ничего о себе, пока не узнает, что она — инкарнация Пандоры. Той самой девушки, что открыла сосуд, ставший причиной бед, болезней и несчастий на Земле.

Напитавшись людскими страданиями, бог войны Арес стал достаточно силен, чтобы посягнуть на трон Олимпа и вступить в схватку со своим отцом, Зевсом. Теперь Деми нужно отыскать утерянный пифос Пандоры, чтобы освободить дух надежды, который остался на его дне. А еще понять, почему навязанный ей защитник носит маски чудовищ, скрывая половину своего лица, и какая сила дремлет в ней самой, когда-то одаренной богами.

Однажды она уже уничтожила мир. Ей же его и спасти.

Глава первая. Память в чернильных строчках

Где я?

Мысль звучала слабо, робко. Или верней назвать ее внутренним голосом?

Кто я?

Голос был женским, и то, что он спрашивал, вызывало страх. Удушающий, острыми когтями скребущий душу. Ведь там, под черепной коробкой — чернильная пустота. Кем бы *она* ни была, из нее вынули все воспоминания. Выели их, словно устричное мясо из раковины, оставив голову пустой и гулкой.

Она резко выдохнула, окончательно сбрасывая с себя, как кисею, остатки сна. И так, она знала, что на свете существуют устрицы со своими раковинами. Что еще?

Приподнявшись на локтях, она обнаружила, что укрыта лишь тонким покрывалом, хотя по комнате, как свободолюбивый кот, всю гулял ветер. Была ли знакома ей эта комната, до краев залитая, обласканная утренним светом? Она ждала импульса — хоть какого-то знака, хоть краешка воспоминания, уголок, за который можно потянуть, чтобы шелковой нитью намотать на кисть остальное.

Гулкая, мягкая пустота. Та часть ее разума, где хранились воспоминания — опутанный паутиной и запорошенный пылью чердак заброшенного дома.

Взгляд, блуждающий по комнате вместе с ветром, наткнулся на желтый стикер на стене: «Тебя зовут Деметра Ламбракис. Знакомые и родные называют тебя Деми».

— Деми, — тихо повторила она.

Теперь ей, знающей собственное имя, дышалось чуть легче. И все равно страх бился где-то внутри, под тонкой оболочкой кожи.

«Почему я не помню?»

Еще один стикер — еще один ответ. «У тебя очень редкая форма амнезии».

И хотя формулировка насторожила, знать причину, по которой ни одно воспоминание не спешило к ней приходить, уже неплохо.

Деми выбралась из постели. Отразившееся в зеркале лицо показалось чужим — настолько, что она, поевившись, поспешила отвернуться. Незнакомка в отражении исчезла, зато в поле зрения появились новые стикеры.

Ей семнадцать. Она учится в школе и немного играет на фортепьяно. Немного, видимо, оттого, что постоянно забывает ноты выученных мелодий. Приписка: «Остальное узнаешь у мамы» вызвало вздох облегчения, а после — мимолетную улыбку. Кем бы она ни была, какие бы препятствия амнезия ни воздвигала на ее пути...

Хорошо, что у нее была мама.

Случайный взгляд за окно, на верхушку виднеющейся вдали церкви, и память, что еще мгновение назад казалась пустой, подсказала: это церковь Святой Марии. Опершись о подоконник, Деми жадно вглядывалась вдаль. Она знала, что там, за окном — крохотная красочная Каламбака[1]. Улицы оживали перед глазами, словно панорама, словно фотоснимки или кадры однажды увиденного кино. Но вспомнить, как она гуляла по городку у подножия скал, о чем думала, бродя среди домиков с красными крышами, так и не смогла.

Прекрасно зная, что представляет собой мир и что в нем сейчас происходит, Деми не могла ответить на самый главный вопрос: кто же она такая? Как она учится в школе? Что любит есть на завтрак? Чем занимается в свободное время (кроме игры на пианино, о чем ей

сообщил безликий стикер)? Ни одного, даже самого незначительного или глупого факта о себе Деми назвать не могла.

А ведь она даже знала, что амнезия такой не бывает.

Она резко выдохнула, убрала руку с подоконника, чтобы не видеть, как дрожат пальцы. Желудок скрутило изжогой. Ей предстояло знакомство с собственной мамой... и, вероятно, с самой собой.

Деми усилием воли стряхнула с себя оцепенение. Стоять, уставившись на стикеры или до рези в глазах вглядываться в окно, будто окружающий мир таил в себе все ответы — легче, чем начать действовать. И все же, все же... Она покинула комнату, так и не ставшую ей родной. Не потребовалось вспоминать, куда повернуть — тело само вело ее.

Один взгляд на стоящую на кухне женщину, и из незнакомки она превратилась в ту, о которой Деми при желании могла бы написать целую статью. Но мозг ее не взорвался ворохом воспоминаний, а запестрел голыми фактами, что всплыли откуда-то изнутри.

Эту невысокую женщину с голубыми глазами (карий цвет Деми, вероятно, унаследовала от отца) и ухоженными волосами звали Элени. Она работала юристом, любила элегантные брючные костюмы, три раза в неделю занималась фитнесом в дорогом клубе, но при этом до безумия любила посыпанные сахарной пудрой и тающие на языке курабьедес[2].

Странно осознавать, что Деми смотрела на собственную маму, чью биографию помнила до мельчайших деталей... и совершенно не знала саму себя.

Она помнила сдержанную, вежливую улыбку Элени, что предназначалась людям чужим, посторонним. Помнила и заразительный смех, который доводилось слышать лишь самым близким. В такие моменты всегда безупречная леди казалась совсем девчонкой — искренней, яркой как вспышка и взрывной. Не помнила только, что у нее есть дочка по имени Деметра. Та, что унаследовала от нее если не цвет глаз, то миниатюрность и блестящие темные локоны.

— Привет.

Улыбка у Элени слегка натянутая, взгляд настороженный — готовится, если будет нужно, успокоить дочь.

«Дочь...»

— Привет. Амнезия, значит? — несколько нервно произнесла она.

Ощущения, что стоящая перед ней женщина — чужая, отчего-то не возникало, хотя Деми не могла вспомнить ни одного разговора с ней. Собственное отражение в зеркале подходило на роль незнакомки куда больше.

Уголки маминых губ опустились, но лицо расслабилось.

— Ты очень любишь чай, — после паузы поделилась она.

Деми тихо рассмеялась. Еще один факт в ее копилку.

— И собак, — добавила Элени. Сделала жест рукой, приглашая сесть к столу, пока она наливала чай и наполняла хрустальную вазочку с медом. На самом столе обнаружили остывающие тиганитес[3] и еще одна вазочка с толчеными грецкими орехами. — Уговариваешь меня завести щенка последние пару лет. — Она запнулась. — У меня аллергия, но ты постоянно об этом забываешь.

Не упрек — простая констатация.

Рука застыла в воздухе, не донеся тиганитес до рта.

— Это у меня с рождения? — Деми поморщилась. От того, что она «это» произнесет, хуже не станет. — Амнезия?

Элени кивнула, быстрым нервным жестом проведя рукой по волосам.

— Причем такая, которая не поддается никакой классификации. То есть она редкая... чрезвычайно. Я собирала информацию. Такие люди встречаются, но один раз за десятки лет.

— И в чем же именно проявляется ее уникальность? — медленно спросила Деми.

— Каждую ночь во время сна из твоей памяти стирается вся информация о тебе, о твоей личности. Все — абсолютно все — прочее остается нетронутым или же вспоминается в течение дня.

Кухню наполнила напряженная, звенящая тишина.

«Как я реагировала раньше? Плакала? Долго отходила от шока?» А ведь это «раньше» действительно существовало. Вся ее жизнь — постоянный цикл забвения и обретения воспоминаний.

— Ты росла почти обычным ребенком. Почти. Так же училась считать и писать, как и другие дети, давала куклам имена... Только свое постоянно забывала. Нас с твоим отцом это настораживало, но не пугало. А потом стало ясно, что с тобой происходит что-то неладное.

— Отец ушел из-за этого? — резко спросила Деми. — Он же... ушел?

Вывод сложился из воспоминаний об Элени, в которых та всегда была одна. Нет, конечно, рядом были коллеги, знакомые, приятельницы... И мужчины, которые, судя по взглядам, обращенным на Элени, были совсем не против стать Деми если не отцом, с чем уже опоздали, то отчимом.

— Да, но... — Мама растерялась. — Нет, не думаю. Господи, каждый раз говорить тебе об этом... Прости. У него другая семья, но он души в тебе не чаёт. Часто приезжает, постоянно интересуется, как у тебя дела. Просто... так вышло. Даже думать не смей — в этом нет твоей вины.

Деми кивнула, рассеянно глядя в окно. Теперь она припоминала рослого кареглазого мужчину, что разговаривал с мамой. Но не с ней.

С тех пор, как проснулась, она воскресила в памяти несколько человек и целый до тонкости прорисованный городок. словно реставрировала старинную книгу, давая новую жизнь каждой из хрупких страниц, или строила замок из спичек — медленно, по одной крохотной детали. Однако любая попытка вспомнить, как кто-либо из так называемых знакомых обращается к ней самой, а не к ее родителям или посторонним, оборачивалась неудачей.

Деми была призраком в собственных воспоминаниях. Тенью, что отбрасывает человек, тенью, что лишь наблюдает за миром живых, но стать его частью не может.

— Если я просыпаюсь, уже себя не помня, значит, потеря памяти происходит во сне? А что, если...

— Не спать? Ты пробовала, милая. Это еще хуже.

Деми перевела взгляд на маму, требуя конкретики. Элени вздохнула, явно не желая расстраивать дочь еще сильнее. Она должна понимать: когда восприятие себя и мира размыто, словно картина с холста, на который пролили воду, ценна каждая деталь, каждый крохотный пазл.

— После полуночи... С каждым часом ты начинала понемногу забывать. Сначала незначительные факты, потом — целые годы. Все, что воссоздавала на протяжении минувшего дня. И смотреть, как ты по кусочку теряешь себя... это жутко.

Деми отодвинула тарелку. Аппетит пропал, так и не появившись.

— Пойдем, кое-что покажу, — мягко сказала Элени.

Вслед за ней Деми вернулась в спальню. Пройдя к тумбочке у окна, Элени выдвинула нижний ящик и поманила ее к себе. Ящик оказался полон крохотных блокнотов на спирали.

— Это все ты. Твоя история.

— Дневники?

— Что-то вроде, хоть ты не раз говорила, что вести дневник в твоём возрасте — это глупо. Там — заметки о тебе, отражение твоего самопознания, понимания самой себя.

Элени улыбнулась улыбкой отстраненной, почти печальной, проведя пальцем по корешкам. Деми замерла, не дыша.

— Записи, случается, разнятся. Ты пишешь, что обожаешь черный цвет, а двумя страницами спустя радуешься, что купила роскошный красный топ, ведь твой цвет — красный. Ты подросток, это нормально. В одном блокноте ты говоришь, что обожаешь нежиться на солнышке, а в другом — тогда в Каламбаке была аномальная жара — просишь увезти тебя на север, — рассмеялась Элени. Заметив взгляд Деми, объяснила: — Каждый день ты разрешаешь мне их читать. И каждый день я предлагаю тебе сделать то же самое. Ты всегда отказываешься. Просто берешь чистые и начинаешь с нуля. Однажды я спросила тебя, почему.

— И? — заинтересовалась Деми.

— Ты сказала: «В этих блокнотах — лишь ничего не значащие для меня слова. Черные буквы на белом в синюю клетку фоне». Чтобы понять, кто ты такая, тебе нужно не прочитать, а...

— Почувствовать, — тихо сказала она.

Элени кивнула, ласково скользнув ладонью по ее руке.

— Вот почему каждый новый день ты берешь новый блокнот и заново пишешь свою историю. Сделай так и сегодня.

Деми кивнула. Из стопки чистых блокнотов (купленных наперед, подумала она с холодком в груди), выбрала блокнот с черной обложкой и золотистым, красиво бликующим на свету абстрактным рисунком.

— Если хочешь... я побуду с тобой, — неуверенно сказала Элени.

— Все нормально. Правда. Но я хочу немного...

— Побывать одна.

И разложить по полочкам всю распадающуюся на неравные куски реальность.

Деми кивнула.

Дверь за Элени тихо закрылась. Деми окинула взглядом комнату, усыпанную стикерами, словно осенней листвой. Снимать не стала — еще пригодятся... и, вероятно, не единожды. Собственное бессилие вызвало глухое раздражение. Что ей остается, если медицина, по словам мамы, бессильна? Безропотно ждать новый день, который сотрет все воспоминания, точно торнадо — попадающиеся на пути хлипкие дома? Слизнет волной забытые на берегу вещи и схлынет, оставив вместо памяти чернильную пустоту.

Среди бастиона из тетрадей и учебников на компьютерном столе примостился новенький ноутбук. Наклеек на крышке, что могли чуть больше рассказать о ее вкусах (и, может быть, о ее чувстве юмора или отсутствии такового) нет. Возможно, она консервативна? Сдержана? Просто не любит портить чистое пространство излишними элементами? Стикеры на стенах ее комнаты — не в счет.

Деми со вздохом откинула крышку ноутбука. Как только экран загорелся, открыла браузер, следом — историю просмотров. Ей даже задумываться о своих действиях не

приходилось — пара уверенных кликов мышки, и готово. В истории поиска сплошным потоком слово «амнезия». Она последовательно кликнула по самым первым, и углубилась в чтение.

Ни один из существующих типов амнезии под ее случай не попадал. Во всяком случае, так казалось поначалу, после изучения самых популярных статей, которые выпали по запросу. Через пару часов тщательного поиска по ключевым словам Деми нашла куда более любопытные исследования. Так, профессор университета Аристотеля в Салониках Александрос Папаиоанну в своей работе рассматривал редкий вид амнезии, которая, как и сказала Элени, случалась раз в несколько десятков лет. Симптомы похожи до мурашек: сохранение памяти о всех прошлых и настоящих событиях, что затрагивали окружающий мир и близких людей (что уже не характерно ни для ретроградной, ни для тотальной, ни для прогрессирующей амнезии), но ежедневная потеря любой личной информации. Включая даже имя.

Деми выписала имена больных этим видом амнезии — всех тех, чьи истории профессору Папаиоанну удалось проследить. Все они были женщинами, и все — гречанками. Не всегда по крови (был и ребенок от смешанного брака, и чистокровная англичанка, чьих родителей занесло в Грецию задолго до ее появления на свет, и русская, чья семья поколениями жила здесь), но обязательно — по рождению.

— Невероятно, — прошептала Деми, глядя на перечень имен и список греческих городов рядом.

Однако главное потрясение ждало впереди. Листок пополнился датами рождения женщин, чьи симптомы болезни вторили ее собственным, и, если им верить, в мире никогда не существовало двух таких женщин. Более того, дата смерти одной страдающей амнезией близко соседствовала с датой рождения другой. Разница между ними чаще всего составляла девять месяцев, гораздо реже — семь. Тот самый срок, который необходим женщине, чтобы выносить ребенка.

Эта странная болезнь, выходящая за рамки всех существующих классификаций, будто не желала покидать этот мир. Будто обладала собственной волей. И когда умирал один человек, она каким-то неведомым образом «заражала» собой другого, что спустя несколько месяцев появится на свет.

Неудивительно, что в статьях на первых страницах поиска об исследованиях профессора Папаиоанну не говорилось ни слова. Его версию существования амнезии, названной им «личностной» или «персонифицированной», научное сообщество единодушно нарекло... антинаучной. Отчасти Деми их понимала: выводы профессора Папаиоанну звучали слишком фантастично, чтобы люди науки приняли их всерьез. Его даже обвиняли в том, что он фальсифицировал часть данных, чтобы они вписывались в его теорию. Или же кто-то сделал это за него в попытке создать очередную мистификацию.

А Деми сидела, ошеломленная, не зная, что и думать. Она, ни много ни мало, была прямым доказательством этой «антинаучной» теории. Последняя женщина с «персонифицированной» амнезией умерла пятого марта в городе Миконос. А девять месяцев спустя в городе Каламбака на свет появилась Деметрия Ламбракис.

Она откинулась на спинку стула, устало потерла глаза. Приходилось признать: ее небольшое расследование почти ничего не прояснило, лишь добавило новых вопросов. Без ответа остался и главный. «Кто я?» Или: «Какая я?»

Дерзкая или миролюбивая? Веселая или угрюмая? Тихоня или острая на язык?

Спокойная ли она или у нее взрывной характер? Есть ли у нее друзья? Кричит ли она, увидев паука или мышь? Любит ли сладкое? Придет ли людям на помощь или отвернется, когда кто-то в ней нуждается?

Из этих крохотных песчинок и состоял ее внутренний мир. Так много, казалось бы, мелких деталей, что, сплетенные воедино, и составляют ее личность. А Деми ничего о них — о себе — не знает.

Взять хотя бы эту комнату... Здесь столько личных вещей, безделушек, впитавших в себя частичку ее души, порцию ее воспоминаний. Деми смотрела на них — игрушечную ламу, ночник на изогнутой ножке, подставку для ручек в виде пузатой чайной кружки, брелок в форме сердца, зеркальце в старинном стиле, — а они продолжали оставаться лишь безликими предметами. Почему в свое время она купила их? Почему выбрала именно такой цвет, такую форму?

Оказалось, не знать себя — это страшно. Страшно, когда в знакомом до мельчайших деталей мире незнакомым остаешься только ты сам.

Деми вышла из комнаты с накинутым на плечо рюкзаком и чистым блокнотом в руках. Пора писать заново свою собственную историю.

[1] Каламбака — маленький городок в материковой Греции на западной окраине Фессалийской долины.

[2] Курабьедес — греческое печенье с жареным миндалем.

[3] Тиганитес — греческие оладьи с хрустящей корочкой. Их часто подают, густо поливая медом и посыпая грецкими орехами.

Глава вторая. Отголоски воспоминаний

В школе все оказалось слишком привычно для человека, который только что начал жизнь с чистого листа. С белого листа, на котором еще на рассвете не было ни единой кляксы, слова, строчки, ни одного воспоминания о ней самой. Войдя в класс, Деми направилась к своему месту, хотя все попытки вспомнить, как она сидела за ним, оборачивались ноющей болью в висках.

Одноклассники вели себя с Деми вполне дружелюбно. Кто-то спросил, чем она занимается в выходные, чтобы пригласить на домашнюю вечеринку, кто-то был озабочен несделанным домашним заданием, а кто-то практиковался в остроумии, обсуждая новый роман математички.

Имена всех этих «кто-то» Деми знала. Не знала только свое отношение к ним. Нравятся ли они ей? Дружат ли они? Знает ли хоть кто-нибудь из них о том, что с ней происходит каждую ночь?

Знакомые лица учителей, одноклассников, школьной команды по легкой атлетике... Наборы лиц, живые фотокарточки, лишённые эмоциональной подоплеки. Лишённые какой-либо связи с ней.

В телефоне список номеров и гроздь эсэмэсок, показавших, что приятельско-дружественные отношения у Деми все-таки имелись. Вот только ни на парня, ни на лучшую подругу, о которых умолчала и мама, нет и намёка. Вероятнее всего, дело именно в ее «особенности», которая намертво рушила все возникающие связи с первым же рассветом. Допустим, прониклась Деми к кому-то симпатией ... а дальше-то что? Ночь пройдет, и эти люди — что подруга, что романтический интерес — превратятся в сухой список фактов из их биографий. Обезличенных, не имеющих никакого отношения к ней самой.

Одиночество накрыло ее тесным, жарким плащом, сдавило так, что она боялась задохнуться. Помог стакан холодной воды из питьевого фонтанчика.

А еще — крохотная, но надежда.

После школы Деми заглянула в кафе, которое встретилось по дороге к дому. Взяла по шартику клубничного, ванильного и шоколадного мороженого. Поняла, что последнее — вне конкуренции и сделала первую запись в блокноте. Вторая, неуверенная: кажется, ей все-таки нравится красный цвет, но и серебристо-серый тоже ничего. А еще красиво смотрится оттенок пыльной розы, как платье у девушки за барной стойкой.

Раздавшийся за соседним столиком рингтон заставил ее поморщиться. Деми уверенно вывела в блокноте — рок, эту грохочущую пародию на настоящую музыку, она терпеть не может. Осталось только узнать, какая музыка не входит в эту категорию. Наверняка классика, раз она играет на пианино... Или она мыслит стереотипно? Проще всего прослушать плейлист на смартфоне, но она была права тогда, хоть и не помнила, как говорила это Элени... Маме. Все эти вещи нужно пропустить через себя, чтобы понять, какое место они занимают в ее жизни.

Деми прогулилась по парку, вглядываясь в скользящие перед ней лица. Подумалось, что все возможные определения амнезия подменяла в ее голове словом «знакомый». Знакомое кафе вместо любимого, знакомый парень вместо парня, который нравился ей или который ее раздражал. Знакомая девушка вместо девушки, с которой они вместе ездили в летний лагерь, ссорились или сплетничали у питьевого фонтанчика. Так много фактов о

проходящих мимо людей (Каламбака была совсем небольшим городком), но ничего, что бы связывало их с нею.

Весь этот день был экскурсией по лабиринтам собственного прошлого. Блуждая по городку, Деми мысленно отмечала все, что казалось ей *знакомым*, и за крючок вылавливала из глубин памяти воспоминания об этих местах. Смотрела афиши в кинотеатре, делая пометки, на какой фильм точно бы пошла, а описание какого вызывало лишь скуку или недоумение.

Сколько было таких дней, наполненных потрясением, узнаванием и попытками понять себя? Выходит, целая жизнь... И завтра все начнется сначала. Шокирующая правда, принятие и постепенно возвращающиеся воспоминания — не о Деметре Ламбракис, но о мире, что ее окружал.

А как насчет всех тех вещей, о которых мамы обычно не знали? Глупая детская влюбленность, мальчик, который впервые ее поцеловал, первые прогулянные уроки... Если эти секреты и существовали когда-то в голове Деми, никто их ей не расскажет. Они стерты.

Обычный день не самого обычного подростка прервало появление двух причудливых незнакомцев. У девушки на несколько лет постарше ее самой была светлая, почти прозрачная кожа, природный румянец и светло-золотистые волосы чуть ниже плеч. Нежная, хрупкая красота... Рядом с ней — высокий безбородый мужчина с хмурым лицом, полускрытым глубоким капюшоном. Выцветшие глаза по цвету — словно линялые джинсы. Уголки губ опущены вниз, годами продавливая носогубные складки. В купе с такими же глубокими бороздами меж бровей и тяжелым подбородком они создавали образ человека неизменно мрачного, вечно недовольного — если не собой, так окружающими его людьми.

Вот и сейчас, скрестив руки на груди, он исподлобья изучал Деми. Будто пытался понять, достойна ли она здесь находиться. И хоть в его взгляде не было откровенной враждебности, от столь пристального внимания стало неуютно.

Оба незнакомца были облачены в странные наряды. Мужчина в темно-сером, похожем на рубище[1], длинном балахоне. На девушке — невесомое платье из нескольких слоев полупрозрачной белой ткани, перехваченное поясом на талии (*непос*, подсказала ее причудливая память), и серебристые сандалии.

— Гея животворящая... — выдохнула хрупкая незнакомка. — Это она. Мы нашли ее... Слышишь? Мы ее нашли!

— Уверена? — с явным недоверием спросил мужчина.

Голос глухой, словно доносящийся из глубокого колодца. Незнакомка с усилием кивнула.

— Нить не ошибается.

Нахмурившись, Деми и впрямь увидела сверкающую серебром нить, что оплетала ее запястье. Взмах ресниц — и та исчезла.

— Прости, — смущенно произнесла незнакомка. — Невежливо так смотреть на тебя и говорить, словно тебя нет рядом. Я просто едва могу поверить, что это наконец случилось. Я думала, никогда тебя не найду.

— Кто вы? — чуть резковато спросила Деми.

Не терпела, когда ее разглядывали так, словно она — музейный экспонат. Добавить бы этот факт в блокнот, но момент, пожалуй, не самый подходящий.

Незнакомцы переглянулись.

— Долгая история.

Как и воспоминаний о себе, времени у Деми было немного. Оно утекало золотистым песком из одной стеклянной чаши в другую, с каждой песчинкой лишая ее шанса узнать что-то о себе. И так будет продолжаться, пока не станет поздно.

Пока не наступит рассвет.

— Хорошо, зайдем с другой стороны. Зачем вы меня искали?

— Ты нам нужна.

— Зачем? — нетерпеливо повторила Деми.

— Чтобы ты исправила то, что натворила, — отрывисто произнес мужчина в балахоне.

Девушка легонько ударила его по плечу. Он, похоже, даже не заметил.

— Будь с ней помягче.

— Я лишь говорю правду, — пожал он плечами. — Разве нет?

Деми отступила на шаг, будто неосознанно пытаясь защититься от чужих обвинений. Какова вероятность, что она совершила что-то, о чем не помнит? Если принимать в расчет ее загадочную амнезию... прямо скажем, очень велика.

У нее было слишком мало времени, чтобы узнать саму себя, чтобы успеть понять, какая она, Деметрия Ламбракис. И все же некая часть ее существа сопротивлялась мысли, что она могла совершить нечто по-настоящему плохое.

— Я не понимаю, о чем вы.

— Ну конечно ты не понимаешь. — В голосе мужчины не было злости, лишь мрачное... предупреждение. — Именно поэтому ты сбежала.

В горле пересохло. Сбежала? Откуда? И что же такого она могла натворить?

— Тебе придется пойти с нами, — мягко сказала золотистоволосая незнакомка.

— Ну уж нет.

Деми отшатнулась назад.

— Придется, — припечатал незнакомец.

Шагнул вперед, собираясь схватить ее за руку и куда-то увести за собой.

Глухо вскрикнув, Деми развернулась и помчалась прочь. Не помнящая себя, она знала этот парк как свои пять пальцев, и очень скоро затерялась в лабиринте деревьев, скамеек и дорожек. Преследовали ли ее незнакомцы? Оставалось надеяться, что они давно поотстали. Деми отчаянно хотелось знать, в чем ее обвиняют, только она сильно сомневалась, что эти двое настроены на спокойное обсуждение и конструктивный диалог.

Элени дома не оказалось. Деми восстановила сбившееся после бега дыхание, успокоила рой спутанных мыслей. Это все какая-то ошибка, убеждала она саму себя. Ее просто приняли за другую. Прогнать тревогу помог горячий душ и чай — такой горячий, что обжигал пальцы. Кажется, она не любила холод... Или и душ, и чай сейчас — лишь верные средства, чтобы унять нервную дрожь?

Окончательно успокоившись, Деми продолжила подбирать недостающие пазлы, что, сложившись, должны были составить картину ее личности. Вряд ли на это хватит одного дня, но... Она могла хотя бы попытаться.

Деми просмотрела корешки всех найденных в доме книг, чтобы понять, какой жанр ей ближе. Прослушала с десятков песен, посмотрела фильм... Однако чем бы она ни занималась, недавний разговор с парочкой из парка не выходил из головы.

«Вдруг они искали именно меня? Но что я сделала? Что я, с утра не знающая даже собственное имя, могла сделать?»

И так раз за разом, снова и снова — будто заевшая пластинка. Знала бы Деми, что

совсем скоро будет кому задать волнующий ее вопрос.

За входной дверью раздались шаги и приглушенные голоса. Деми, выскочив на порог спальни, замерла. Тело сковало напряжением. Рука до побелевших костяшек вцепилась в дверной косяк.

«Глупая, ты чего боишься? Они же не могут...»

В замочную скважину скользнуло тонкое дымчатое щупальце. Показавшиеся следом собратья-тени оплели замок, что-то щелкнуло, и входная дверь распахнулась.

Теперь чужаков было трое. Знакомая красавица и хмурый мужчина, а с ними — молодой, на пару лет постарше Деми, незнакомец в наглухо закрытом темном плаще, что опускался до самых пят.

Он стоял к ней боком, будто специально для того, чтобы продемонстрировать эталонный греческий профиль: прямой нос, плавной линией идущий ото лба, широкая, четко очерченная челюсть и выдающиеся скулы. А еще тонкие губы, что после ответа девушки неодобрительно сжались в полоску.

Деми сочла незнакомца до неприличия красивым... и считала так ровно до тех пор, пока он не повернулся. Всю правую половину его лица закрывала эбонитово-черная полумаска с изогнутыми рогами. Не бык, но... минотавр. Как она крепилась на голове? Почему лицо незнакомца так плавно перетекало в маску, будто та была врезана в кожу? И зачем кому-то столь красивому нечто столь уродливое?

«Чтобы вызывать страх», — содрогнувшись, подумала она.

В нее впились ярко-синие глаза. И не взгляд вовсе — бритвенное лезвие. Приросшая к полу, Деми с трудом отвела собственный.

— Как вы меня нашли? — выдавила она.

Незнакомка с золотым полотном волос отчего-то рассмеялась.

— После всех этих веков, что я искала тебя по всей планете, найти тебя в маленьком городке не составило труда.

Деми решила, что ослышалась. Веков?

— Нить Ариадны привела меня к тебе. *Моя* нить. Слышала когда-нибудь о подобной?

— Конечно. — Память откликнулась мгновенным узнаванием. — Это один из древних мифов.

— Тогда и ты — миф, — со странной интонацией произнесла та, то назвала себя Ариадной.

Деми лишь помотала головой. Что за странная игра с оттенком сумасшествия?

— Смотри.

Ариадна перешагнула порог. Сложила изящные ладони ракушкой и медленно развела их в стороны. В воздухе повис ослепительно сверкающий, словно солнце, клубок. Прикрыв глаза, Ариадна коснулась его кончиками пальцев. Клубок засиял и начал разматываться сам по себе, больше не требуя ее прикосновений. Тоненькая, словно паутина, серебристая нить потянулась к Деми. Та ошеломленно коснулась нити, но рука прошла сквозь воздух.

— Как... Как это?

— Я думаю о тебе, и к тебе нить меня приводит. Было непросто, правда, найти тебя в череде людей. Этот мир... он слишком огромен.

Находясь в некоей прострации, Деми снова пыталась схватить нить. Бесполезно — не легче, чем поймать в ладонь солнечный луч.

— И никто за все время ее не обнаружил?

Что могли подумать люди, увидев в толпе странную серебряную нить, которая и существовала, и не существовала одновременно?

— Не все те, кого я ищу, желают, чтобы их находили. — Ариадна улыбнулась краешком губ. — Потому я могу сделать так, чтобы нить была видима только мне одной.

Деми упрямо мотала головой. Что бы ни предстало ее глазам, это никак не могло быть нитью Ариадны из древних мифов, которые хоть раз в жизни прочитал каждый уважающий себя грек.

— Хватит раскланиваться перед ней, — прервал ее парень в маске. Речь его звучала резко, отрывисто, словно он пересиливал себя, и вовсе не желая говорить. Или не желая здесь находиться. — Нам пора. Мы и так слишком долго ждали.

Если Ариадна и мужчина в балахоне говорили гладко, то в речи Маски мелькали незнакомые Деми слова, отчего понять его становилось куда сложнее. И все же она понимала.

Эмоции чужаков разнились: Ариадна смотрела с сочувствием, безымянный пока мужчина — со странной смесью хмурой недоверчивости и настороженности. От третьего же волнами исходило... Нет, не презрение даже — холодная ненависть. Этот взгляд, эти поджатые губы... Линий его лица и бритвенно-острого взгляда достаточно, чтобы понять, как он к ней относился. Но чем она это заслужила?

— Ты нужна нам, — проникновенно сказала Ариадна. — Не волнуйся, дорога не займет много времени. Харон нас перенесет.

— X-Харон?

— Проводник в мир мертвых. Перевозчик душ. Да, ты все верно поняла. *Тот самый* Харон, — бросил Маска.

— Не пугай ее, — неодобрительно нахмурилась Ариадна. Перевела взгляд на Деми. — Он может перемещаться не только между миром мертвых и миром живых. Между двумя другими мирами тоже.

— Ах, вот как, — пробормотала Деми, отступая назад.

План прост — ретироваться в комнату, к лежащему на тумбочке смартфону и вызвать полицию... или санитаров. Для верности — и тех, и других. И конечно, никуда идти с этими сумасшедшими она не собиралась. Пусть преимущество не на ее стороне, но без боя (что, судя по всему, заключался в барахтании в крепкой хватке мужских рук) она не сдастся. В конце концов, можно зацепиться обеими руками за дверной косяк и кричать на весь дом — вдруг кто-то из соседей или прохожих услышит.

— Придется, — лаконично ответил Харон.

Ему понадобилось лишь несколько широких шагов, чтобы оказаться очень близко от Деми. Протянутая рука, коснувшаяся ее локтя и крепко его обхватившая...

И дом исчез.

Он распался в воздухе темными хлопьями, словно кто-то поджег его, а затем многократно ускорил время, превращая камень в пепел. И когда тот опал на землю, ничего не осталось.

Окружающее пространство было окутано тьмой или тьмой и являлось. Деми задохнулась паникой, замолотила руками перед собой. Чтобы обрести хоть какую-то опору, хоть какое-то понимание, где она и что с ней произошло.

— Не бойся. — Глухой голос Харона не вселил в нее ни толики уверенности. — Идем.

Он взял Деми за запястье. Первым порывом было отдернуть руку, но мысль остаться

одной в темноте пугала еще сильнее, чем прикосновение странного незнакомца. Окружившая ее черным саваном тьма была неправильной. Неестественной. Чужеродной. Отчасти оттого, как стремительно она пришла на смену дню. Казалось, тьма, подобно некоему хтоническому зверю, просто поглотила дом Деми. И, быть может, ее саму.

Харон повел ее куда-то вперед. Звук его шагов был неслышим. Может, и его поглотила тьма?

— Где мы? — Голос дрожал.

Раздался еле слышный шелест — в воображении Деми неразличимый сейчас Харон пожал плечами.

— У этого места нет названия. Его называют переходом, тоннелем или даже порталом.

— А на самом деле?

Ей нужно было говорить, нужно было занимать чем-то мысли, пока Харон вел ее по одному ему ведомому пути.

— Это часть прежнего, древнего мира. Часть Хаоса, из которого наш мир и появился. Длинный и узкий тоннель, соединяющий два мира...

— Как Стикс? — вдруг вырвалось у нее.

Деми сама не верила, что пытается найти в происходящем какие-то параллели. Какое-то... рациональное зерно. Особенно забавно, если учесть, что их она искала... в мифах.

Однако Харону сравнение пришлось по вкусу, судя по сорвавшемуся с его губ короткому смешку.

— Верно. Как Стикс. Я сам однажды проложил этот тоннель.

Голова раскалывалась все сильнее. Реальность пыталась убедить Деми в том, что она шла, ведомая самим Хароном... От жуткого осознания желудок скрутился в узел. Она примерзла к земле — или к тьме, что ее заменяла.

— Ты ведешь меня в Царство Мертвых? — Вышло хрипло и сдавленно.

— Нет.

И все. Просто «нет». Харон не пытался ее успокоить, не пытался ничего объяснить.

— Идем. Задерживаться тут не стоит.

— Иначе что?

— Если какая-то сила выдернет меня отсюда, как корень из земли, ты, потеряв проводника, навеки здесь останешься. Навеки застрянешь в темноте между мирами.

Деми, что еще мгновение назад отчаянно желала сбросить руку Харона с запястья, сама вцепилась в его плечо. Задавать вопросы перехотелось. Хотелось просто идти.

К *этой* темноте глаза не привыкали — и не привыкнут, наверное, и вечность спустя. Ей бы хоть искру света... или зрение, как у кошки. Наконец незыблемость темноты чуть пошатнулась. Впереди чернота стала зыбкой, начала расползаться клочками, словно выеденная кислотой ткань, уступая дорогу краскам и приглушенному свету.

Мир, открывшийся ее глазам, без сомнения, был чужим. День в нем — кроваво-алым. Потому что алым было небо над ее головой.

[1] Рубище — одежда из грубой ткани.

Глава третья. Другая Греция

Деми осторожно приоткрыла крепко зажмуренные глаза, но видение не ушло. Но так ведь не может быть. Так не бывает. Она не могла просто взять и исчезнуть из родного мира, которую подменила пугающая чужая реальность.

Хрупкое подобие нормальной реальности, по кирпичику выстроенное ею за неполный день, грозило разлететься на осколки. Ведь небо так и осталось алым, словно плачущим не дождем, но кровью.

— Где мы? — хрипло спросила Деми.

Кажется, она повторяется...

— Афины.

В Афинах Деми была, и поняла это, как только название города отыскало в ее памяти нужную тропу. Она помнила увитые зеленью улицы Плаки и беленые здания Анафиотики, помнила Акрополь и Панатинаикос[1] с его белоснежными трибунами, площадь Монастираки и храм Эрехтейон.

Но то, что она видела перед собой, никак не могло быть теми Афинами.

Деми стояла на скалистом холме, с высоты глядя на расстилающийся внизу нижний город. В тусклом свете пасмурно-алого дня она видела мощеные щебенкой и каменными плитами улицы, двускатные крыши домов, крытые глиняной черепицей. Простирающаяся на пологом склоне площадь, окруженная зданиями со всех четырех сторон, выделялась на фоне всего остального города, открытым пространством приковывала к себе взгляд. Агора[2].

Под портиками — крытыми галереями с колоннадой — прогуливались облаченные в хламиды и хитоны люди.

На вершину холма, где застыла Деми, вела выложенная по пологому склону мощеная дорога. Оборачиваясь, она уже знала, что увидит — застывший во времени, будто неподвластный силе самого Хроноса[3] древний Акрополь. Знала, но от увиденного все равно перехватило дух.

Облицованные мрамором стены храмов и святилищ, возвышающиеся над людьми статуи богов... Торжество симметрий и прямых, четких линий. Геометрически выверенные прямоугольники окруженных колоннадами зданий.

Прекрасный мир под алым небом. Древний, вероятно, мир.

— Невероятно, — прошептала Деми.

— Я скоро вернусь, — бросил Харон.

И исчез.

Деми пыталась убедить себя не бояться, в отчаянии вонзая ногти в ладонь. Ее оставили одну в незнакомом мире — а сомнений в том, что мир был иным, у нее не осталось. Достаточно оглядеться по сторонам... или поднять взгляд в небо. Обхватив себя руками за плечи, она просила себя просто подождать. Рано или поздно наваждение схлынет или случится что-то еще... Рано или поздно все встанет на свои места. Рано или поздно...

Харон появился пару минут спустя в сопровождении Ариадны и Маски.

— Где мы? — тихим от надвигающейся истерии голосом спросила Деми.

Она не отступится, пока не услышит исчерпывающий ответ. Ответ, не оставляющий новых вопросов.

— Мир-тень, мир-война, — глухо обронил Харон. — Отраженная Древняя Греция.

— Умиравшая Алая Эллада, — с мукой в голосе прошептала Ариадна.

Деми стояла, запрокинув голову, и неверяще смотрела в небо. Одно дело — узнать, что не помнишь половину собственной жизни. Ту ее часть, что связана с самой тобой. Другое — обнаружить, что мир совсем не такой, каким представлялся тебе семнадцать лет. Что у него, у привычного мира, есть обратная сторона. Сторона иная. Однако Деми видела его собственными глазами... если они ее, конечно, не обманывали.

— Это небо... Почему оно... такое?

— Из-за войны, что не может оставить этот мир, — прошептала Ариадна.

— Из-за пролитой на облака крови, — с какой-то тихой яростью бросил Маска.

Голова Деми потяжелела от зарождающейся в висках свинцовой боли. Кровь в облаках... Нет, лучше об этом не думать, иначе недолго сойти с ума. Не стоило задавать и следующий вопрос, но промолчать она не сумела.

— Но почему Алая Эллада зовется умирающей?

— Ее убивает война между Зевсом и Аресом. Медленно, по капле убивает.

— Зевс и Арес, — медленно повторила Деми. — Бог неба, грома и молний и бог войны Боги Олимпа. *Боги.*

Ариадна улыбнулась.

— Разве в вашем мире нет богов?

Деми открыла было рот, но тут же с легким стуком его захлопнула. Объяснить всю глубину ее шока было непросто. Пожалуй, невозможно даже.

— Не понимаю... В каком же тогда мире живу я?

— В мире Изначальном, — сухо поведал Харон, — отделенном от Алой Эллады непроницаемой завесой. Той, которую обычным людям без помощи извне не преодолеть.

Деми стиснула руки, ощущая, как их охватывает дрожь. Такой долгий день, такой до безумия странный...

Если на мгновение забыть об амнезии (забавный выходил оксюморон), еще несколько часов назад она была обыкновенным подростком. Выбирала наряд в школу, ела тиганитес на завтрак, слушала музыку, изучала город... и готовилась повторять все это день за днем, снова и снова. А затем всю ее жизнь перевернули с ног на голову.

— Но я не понимаю...

— Хватит. Этих. Вопросов, — обрубил Маска. Только сейчас Деми заметила, что его правая рука затянута черной кожаной перчаткой. — Надо возвращаться, пока не наступила ночь. Мы потеряли слишком много времени, бегая за тобой по всему городу.

— Это ты-то бегал? — мрачно хмыкнул Харон. — Мы вызвали тебя в последнюю минуту.

— Зачем?

Не самый приоритетный вопрос из списка в голове Деми, он вырвался сам собой. В Алую Элладу перенес ее Харон, так зачем нужно было вызывать Маску? Чтобы без усталости пронзал ее ненавидящим взглядом синих глаз?

— Мы думали, ты будешь сопротивляться, — смущенно ответила Ариадна. — Думали, у тебя есть сила. А Никиас... Скажем так, он сумел бы с ней совладать.

— Сила? — нахмурилась Деми.

— Дар богов.

— Ах, ну да. Боги. Как же я могла забыть.

Она помассировала пальцами виски. Чувство нереальности происходящего не

отпускала. Вопросы множились и распирали голову изнутри.

— Хотите сказать, что все, абсолютно все древние мифы о богах и героях — правда?

Она бы не поверила в это ни на мгновение... Если бы незнакомец по имени Харон собственноручно не перенес ее из родного мира в мир чужой и, кажется, смертельно опасный.

— Просто убери слово «миф» и замени его словом «история», — бросил Маска... Никиас. — И все сразу встанет на свои места.

— Называть ее мифами придумали те, кто не видел, как они превращаются в правду, — проронила Ариадна, отрешенно глядя куда-то поверх ее плеча.

Деми на мгновение прикрыла глаза. Примириться с реальностью все еще не удавалось.

— У меня нет никакой силы. И быть не может. Я вообще не понимаю, зачем я здесь. Где я, я не понимаю тоже, но...

— Покажи ей Эфир. — Глаза, видимые через прорези маски, сощурились.

— Никиас...

— Покажи.

Не просьба даже — почти приказ. Никиас подался вперед и произнес странно прозвучавшие слова, не вызвавшие в сознании Деми никаких ассоциаций. Шагнув к ней, Харон стиснул ее запястье. Она и запротестовать не успела, как мир переменялся.

В очередной раз.

Вокруг нее разлился алый сумрак — густой, плотный, почти осязаемый. Небо заволкло пеленой... Впрочем, оно было всюду, это небо. Землю здесь заменяли облака... нет, грозные тучи. Дымную серость вдалеке с грохотом разрезали пламенные вспышки — летящие откуда-то сверху огненные молнии. Сам воздух здесь полыхал, полыхало небо, словно молнии были способны зажечь облака. В ноздри бил запах гари, дыма и чего-то еще — незнакомого, но побуждающего прикрыть нос рукой.

— Мы сейчас между небом и землей. Не так романтично, как звучит, правда? — с мрачной усмешкой поинтересовался Харон.

Алый сумрак разрезали крики боли и ужаса, приглушенные, казалось, доносящиеся до Деми через плотный слой ваты. Прогремел раскат грома, содрогнулась земля... или то, что здесь ее заменяло. Она закрыла ладонями уши, беззвучно крича, сотрясаясь всем телом. Его, словно хрупкую статую, разбивал на части оглушительный рокот.

Деми пошатнулась, с трудом убеждая ослабевшие колени удерживать ее на месте. Ботинок по самый каблук утонул в облаках. Хлыстом, хлесткой пощечиной ударил страх, что она провалится в эту неизмеримо странную алую трясину. Но под мягким дымчато-алым покровом чувствовалась твердыня. Деми осторожно топнула, словно пробуя на прочность подтаявший по весне лед, и вопросительно взглянула на Харона.

Он дождался, когда поутихнет шум.

— Это барьер, воздвигнутый Эфиром, чтобы защитить смертных от бессмертной войны.

Бессмертной? Харон говорил о богах или о том, что война нескончаема? Впрочем, ей не стало бы легче от любого из ответов.

Эфир... Не просто бог изначального света, но олицетворение неба и воздуха — верхнего слоя, что окутывал облака и горные вершины, высшая оболочка мира и колыбель богов. Эфир заполнял собой пространство от небесного купола до прозрачной кисеи *земного* воздуха, что предназначался смертным. У последнего имени не было или же Деми его позабыла.

— Порой, когда Эфир слабеет, молнии прорывают барьер. Тогда на землю Эллады проливается алый дождь. Для чужачки, наверное, выглядит жутко. Но ты привыкнешь.

«Привыкну?» — отразилось в голове смятенным эхом.

Алый дождь? Но как он может быть алым, если... Не успев додумать, Деми наклонилась и зачерпнула ладонью низинный воздух. Кончики пальцев окрасились алым.

Пространство Эфира сочилось кровью, что лилась на облака.

Будто привлеченная словами Харона, огненная стрела ударила совсем рядом с Деми. Взвизгнув, она метнулась к нему. Не сказав ни слова, Харон одним движением задвинул ее себе за спину. Очень вовремя, потому что Деми оцепенела. Разорвись сейчас бомба рядом с ней, вряд ли она смогла бы даже пошевелиться.

Вспышка молнии обнажила то, что было сокрыто прежде. Сумрак оказался искусственным: в царстве Эфира был такой же алый день, как и внизу. А тот самый полумрак создавали полчища монстров, заполонившие собой, казалось, все пространство и заслонившие свет.

Деми не могла поручиться, что никогда не чувствовала такого сильного, удушающего страха. Страх, что медными цепями сковывал тело, вонзался в конечности ледяными шипами, замораживая внутренности и делая гусиной кожу. И все же что бы ни прятала ее память за глухой стеной амнезии, вряд ли оно страшнее увиденного в мире греческих богов.

Черные, как ночь, твари. С крыльями и клыками, с копытами и рогами, с шипастыми и гладкими, словно хлысты, хвостами, с глазами цвета крови и шкурой цвета тьмы.

Градом стрел летящие с высоты огненные молнии. Вот откуда этот запах, незнакомый Деми прежде, но очевидный теперь. Пропитавший воздух — сам Эфир — запах горелого мяса и дымящихся шкур.

Воины в доспехах из кованого металла. Мужчины и женщины, что сражались с немислимыми тварями среди алых облаков. В руках мечи и что-то, похожее на прирученный огонь — рассмотреть мешал кружащийся каруселью хаос. И она, Деми, была в его сердцевине. С ногами, приросшими к земле, которую здесь заменяли обогранные кровью облака, с одной лишь мыслью, бьющейся в голове, что смерть очень близко.

Десятки, сотни, а быть может даже тысячи чужих смертей.

Деми взвизгнула, когда в шаге от нее в кровавое облако вонзилось что-то, отдаленно похожее на метательный нож. Вгляделась в «небо», которое здесь заменяло плотное сумрачное ничто, но во вспышке очередной молнии смогла разглядеть лишь птицу. Расправившая крылья над ее головой, птица оказалась небольшой и... железной?!

— Берегись их перьев! — крикнул Харон.

— Что?

Метательным ножом и впрямь оказалось железное перо. Его собрат едва не пригвоздил ногу Деми к облаку. Одним прыжком переместившись вправо, она воззрилась на Харона.

— Что за птицы способны метать свои перья? — вырвалось у нее истерическое.

— Стимфалийские птицы, натасканные самим Аресом, — мрачно отозвался Харон. — Медные перья — их оружие.

От раската грома задрожали облака. Молнии стали ударять все чаще.

Прямо на глазах Деми притворяющаяся человеком тварь с тонкой талией, длинными волосами и пеликаньим клювом вместо рта и носа проткнула насквозь грудь одного из воинов. Захрипев, он упал. Тварь, радостно взыв, унеслась прочь в поисках новых жертв. Однако покой, предназначенный мертвым, воину не даровали. Вниз спикировала женщина в

окровавленном одеянии, с крыльями, словно сотканными из самой ночи, и черными по самые плечи руками. Она подлетела к едва живому воину и припала алыми, как облака Эллады, губами к ране на его груди. Оторвавшись, жадно взглянула на Деми. Та обмерла, но крылатая лишь разочарованно отвернулась.

Острые когти длиной с целую ладонь, увенчавшие черные руки, подхватили мертвого воина, зажали в тиски. На своих эфемерных крыльях создание поднялось ввысь, сжимая в руках добычу, и вскоре затерялось в сумраке среди сонма тварей. Улетело, унося с собой павшего воина.

В тут и там прорезавших пространство вспышках света, Деми разглядела и других крылатых. Они бродили по полю боя, ликующе вскрикивая, когда смерть сражала кого-то, налетали на павшего, словно стервятники, били друг друга когтями и крыльями, сражаясь за умирающих, чтобы жадно опустошить их и забрать куда-то обескровленные тела.

— Г-гарпии? — запинаясь, спросила Деми.

Этот образ — крылатый, жестокий и неистовый — подсказала ей своенравная память.

— Керы, — мрачно обронил Харон.

Теперь она вспомнила и их. Лучше бы, правда, не вспоминала.

По легендам, в кер перерождались души умерших насильственной смертью. Кто знает, отчего так произошло. Может, их кончина была слишком жестокой? Повисла на душе, обременяя ее тяжелым грузом, не позволяя воспарить ввысь и обрести покой. Вот отчего, воплотившись в крылатых демонов, керы продолжали приносить людям страдания и сеять смерть. Столь же кровавую, как та, что когда-то настигла их самих. Вечный круговорот жестокости и боли...

Увидев кер однажды, Деми при всем желании не сможет их забыть. Они и вовсе снились бы ей в кошмарах... если бы только она могла помнить собственные сны.

— Куда они уносят тела? — сдавленно спросила она.

— Когда-то они относили их к воротам Царства Мертвых. Сейчас же души они отдают не Аиду, союзнику Зевса, а самому Аресу. А вот тела оставляют себе. Людская кровь — то, что питает их, то, что придает им сил.

— Чтобы снова пировать на поле битвы, — произнесла она с содроганием.

Они были всюду. Деми видела эти странные крылья, разрезающие воздух, мелькающие среди людей и еще более уродливых и жутких, чем сами керы, тварей. Видела, как керы взмывают ввысь с новыми жертвами в когтях.

Крики боли и ярости, мольбы и предсмертной агонии, треск молний и раскаты грома заполонили окружающее пространство. Ненависть, жажда крови и страх... Легкие переполнились запахом крови и пепла. Согнувшись пополам, Деми хватала ртом воздух.

— Забери меня отсюда, — дрожа всем телом, крикнула она.

Не видела Харона, но почувствовала его прикосновение. А после — короткий, мучительный полет вникуда. Оказавшись перед Никиасом и Ариадной, на настоящей, твердой земле, Деми неловко упала на колени. Ослабевшие ноги больше ее не держали.

— Зачем? — хрипло выдавила она.

Никиас знал, кому этот вопрос адресован. Наклонившись к ней, вкрадчиво произнес:

— Потому что все это — твоя вина.

Деми ничего уже не понимала. Даже если допустить существование Эллады, где все еще жили боги, которых люди всего мира — ее мира — воспринимали не более, чем миф... Она — обычная девушка, разве только с исключительной болезнью.

Она не могла развязать между богами войну.

Ариадна подошла к Деми, протянула руку, чтобы помочь подняться. Оттеснив ее плечом, чтобы не позволить это сделать, Никиас наклонился еще ближе, к самому уху обомлевшей Деми. Из потока незнакомых слов она неведомым образом сумела понять только «смерть», «нет» и «прощение». Но и услышанного оказалось достаточно, чтобы похолодеть.

— Я не понимаю.

Никиас скривился.

— Ну конечно, ты не понимаешь.

В его голосе звучала неприкрытая ненависть, хотя он тщательно подбирал слова, чтобы Деми поняла их смысл.

— Это ты открыла сосуд, выпустив на Элладу все беды мира и, испугавшись, захлопнула крышку, оставив *надежду* внутри. Ты подарила Аресу шанс на победу. Благодаря тебе он стал так силен. Благодаря тебе решил восстать против Зевса и отобрать у него трон Олимпа. Все, что ты видела в Эфире, вся эта война, что длится века и тысячелетия — это твоих рук дело, Пандора.

[1] Панатинаикос — стадион, на котором в 1896 году были проведены первые в современной истории Олимпийские игры.

[2] Агора — городская площадь Афин, в древности — центр спортивной, художественной, деловой, общественной, духовной и политической жизни города.

[3] Хронос — изначальный бог времени в древнегреческой мифологии.

Глава четвертая. Имя души

Долгое, долгое молчание. Разные оттенки глухого беззвучия, давящей на уши тишины.

После их с Хароном возвращения из Эфира, после памятных слов Никиаса никто больше не говорил. Его голос, однако, до сих пор звучал в голове Деми, словно песня, которую повторяли снова и снова, исключительно для нее. Слова, пропитанные ненавистью и ядом, оставили следы в ее сознании. Нет, не следы — шрамы.

Харон перенес их в какую-то комнату. Никиас, велев ждать, почти сразу же исчез за дверью. Казалось, он просто не мог находиться в одной комнате с Деми, хотя истинные его чувства разгадать было невозможно — их надежно скрывала маска. Он будто намеренно поворачивался к ней именно этой, пугающе-черной стороной.

Деми надоело молчать. Она пресытилась зреющим в ней ужасом, что с каждым мгновением становился лишь сильнее. И до наступления вечера — если только время обоих миров двигалось с одинаковой скоростью — времени оставалось все меньше. Она должна была узнать все. Немедленно.

— Я — Пандора.

— Да, — после секундной паузы отозвалась Ариадна. — Очередное ее воплощение.

Но она никак не могла быть той самой Пандорой, по глупому любопытству открывшей ларец, что заключил в себе все беды мира и одинокую надежду.

— Это какая-то ошибка, — упрямо заявила Деми. — Я обычная...

Она ступсевалась. Ариадна смотрела участливо, что придавало сил.

— Не знаю, за кого вы меня принимаете, но я — Деметрия Ламбракис...

— Неважно, какое имя тебе дали. Важно лишь имя твоей души.

— Имя души? — растерянно переспросила она.

— Как и я, как большинство смертных, живущих в Элладе, ты — инкарнат. В отличие от богов, ты, конечно, смертна, но душа продолжает жить и после смерти тела... Разве Изначальному миру об этом неведомо?

— Подожди, — мучительным тоном выдавила Деми. — Мне нужно... Просто остановись.

Ариадна, глядя на нее своим ясным, понимающим взглядом, послушно сомкнула губы — чуть более нарочито, чем требовалось, чтобы просто замолчать.

— Почему тот парень в маске... Никиас... говорил про какой-то сосуд?

— Пифос, — уточнила Ариадна. — Тот, который ты открыла.

— А мы говорим «ящик Пандоры», — пробормотала Деми.

Мысленно обругала себя — разве *это* сейчас важно? Отчего ее внимание заострилось на таком пустяке? И вдруг поняла: рассудку, который грозил расколоться на части, нужны эти детали — малозначительные на масштабном полотне происходящего. Потому что если взглянуть всей этой сумасшедшей правде в глаза, легко и самой стать сумасшедшей.

— Вероятно, кому-то из ваших умельцев перевод с древнегреческого на современный оказался не под силу, — с усмешкой заметил Харон.

Снова повисла тишина. И если перевозчик душ в коконе молчания чувствовал себя комфортно, а Ариадна покусывала губы, из-под пушистых светлых ресниц поглядывая на Деми, то сама она места себе не находила. Тряхнув головой, через окно взглянула на небо. Молнии были заметны сквозь пелену туч, а вот монстры, которыми кишел Эфир, к счастью

— нет.

— Гром и молнии... Это ведь оружие Зевса?

— Верно. То, что ты видела там — его воплощение, — сказал Харон. — Так близко, как тогда, к богу ты никогда больше не будешь.

У Деми по спине пробежали мурашки. Она стояла на одном поле боя с Зевсом, пускай даже не видя его...

— Выходит, он сражается с собственным сыном, — медленно произнесла она. — И, по совместительству, с богом войны... А вы...

— Мы, разумеется, на стороне Зевса, — обронила Ариадна, опережая ее вопрос. — Мы бы сражались, но у нас своя цель. Своя... миссия.

— Какая? — устало выдохнула Деми.

— Найти Пандору.

— Это я уже поняла, но... зачем?

Харон и Ариадна обменялись недоуменными взглядами. Может, ответ был очевиден для них, но только не для Деми. Слишком много чуждости, странностей... и алого безумия за неполный день.

— Найти пифос. Открыть его. Выпустить то, что осталось на дне. Что спустя века ожиданий люди называют просто *надеждой*.

— И что же это?

— То, что переломит ход истории, ход войны. Элпис — дух, само воплощение надежды. Свет, несущий в себе невиданную доселе, сильнейшую в мире магию. Способный разогнать любую тьму, уничтожить вырвавшиеся из пифоса болезни, несчастья и беды, изгнать в Тартар созданных Аресом химер и воцарить на Алой Элладе долгожданный, выстраданный мир.

— Откуда вы знаете о том, что внутри осталась *надежда*?

— От Кассандры, — с благоговением выдохнула Ариадна. — Это она велела нам однажды отыскать тебя.

— Пророчицы из Трои? — изумилась Деми. — Но разве она не известна тем, что ее предсказаниям никто не верит?

— Не верили, — с явным неодобрением поправил Харон, прохаживаясь мимо открытых окон. — Поверили, когда сбылись ее слова о нападении Ареса и о надвигающейся на Элладу беде.

— Кассандра будет рада узнать, что мы тебя нашли. Так же, как и я, она проживала десятки своих жизней с одной-единственной целью — найти Пандору.

Деми изумленно воззрилась на Ариадну.

— Десятки жизней? — эхом отозвалась она.

— Тебе известно, что такое метемпсихоз[1]? — спросил Харон таким тоном, будто Деми была обязана утвердительно закивать.

Она покачала головой, вызвав хмурую (*еще более* хмурую, чем прежде) гримасу на лице перевозчика душ и его неодобрительно поджатые губы.

— Брось, — мягко рассмеялась Ариадна, — это древнегреческий термин. Не все обязаны его знать. Деметрия, тебе...

— Деми, просто Деми, — вырвалось у нее.

Так называли бы ее друзья, если амнезия позволила бы их иметь. Ариадна была для нее незнакомкой, но располагала к себе с первых мгновений.

— Деми, — улыбнулась та. — Тебе наверняка известно иное понятие — реинкарнация. Перевоплощение душ.

Она с облегчением кивнула.

— Так вот инкарнаты — это обитающие в царстве Аида души, что получили *воплощение*. Одним досталась лишь новая жизнь, другим же боги подарили память об их прошлых инкарнациях или дар, что принадлежал им при жизни.

— И ты, Деме... Деми... Ты — инкарнат. Твое тело, быть может, и принадлежит обычной греческой девушке Изначального мира, но твоя душа — это душа Пандоры. Ты — ее инкарнация. Знаю, это непросто принять, но...

Деми долго молчала. Закрывает глаза, чтобы хоть на мгновение отрешиться от мира. Чужого мира, что был для нее ожившей Древней Грецией, а назывался Алой Элладой. Но беги, не беги, а некоторые воспоминания способны настичь тебя где угодно... даже если ты страдаешь амнезией.

Химеры — так, кажется, орды монстров называли Харон и Ариадна.

Керы, что уносили в когтях мертвых.

И, конечно, небо, алое, словно кровь. Небо, что наполнилось кровью.

Мысль обожгла кислотой: во всем этом ее вина. Ее, той самой легкомысленной Пандоры. Паника подступила к горлу, да так стремительно, что перекрыла воздух. Подавшись вперед, Деми пила его маленькими глотками. Не помогало — в грудь словно вдавили бетонную плиту.

— Харон, — донеслось до нее обеспокоенное.

Ариадна, конечно.

Пока Деми пыталась выиграть борьбу за кислород у собственных легких, панической атакой сжатых в тиски, Ариадна успокаивающе гладила ее по волосам. Спустя всего минуту короткого, прерывистого дыхания в руки Деми ткнули стакан, полный холодной воды. Мелкими глотками она осушила его до дна. Резко вскинула голову, возвращая стакан Харону.

— Вы хотите сказать, что из-за меня гибнут люди, которые сейчас сражаются там, наверху? На войне между Аресом и Зевсом?

— Именно об этом я и говорил, — проронил перевозчик душ, глядя на нее из-под наспуленных бровей.

— Харон... — устало попросила Ариадна. — Ей и без того сейчас тяжело.

— Предпочитаешь замалчивать правду?

Медленно выдохнув, Деми обхватила голову ладонью, чувствуя, как кто-то отчаянно бьет невидимыми молоточками по ее виску. Выходит, это правда... Ее инкарнация, ее душа, заключенная в сосуд другого тела, века назад открыла злосчастный пифос и выпустила в мир несчастья и беды.

Мысли рассыпались. Все произошедшее и происходящее слишком странно, слишком жутко, слишком противоестественно.

Просто слишком.

«Я — Пандора». Нужно было время, чтобы принять эту мысль. Нет, не так.

Чтобы смириться.

— И ты каждую свою жизнь, раз за разом, тратила на то, чтобы найти Пандору?

«Чтобы найти... меня?»

Вина подступила к горлу волной горечи. Ариадна, с легкостью распознав чувства Деми,

осторожно тронула ее рукой.

— Но это честь для меня — искать ту, что способна остановить нескончаемую войну.

— Честь? Как насчет того, что Пандора в лучшем случае лишь исправит то, что сама же и натворила? — раздался ледяной голос. Резкий, словно щелканье плети.

Она вздрогнула — Никиас возник словно из ниоткуда. Из притаившейся по углам темноты.

— Не называй меня Пандорой. Я — Деми.

— Да мне плевать, — отчеканил Никиас. — Никого во всей Элладе не интересует девушка по имени Деми.

— Его слова резки, но в чем-то он прав, — нараспев произнесла незнакомка, что вошла в комнату вслед за ним.

Высокая, уступающая Ариадне в красоте, но вместе с тем обладающая каким-то особым шармом, что прятался в мягких линиях лица и густой копне каштановых волос, она была облачена в простой песочного цвета хитон.

— Кассандра? — догадалась Деми.

— Именно она, — отозвалась та без улыбки. — Я рада видеть тебя. Это были долгие поиски.

Одна часть лица Никиаса, закрытая маской, осталась жуткой, даже уродливой, но безучастной к словам Кассандры. Другую, что отличалась надменной красотой, исказила презрительная гримаса. От этой двойственности Деми было не по себе. Ровно как и от чувств Никиаса, скрыть которые он даже не пытался.

— Пойми, *Пандора*, — остановившись у окна, сказала Кассандра, — ты нужна нам, чтобы покончить с войной, которая идет целые века. Нам нужны союзники. Люди и боги, воины и Искры разрываются между светом и тьмой. Многие в силу своей натуры делают ставку на победителя. А победитель не ясен: в одних битвах вверх одерживает Зевс, в других — Арес. И оба они бессмертны, как и те боги, что за них сражаются.

Она говорила хорошо поставленным, словно бы выверенным голосом, но говорила... странно. Многие слова упорно ускользали от понимания, так что приходилось додумывать их смысл. Это точно не димотика — разговорная, упрощенная форма греческого языка. Консервативная кафаревуса, что изобиловала устаревшими словами?

«Нет, — мысленно ахнула Деми. — Самый что ни на есть древнегреческий».

— На заре времен едва ли не все боги были на стороне Зевса. Они понимали, насколько разрушительна сила Ареса, насколько чудовищен он сам, — продолжала Кассандра. — Теперь все, к сожалению, не так однозначно. Чаши весов постоянно склоняются то в одну, то в иную сторону. Боги заключают и разрывают союзы, начинают вражду и плетут интриги. Цель, разумеется, одна — Олимп. Тот из двух богов, что одержит победу, одарит своих сторонников всеми благами. Проигравшая сторона на веки вечные окажется заключенной в Тартар. Никто из богов не хочет ошибиться. Поэтому так шатки союзы и столь нередки предательства. Боги делают свои ставки — так же, кажется, говорят в вашем мире? — и ведут войну. Наша же доля — выживать в мире, который после нее остается.

Деми замотала головой.

— Но это безумие... Я ничем не могу вам помочь!

Почти обыкновенная девушка в мире оживших преданий... Крохотная шестеренка в монструозном механизме древних богов.

— На стороне Ареса тьма, которая лишь множится с каждым годом. — Кассандра будто

не слышала ее, не почувствовала звенящего отчаяния в ее голосе. — У сторонников Зевса, что избрали путь света, есть только одна надежда — та, что заключена в твоём пифосе. Я безуспешно пыталась найти его все эти долгие годы. Если кто и сможет помочь мне в этом, так это ты. А пока пифос не найден... Одно твоё присутствие склонит чашу весов на нашу сторону. Теперь, когда ты вернулась в Алую Элладу, мы можем привлечь выбирающих сторону богов в войнство Зевса. Нам *нужно* имя твоей души. Нам нужна Пандора.

— Уверены, что это благоразумно — открыто рассказывать всем о том, что она здесь?

— О, и эллины[2], и боги узнают об этом сами, — усмехнувшись, заверила Кассандра Харона. — Не я стану той, кто поднимет эту волну, но и остановить ее я не сумею.

Деми прикрыла глаза. Скоро вся Алая Эллада будет гудеть подобно растревоженному улью. И предметом всех разговоров станет она.

— Из того, что сказал мне Никиас, я поняла, что память о твоих прошлых жизнях и самой первой твоей инкарнации к тебе еще не вернулась. Такое случается, но кому, как не тебе, Пандора...

— Деми, — поправила она упрямо.

Быть может, глупо цепляться за собственное имя. Однако Деми узнала его лишь сегодня утром, с дюжину часов — и дюжину вечностей — назад, и не хотела так скоро его терять.

Никиас только хмыкнул — все с тем же презрением, как ей показалось. Из-за проклятой маски (он снова, будто намеренно, стоял к ней полубоком) нельзя сказать наверняка. Вопросы о предназначении маски в голове Деми крутились среди прочих, но их она отодвигала пока на второй план.

С первым бы разобраться.

Кассандра мягко, по-кошачьи, улыбнулась. Улыбка преобразила ее, наполнила еще большим очарованием. Поучиться бы Никиасу у нее...

— Кому, как не тебе, Деми, под силу отыскать пифос и явить миру таящуюся на его дне *надежду*? Твои воспоминания — это ключ. В них кроется тайна нахождения пифоса, которая никем из обеих сторон еще не раскрыта.

Взгляд Деми на мгновение приковал рисунок на полу, геометрическое переплетение линий. Однако слова Кассандры заставили ее резко вскинуть голову.

— Арес тоже ищет пифос?

— Да. Чтобы уничтожить его. Чтобы не дать Элпис появиться на свет.

Горло разом иссохло, желудок словно стянули в узел. Бог войны искал ее. Не ее, Деметрию Ламбракис, но ее, Пандору.

Однако и кое-что еще, сказанное пророчицей, вызывало не меньшую тревогу. Она не помнила, каково это — быть Пандорой и, конечно, ничего не знала о пифосе и о той, прошлой жизни. Хуже того — она и нынешнюю забывала каждый рассвет.

— Вы все это время искали меня... Значит, умирая и возрождаясь, вы знали, кто вы, и помнили, какова ваша цель?

— Вспоминала, — уточнила Кассандра. — С течением времени воспоминания о прежних инкарнациях приходили сами собой.

— Но... как? Как это возможно?

— В Элладе существует обряд, что ставит печать на наши смертные души. Она позволяет нам не забывать, кем мы были в прошлой жизни, кем остается наша душа, изменившая телесную оболочку. Взрослея, мы вспоминаем все, перенимая опыт наших прошлых жизней. Случается так, что душа преодолевает завесу между нашими мирами и

проникает в твой. И тогда на Земле рождается тот, о ком прежде слагали легенды — Тесей и Гиацинт, Персей и Ахилл, Геракл и Одиссей. С печатью на душе инкарнаты рано или поздно вспоминают, кем были когда-то. Вывают к своим богам и те распахивают для них завесу, или же Харон, откликнувшись на зов, переносит их домой. В Элладу. Те же, кто не проходили обряд, остаются на Земле.

— Хотите сказать, в моем мире проживают свои новые жизни те, кто когда-то был частью древнегреческих мифов? — ахнула Деми.

— Те, кто вписал свое имя в анналы истории, — со сдержанной улыбкой поправила пророчица. — Да.

— Но что заставляет инкарнатов отказываться от обряда, от печати?

— Мы проносим благословения богов — их дары — сквозь года, в наши новые жизни. Быть может, некоторые из инкарнатов устали от дарованной богами силы и захотели стать обычными людьми. Быть может, они устали от войны. Отринув память об Алой Элладе, ты не вспомнишь и о том, что дало ей такое название. Не все инкарнаты — великие герои, и не все хотят ими становиться.

— Или они желали начать жизнь с чистого листа, — вполголоса сказала Ариадна. — Не все могут похвастаться счастливым прошлым. Инкарнаты могли потерять любимых, пережить предательство или всю свою жизнь преодолевать сонм ниспосланных им богами испытаний. А к чему помнить о том, что причиняет боль?

— А может, им просто было что забывать. Может, они хотят забыть свои прошлые ошибки. — Угрюмый взгляд Харона снова был прикован к лицу Деми.

Вспыхнув, она закусила губу. Обижаться на его прямоу бессмысленно. Если она и впрямь — Пандора, а все происходящее — явь, а не долгий, странный и безумный сон... Она виновата. Нет, не так — виновна, пусть ее вину еще никто не доказал...

— Может, на моей душе тоже нет печати? И я никогда за все эти жизни не взывала к богам или к Харону, потому что никогда не вспоминала об Алой Элладе?

— Или ты просто трусиха, постоянно бегущая от войны.

Деми успела забыть о присутствии Никиаса, но он не преминул напомнить. Да так, что ее внутренности словно обожгли кислотой.

— Когда ты открыла пифос, бедствия разлетелись по всему свету. Мир не был к этому готов. — Кассандра отвела взгляд. — Я пыталась предупредить их, но... меня никто не слушал.

Деми с усилием кивнула, чувствуя нарастающую дрожь. Вещая дочь троянского царя посмела отвергнуть любовь самого Аполлона, за что и поплатилась проклятием. По воле бога никто верил ее предсказаниям. Страшно подумать, какие муки испытывала Кассандра, предвидя надвигающиеся беды и не имея возможности их предотвратить.

— По миру разгулялось зло. Страшные болезни косили людей беспощадно. Происходящие с людьми несчастья, разочарование и жадность порождали ненависть — то, чего прежде они не знали. А та плодила новую ненависть. Пороки завладевали человеческими сердцами и распространялись словно пожар. И конца всему этому не было.

— А что же боги? Были заняты пиршествами на своем Олимпе?

Харон неодобрительно нахмурился. Кассандра пригвоздила Деми к полу взглядом карих глаз.

— Они пришли на помощь, как только поняли, что человечество нуждается в ней. Но было уже слишком поздно. Человеческие тела хрупки, и порой еще слабее их воля. Греция

захлебнулась кровью и тьмой. Она была уничтожена. Остальной мир вскоре последовал за ней, стертый с лица земли Великим потопом.

— Моя Греция? — выдавила Деми. — Мой... мир?

— Наш мир, — охрипшим от ненависти голосом сказал Никиас. — И мы видели все это. И не смогли ничего сделать. Ничего.

Он помнил. Помнил, как на его глазах умирал целый мир.

— Хронос — единственный, кому под силу было все исправить. — Кассандра говорила негромко, и вместе с тем казалось, что ее сильный, ровный голос раздается у Деми в голове. — Он породил время, он — само время. Он же время в мире Изначальном и остановил. А затем повернул вспять, ломая им самим созданные когда-то законы, пойдя против устоев, что были укоренены, вшиты, врезаны в канву этого мира. В этой реке времени, текущей вспять, против собственного же течения, Хронос отыскал миг, ставший началом конца. То самое мгновение, когда ты, Пандора, открыла пифос.

— И он сделал так, чтобы этого не случилось? — пораженно спросила Деми. Магия такого масштаба просто не укладывалась у нее в голове.

— Да. Изначальный мир вернулся таким, каким мы его помнили. Мы думали, что спасены, но мы ошибались. За нарушение законов мироздания даже богам, рано или поздно, приходится платить. Хронос истратил почти все свои силы на эти чары, но и такой великой цены оказалось недостаточно. Наша хрупкая реальность не выдержала столь сильных, масштабных чар. Она попросту раскололась на две части в той точке, где все и произошло. Изначальный мир продолжил существовать как прежде. Запечатанный пифос боги выбросили в океан, в Саргассово море. Туда, где его никто и никогда не сможет отыскать

— Саргассово море... Вы говорите о...

— Бермудском треугольнике[3], — кивнула Ариадна. — Это одно из немногих мест на Земле, что сохранили древнюю, первородную магию.

— Однако мироздание, храня воспоминание о прошлом, не желало так просто его отпускать. Другой реальностью стала Эллада, ставшая Алой лишь недели спустя. Здесь течение времени не было нарушено, и Пандора открыла пифос. Зная, какая судьба уготована миру, на этот раз боги сумели его спасти.

— Вот только боги спасают лишь тех, кто взывает к ним с молитвами.

Мрачный голос Харона заставил Деми обернуться в его сторону. Однако смотрел переводчик душ не на нее, а на Кассандру.

— Ожидаемо, что боги Олимпа слышали лишь голоса эллинов. — В словах Харона почти слышалась желчь. — Непонятно только, почему они и не подумали о том, чтобы спасти и другие народы.

Ошеломленная всей обрушенной на нее правдой, Деми все же почувствовала растекшееся в воздухе напряжение. Кассандра смотрела на Харона уже знакомым ей тяжелым, пронзающим взглядом.

— Ты подвергаешь сомнению добрую волю богов?

— А тебе эти сомнения будто незнакомы, — усмехнулся Харон.

— Боги сильны там, где в них верят, среди тех, кто верит в них, — отчеканила пророчица.

— Мы говорим о богах. О тех, что посылают молнии с неба, что поднимают на дыбы саму землю, а моря заставляют вскипать. Они буквально вылепили однажды этот мир.

— Не третье поколение богов. Не олимпийцы.

— И ты правда думаешь, что нельзя было найти иной способ?

— Им ведомо больше, чем ведомо нам. Потому боги делают лишь то, что считают необходимым.

— Для себя, но не для людей.

Кассандра молча смотрела на Харона. В глазах ее застыло... нет, не неодобрение. Что-то более глубинное, темное. Над ее предсказанием о, ни много ни мало, конце света лишь поглумились — или же и вовсе пропустили мимо ушей. Однако она упорно защищала богов, один из которых ее и проклял, обрекая тем самым целый мир на погибель. Слепая ли это преданность или безграничное великодушие и всепрощение?

Диалог двух взглядов продолжался не меньше пары минут. Ариадна явно желала исчезнуть, обернуться тенью. Никиас замер у окна, сжав руки в кулаки и крепко стиснув челюсть. Что он проживал сейчас там, внутри? Какие воскрешал воспоминания? Деми догадывалась, что знает ответ, но не хотела допускать его до сердца.

Закончив прожигать Харона взглядом, Кассандра снова обратилась к Деми:

— Гера и преданные ей орады[4] вздыбили землю вокруг Эллады, окаймляя ее цепью гор, своими вершинами касающихся самого неба. Они спасли Элладу, но остальной мир был уничтожен.

— Выходит там, за горами...

— Там нет ничего, кроме безбрежного океана.

Кассандра помолчала, давая ей время все осознать. Как будто даже вечности для этого будет достаточно.

— Я не понимаю... Что стало с людьми и богами, когда мира стало два?

— Боги цельны, едины, они всегда существовали будто *над* этим миром, а не *в* нем. Перемену они заметили, но на них она не отразилась. А вот люди... Их души раскололись надвое, пусть и почувствовали это не все. Представь, что душа человеческая — это горсти солнечных искр. Возьми тысячу их и раздели наполовину. А затем возьми две горсти и тоже раздели. Как думаешь, почувствует ли разницу тот, в ком вместо двух горстей осталась одна?

— Расколота надвое душа высвобождалась со смертью тела и лишь тогда становилась цельной, — тихо добавила Ариадна. — Но до тех пор... Эллины Изначального мира и Алой Эллады порой сходили с ума от двойственных воспоминаний, осознания существования двух реальностей, двух наших версий.

— После того, как наши души стали цельны... Каждому из эллинов пришлось делать выбор — жить ли в безопасной реальности или уйти в Алую Элладу. Мы, — Кассандра обвела присутствующих рукой, — и все те, кого ты еще увидишь, решили сражаться. За Грецию — пускай, и лишь ее отголосок. За Зевса. И всю магию мы — боги и герои, воины и колдуны — забрали с собой, в Алую Элладу.

— А я, — сдавленно произнесла Деми, — не пошла?

— А ты сбежала, отрезала себя от Алой Эллады — как ты думала, навсегда, — источая ядовитую ненависть, процедил Никиас. — Здесь твою копию убил Арес. Чтобы ты не открыла проклятый сосуд снова и не выпустила *надежду*, которая поможет нам победить.

Оглушенная, Деми потерла ладонями уши. Две реальности. Мир-война и мир, который покинули боги. Ее копия, уничтоженная Аресом. Но было и кое-что страшней.

Она, Деметра Ламбракис, однажды уничтожила целый мир.

[1] Метемпсихоз (греч. μετεψύχωσις, от μετα- — пере- и ἐμψύχωσις — одушевление,

оживление, собственно — переодушевление) — один из терминов для обозначения переселения душ, группа религиозно-философских представлений и верований, согласно которым бессмертная сущность живого существа (в некоторых вариациях — только людей) перевоплощается снова и снова из одного тела в другое.

[2] Эллины — самоназвание греков с VII века до н. э.

[3] Бермудский треугольник — зона в Атлантическом океане между штатом Флорида, Пуэрто-Рико и Бермудскими островами, где, согласно одной из версий, происходят таинственные исчезновения морских и воздушных судов и прочие аномальные явления.

[4] Ореады — нимфы гор и древнейшие из нимф

Глава пятая. Атэморус

— Мне надо... подышать.

Паника поднималась откуда-то изнутри, грозя уничтожить то небольшое самообладание, что у нее еще осталось. Деми бросилась прочь. Прочь из комнаты, из владений Кассандры... и хорошо бы, если бы прочь из Эллады.

— Пандора!

— Деми!

Она не отозвалась ни на один из голосов. Зато услышала другой: «Пусть бежит, как всегда это делает. От себя не убежишь, как ни старайся».

Даже на улицах Акрополя Деми не сбавила шаг. Все бежала — ветер в волосах — вперед. Никиас прав — она пыталась убежать от мыслей, от прошлого, пусть и таящегося не в ее собственных воспоминаниях, а в чужих словах... От себя самой.

Ядовитыми каплями в сознание въедались мысли: «Так рвалась узнать, кто ты такая. Довольна теперь?»

Остановилась она, лишь оказавшись в нижнем городе — просто легкие не позволяли больше бежать. На нее, незнакомку в странной одежде, с любопытством смотрели люди. Они в свою очередь были облачены в простые хитоны, подпоясанные, с напуском и наброшенным поверх гиматием — накидкой, которые эллины использовали как плащ. Любовь к сложным конструкциям и причудливым покроям от собратьев из другой реальности они, вероятно, не переняли. Алой Элладе было не до красоты. Здесь испокон веков шла война.

Деми вглядывалась в их лица, а в голове звенело: «Я всех вас обрекла». На страдания, на бесконечное выживание, на потерю близких и родных.

Она безуспешно пыталась не думать о правде, что ей открылась. Мысль о том, какую роль она сыграла в божественном противостоянии, до сих пор заставляла легкие сжиматься, отказываясь пропускать кислород.

Пыталась не думать о том, что близился вечер. Не вспоминать, что дом где-то далеко, за границей реальности, в мире, чья история однажды была переписана... из-за нее. Ей бы кричать всем, кто смотрел и будет смотреть на нее с настороженностью, ненавистью или надеждой, что она — не та, кого они ищут. Но какое-то странное чувство внутри, чувство, которому не было названия, убеждало в обратном. Быть может, в ней говорил отголосок ее души? Той, чьим именем было имя Пандора.

А еще о том, что будет, если Элени вернется домой, и не обнаружит там Деми. Не просто родную дочь, но дочь, страдающую провалами в памяти. Ту, что не сможет вспомнить саму себя, если не проснется в комнате, обклеенной подказками-стикерами.

О том, что попасть в родной мир... Хотя какой из миров теперь считать родным? О том, что попасть в Изначальный мир без помощи Харона Деми не сможет.

О том, что невидимые часы над ее головой отсчитывают минуты до утраты воспоминаний.

Так много вещей, о которых не стоит думать... О чем же думать тогда?

Деми не знала, сколько бродила по Афинам, прежде чем услышала крик. А следом — звук, который она не могла слышать в Греции Изначального мира, и все же каким-то образом узнала его.

Тревожно, надрывно сообщая о беде, трубил рог.

Не успев осознать, что делает, Деми бросилась на звук. Прислонившись к стене дома, сухопарый мужчина в льняном хитоне захлебывался болью и отчаянием. Лица стоящих рядом с ним эллинов искажил страх... но смотрела Деми не на них.

Прочь от людей плыли высокие вытянутые фигуры, словно слепленные из черного тумана. Ничего человеческого в них не было — в сгустке полупрозрачной темноты не угадать ни конечностей, ни лиц. Только дымный морок. Одна из фигур, в противоположность остальным, уходящим, обволакивала тело несчастного, вероятно, попавшегося ей на пути.

Казалось, эллин потерял контроль над собственной тенью, и та напала на хозяина, как зараженная бешенством собака. Она выглядела как дым, которому наспех придали форму, но дым не может убивать... А эта тень убивала.

Один из эллинов с кинжалом в руках бросился вперед, к человеку и живому, голодному мороку, что слились в противоестественных объятиях. Деми внутренне сжалась. Вряд ли обыкновенный клинок способен причинить вред ожившей колдовской тени.

Однако кинжал — или человек, что сжимал его в ладони — оказался совсем не так прост. Удар клинка, загоревшегося ослепительно-белым, и объятия разжались. Тварь отпрянула, пронзительно визжа. Еще один меткий удар в место, где у человека обнаружилось бы сердце, проделал в черном теле светящуюся дыру. Свет кислотой разъедал теневое облачение твари, до тех пор, пока от него ничего не осталось.

Защитивший друга или вовсе незнакомого горожанина эллин помог ему подняться. Лицо того посерело, по коже расплзлось черное пятно, которое при ближайшем рассмотрении оказалось скопищем темных волдырей.

— Опоздали, — опустошенно произнесла Ариадна за ее спиной.

Деми оглянулась, без удивления заметив рядом и Никиаса.

— Что... что это было?

— Носои, духи чумы, немощи и смертельной болезни, — тихо сказала Ариадна. — Нападая, они заражают людей своим прикосновением, гноящейся внутри них тьмой.

— Это все, что ты хочешь ей сообщить? — осведомился Никиас.

— Все, что считаю нужным, — глядя прямо перед собой, твердо сказала Ариадна.

Стальной взгляд ярко-синих глаз впился в лицо Деми.

— Носои — лишь одни из мириад духов, что терзают Алюю Элладу. Их целая тьма. Алгеи. Духи боли и страданий. Ойзис. Духи горя и несчастий. Пентос. Духи печалей и скорби. Апата. Коварство и обман. Долос. Лукавство и предательство. Гибрис. Гибельная самоуверенность и непомерная гордыня.

Никиас выстреливал в Деми словами, словно пулями. Надвигался, заставляя отступать назад. И, кажется, останавливаться ни в одном из смыслов он не собирался.

— Лисса — бешенство. Мания — безумие. Фтон — ревность и зависть. Никеи — ссоры, вражда и обида. Фонос — убийство. И все они служат Аресу.

Деми сглотнула, широко раскрытыми глазами глядя на него снизу вверх.

— Аресу?

— Зевс и те, кто перешел на его сторону, всеми силами пытались уничтожить духов. Арес и его сторонники манипулировали ими, чтобы достичь желаемого: забрать трон у Зевса, который все силы бросал на защиту Эллады. С этого и началась война. Нападения духов на людей — своего рода кровавая жатва. Чем больше бедствий и несчастий наслано на

людей, тем Арес сильнее. Он кормится нашими страданиями.

— Это ужасно, — выдавила Деми. — Но почему...

— Почему я говорю об этом тебе? Потому что они — и есть те несчастья и беды, что ты выпустила из пифоса.

Ее словно ударили под дых. Одно дело — знать, какой вред ты причинила миру. Другое — столкнуться с последствиями лицом к лицу.

— Да, они реальны, — все поняв по ее взгляду, холодно сказал Никиас. — И это ты их породила.

— Хватит. — Голос Ариадны прозвучал непривычно резко. — Пандора не невиновна, но не приписывай ей чужие грехи. Она не создавала *атэморус*, она их лишь освободила.

— Лишь? — прогремел Никиас.

Ариадна выдержала его взгляд, не дрогнув. Однако Деми их уже не слушала. В голове — только белый шум, на который наслаивались слова Никиаса. Сколько же боли этому миру она причинила? Сколько пролила чужой крови?

Человек, стоящий в нескольких шагах от них, пострадал из-за нее. Да, из-за Пандоры — той, кем она была когда-то, целую вечность назад, но разве от этого легче?

Деми вцепилась в руку Ариадны, не позволяя ей продолжить спор.

— Мы можем помочь ему хоть чем-нибудь? Мы ведь можем?

Плетельщица зачарованных нитей подошла к пострадавшему эллину. Тонкая рука успокаивающе легла на его плечо. Заразиться Ариадна не боялась.

— Пойдемте, отведем вас в Асклепион. Искры обязательно вам помогут.

Повернувшись к Никиасу, послала ему красноречивый взгляд. Эллин же смотрел на него, словно разделенного надвое этой зловещей, жутковатой маской, совсем иначе — с долей настороженности и опаски. Закатив глаза, Никиас направился к нему. Предложил свою руку, чтобы он поднялся.

— Искры? — вполголоса спросила Деми Ариадну, наблюдая, как Никиас помогает эллину идти.

— Люди с божьей искрой внутри, души, одаренные силой одного из богов. Это самое что ни на есть благословение, однако выйти за его границы, за пределы дарованных нам способностей мы не можем.

— То есть Кассандра пророчествует, ты плетешь зачарованные нити и находишь пути, Никиас... нет, даже спрашивать страшно, Харон перемещается как между миром живых и мертвых, так и между Грецией и Алой Элладой.

— Да. Таково предназначение наших душ, и пока боги не одарят нас новым благословением, наша сила останется неизменной.

— А те, к кому мы идем, вероятно, благословлены Асклепием...

— Верно, но не только им. Среди асклепиад — жриц и жрецов Асклепия — есть и Искры его сына и пяти его дочерей. — Глаза Ариадны блестели, голос звучал почти восторженно — кажется, она не прочь стать одной из жрецов-целителей. — Искры Иасо умеют облегчить боль от ран и тяжелых недугов. Искры Телесфора — насладиться глубоким, целебным сном, благодаря которому человек быстро поправляется. Искры Эглы хорошо разбираются в травах, порошках и эликсирах. Икры Панакеи создают сильнейшие из лекарств и находятся в вечном поиске средства от всех болезней.

— Панацеи, — тихо сказала Деми.

Ариадна улыбнулась.

— Что до Искр Акесо... Они поддерживают в больном жизнь, но не доводят его до полного исцеления — за это отвечают другие асклеиады. Однако они помогают едва ли не каждому из больных, ведь выздоровления без лечения не существует... Так что не спеши причислять Искр Акесо к самым слабым асклеиадам.

— Не буду, — с предельно серьезным видом заверила ее Деми.

— Лекция на сегодня закончена? — осведомился поравнявшийся с ними Никиас.

Каким-то образом Деми успела заметить, что у него широкий, стремительный шаг, однако сейчас раненный эллин сильно его задерживал. Девушки шли прогулочной походкой (будто бы душа Деми не рвалась домой, а она сама никуда не спешила), и все равно смогли нагнать их обоих.

— Не закончена. — Смутить Ариадну при всей ее кажущейся мягкости оказалось не так-то просто. — Пандора... Прости, Деми, в незнакомом для нее мире...

— Надолго она здесь все равно не задержится, — обрубил ее Никиас. Эллин, прикрыв глаза, почти повис на его плече, но шага он не сбавил. — Как только отыщет пифос, пусть отправляется на все четыре стороны. В Алой Элладе ей не будут рады.

— Не говори за всех.

— И не говори так, словно меня рядом нет, — сухо добавила Деми.

Сколь неподъемный груз вины ни отягощал ее душу, молча выслушивать унижения от Никиаса она не собиралась.

— О, с тобой, *Пандора*, я буду говорить так, как пожелаю, — вкрадчиво произнес Никиас, обращенный к ней своей стальной, жуткой половиной.

И сделал шаг в сторону, чтобы оказаться подальше от них и повести эллина к Асклепиону другой дорогой. Деми не имела ничего против.

Ариадна вернулась к прерванному разговору, но энтузиазм ее заметно поугас.

— Искры Гигиен, старшей дочери Асклепия, лучше всего умеют предупреждать болезнь. Они помогают людям сохранить здоровье и дарят им долголетие. Именно им лучше всего удастся излечивать раны, нанесенные Носоями.

Вспомнилось вдруг, что даже в клятве Гиппократата[1] упоминается не только Аполлон, бог-врачеватель, но и Асклепий с двумя своими дочерьми — Гигиеей и Панакеей.

— И все же Искры Асклепия — самые сильные целителей во всей Алой Элладе. Все потому, что сам Асклепий способен вылечить любую напасть, даже если болезнь зовется смертельной. — Лицо Ариадны тронула печаль. — Жаль только, он не может просто взять и одним движением исцелить наш израненный мир. Даже сила богов имеет свои границы.

— Я заметила, — пробормотала Деми, бросив мимолетный взгляд на багровые небеса.

Асклепион (нечто среднее между храмом, посвященным богу-врачевателю и больницей), находился на южных склонах Афинского Акрополя. По обеим сторонам от входной двери в камне были выгравированы два символа медицины, которые Деми узнала без подсказки: посох с обвивающей его змеей, знаменитый символ бога-врачевателя и змея, обвивающая чашу — символ его дочери Гигиен.

Асклеиады, облаченные в белые хитоны с зелеными поясами, что напоминали прирученных их покровителем змей, на вошедших не обратили никакого внимания. Из большого зала Деми и Ариадна попали в чуть менее просторную, заставленную койками палату. На краю одной из них, сложив руки на коленях, сидела женщина с копной темных волос и печалью в таких же темных глазах. Перед ней стояла другая, с некрасивым лицом и белесыми волосами и ресницами.

— Я устала, — прошептала темноволосая асклепиада. Плечи ее сгорбились, словно под тяжестью невидимого бремени. — Устала платить своей жизнью за исцеление других.

Глаза Деми округлились.

— Жизнь — не природная сила вроде огня, света или эфира, — шепнула Деми Ариадна. — Ее источник — сам человек, вот почему столь велика цена их дара.

Деми только головой покачала. А ей казалось, что нести в себе божественную искру — это привилегия и благо. Истинный дар. Подоспевший Никиас, не обращая внимания на разговор двух жриц, помогал зараженному опуститься на койку.

— Я так уродлива, так стара, а мне всего пятнадцать, — всхлипнула асклепиада.

В уголках ее глаз прочно обосновались морщины, овал лица потерял девичью четкость линий.

— Ты отчего-то стареешь быстрее меня, — неодобрительно сказала другая. — Не оттого ли, что разозлила Афродиту своей гордыней, своим навязчивым стремлением сохранить красоту, будто ничего важнее ее на свете быть не может?

— Уж не тебе страдать о потерянной красоте, — зло фыркнула та, что секунду назад смахивала с глаз слезы.

Белесая, неприметная жрица лишь усмехнулась.

— Слышала бы тебя Гигиея, поняла бы, что за душу наградила.

— Пусть забирает свое благословение! — в сердцах воскликнула асклепиада. — Я буду только рада от него освободиться!

Никиас глухо, словно его рот полностью был закрыт непроницаемой маской, произнес:

— Я не Гигиея, но могу это устроить.

Деми бросила на Ариадну вопросительный взгляд, который плетельщица предпочла не заметить. И, как следствие, ничего ей не объяснить.

Асклепиада, что так горько жаловалась на свою судьбу, впервые обратила внимание на Никиаса. Побелела, увидев, кто стоит в нескольких шагах от нее, почти наглухо отгородившийся от мира, закутавший себя с ног до головы в черную ткань.

Никиас внушал страх — и самой Деми, и даже эллинам. Но только лишь из-за пугающего образа, навевающего мысли о темных рыцарях и демонических королях? Все же жители Алой Эллады знали его куда лучше, чем знала она. Откуда росли корни их страха? Что его питало?

Асклепиада медленно поднялась. Черты ее лица будто заострились.

— Я не хо...

— Помогите ему.

Жрица с некрасивым усталым лицом, кивнув, направилась к ним.

— Не ты, — властно остановил ее Никиас. — Другая.

Темноволосая асклепиада медленно направилась к зараженному, и шла она так, будто поднималась на эшафот.

— И вылечи все его хвори — даже те, что не порождены атэморус. Ушиб ноги, каждую царапину на коже... Все.

Такому голосу, такому тону подчинишься, хочешь ты того или нет.

Жрица коротко, нервно кивнула. Стиснула руки на мгновение, а в следующее простерла их над телом эллина. Позабыв о заполонившем палату напряжении, который едва не заставил воздух искриться, Деми подалась вперед. Боги богами, химеры химерами, но сейчас на ее глазах будет твориться истинная магия исцеления.

Руки асклеиады охватило незаметное поначалу сияние. Блики играли на ее коже, как на водной глади, словно внутри нее зажглась та самая божья искра. Белое сияние не распространилось на тело зараженного — жрица незаметно расплескивала свое волшебство. Однако волдыри на его лице начали уменьшаться, кожа потеряла оттенок пепла.

Когда асклеиада отняла ладони, эллин больше не казался больным. А в ее волосах пробилась первая седина.

— Спасибо, — шепнула ей Деми.

Знала, что одного избитого слова для такой жертвы будет недостаточно. Но что еще она могла сделать? Асклеиада лишь скривилась, заслужив от подруги по дару неодобрительное покачивание головой.

— Зачем? — спросила Деми, когда они вышли из храма. — Чтобы преподать урок? Наказать?

Была уверена, что Никиас не ответит. Но он, хоть и не сразу, все же заговорил.

— Из-за таких Искр, как она, баланс этого мира так хрупок. Таким, как она, не нравится слово «предназначение». Им не нравится, что боги, наделяя их дарами, определяют всю их дальнейшую жизнь. Их привлекают чужие дары, чужие предназначения. Прирожденный лекарь хочет стать умелым воином, вот только благословила его не Афина, не Арес и не Энио. И он растрачивает впустую божественный дар, не проронив и капли, потому что запертым держит его в себе. А пока он изображает из себя великого завоевателя, неумело отбивая атаки тренировочным мечом, в деревне умирает ребенок, которому он действительно мог бы помочь. Не куется оружие, необходимое воинам самого Зевса, потому что Искра Гефеста возомнила себя великим творцом или одухотворенным мыслителем. И пока она сочиняет свои дрянные поэмы, в Эфире проливается божественная и человеческая кровь. Потому что химерам Ареса не нужно оружие — у них есть клыки, шипы и когти. А нам оно необходимо. — Он резко развернулся к Деми, напугав ее яростью, что пылала в глазах. — Знаешь, сколько существует подобных историй? Бесконечное множество. Боги установили рамки, сказали, как вам жить. Так подчиняйтесь!

Неподдельная, обжигающая, точно пламя, страсть в голосе Никиаса поразила Деми. Ей словно открылась вторая, сокрытая в нем личина. А еще... Она увидела боль, что, пропитав душу Никиаса, глубоко пустила в нем корни. Под всем этим слоем ненависти в нем таилась какая-то загадка, которую ей отчаянно хотелось разгадать.

Но позволит ли ей это Алая Эллада?

[1] Клятва Гиппократата — врачебная клятва, выражающая основополагающие морально-этические принципы поведения врача. Начинается со слов «Клянусь Аполлоном-врачом, Асклеием, Гигиеей и Панакеей и всеми богами и богинями, беря их в свидетели...»

Глава шестая. Искра Геи

Асклепион остался позади. Они проходили через Пропилеи — главные ворота Афинского Акрополя. Задернув голову, Деми разглядывала статую Афины, чьи шлем и острие копья сделали из чистого золота. Наверное, они красиво сверкали в свете яркого солнца... когда-то, века назад. Нахмурившись, Деми опустила глаза. Алая пелена неба мешала наслаждаться окружающей ее древней красотой.

Карусель памяти сделала очередной виток, и перед глазами пронесся облик дымчатой твари, которую Ариадна назвала Носои. Лишь одна из мириад бедствий, выпущенных из пифоса Пандоры, она принесла уже столько боли... А сколько принесли подобные ей, что веками скитались по миру?

Ариадна понимала, что происходит в душе Деми. Не могла не понимать. Пока они шли по Акрополю, она своим мелодичным голосом наполняла повисшую между ними тремя напряженную тишину. Рассказывала о храмах и о богах, чья сила, словно кровь, пульсировала в каменных стенах. Парфенон, посвященный Афине, Эрехтейон, посвященный ей же, Посейдону и царю Эрехтею, храм Ники Апстерос... Каждое святилище, отстроенный зодчими во имя олимпийцев и принятое ими в дар, хранил в себе частицу самого бога.

Деми, слушая Ариадну, рассеянно кивала. Никиас неслышно скользил рядом, маяча на периферии зрения, словно черная тень.

Кассандра, замершая у храма богини победы, разговаривала с девушкой с пшеничными волосами, собранными в стильную, но несколько необычную для этого мира прическу — схваченный в нескольких местах пышный хвост. Наброшенный на левое плечо плащ-хламида (по обыкновению, одежда все же мужская) открывал обнаженные босые ноги. Невысокая, крепко сложенная, она не была лишена некоей спортивной женственности. Развитые мышцы, широкие плечи — в мире Деми, в ее Греции, незнакомка могла бы оказаться неплохой пловчихой.

— Недалеко ты убежала, — заметила Кассандра.

Деми неопределенно повела плечом, в глубине души чувствуя неловкость. Жителям мира-войны странна, непонятна ее вспышка эмоций, которую они наверняка сочли слабостью.

— Хотела побыть одной. Не получилось.

Про встречу с атэморус рассказывать она не стала. Никиас расскажет, к оракулу не ходи.

— Доркас, это и есть Пандора.

— Наслышана. И, признаться, заинтригована.

— Я Деми, — с неким вызовом сказала она. — А ты...

— Искра самой Геи, — подмигнула она.

Деми, отчего-то смутившись, не нашла ничего лучше, как спросить:

— Поэтому ты ходишь босиком?

Доркас непринужденно рассмеялась.

— Верно. Так я лучше ощущаю связь с матерью-землей... что бы там ни думали и ни говорили люди, — добавила она, бросив взгляд за спину Деми. — Я как услышала от Искр Ириды[1] последние вести, так сразу помчалась к Кассандре, чтобы она нас познакомила.

Пророчица неодобрительно поджала губы.

— Ты выбрала подходящий момент. — Посчитав их с Деми разговор законченным, а знакомство совершенным, она добавила: — А теперь, если ты не против...

Доркас смотрела на нее широко распахнутыми, бесхитростными глазами, явно не понимая, чего от нее ждут.

— Нам нужно уладить кое-какие проблемы.

— О, я могу помочь? — оживилась Искра.

— Мы справимся. А у тебя, думаю, есть дела в Гефестейоне.

— Нет, нет, никаких дел. Вечер же, — добродушно хохотнула Доркас.

Кассандра утомленно прикрыла глаза. На выручку ей пришла Ариадна. Сказала своим неизменно мягким, словно лебяжий пух, голосом:

— Доркас, нам нужно поговорить с Пандорой наедине.

— О. — На лице Искры отразилась обида.

— Я найду тебя позже, ладно? Ты еще поговоришь с Деми, обещаю.

«Не сегодня. Ради бога, только не сегодня».

Нетерпение зудело под кожей. Ей нужно возвращаться домой. Неважно, что будет завтра, а сегодня ей жизненно необходимо увидеть Элени... маму. И обо всем ей рассказать.

«И что же ты скажешь, Деми?»

— Ла-а-дно, — разочарованно протянула Доркас.

И, бросив на прощание заинтересованный взгляд на Деми, направилась прочь.

Оставшуюся четверку, словно скальную гряду, обмельчавшей рекой обтекали эллины. Поглядывали на Деми с любопытством, но без узнавания. И слава олимпийским богам. Не так скоро Искры Ириды разнесут по всей Элладе весточку, что Пандора вернулась?

— Мы слишком долго ждали этого часа. — В голосе Кассандры Деми послышался упрек. Дескать, хватит уже убегать. — Жаль, конечно, что ты до сих пор не вспомнила свои прошлые инкарнации. Возможно, тебя просто нужно подтолкнуть.

— Кстати об этом... Я боюсь, все не так просто.

Теперь уже насторожилась Кассандра.

— Это еще почему?

Деми настояла на том, чтобы рассказать обо всем подальше от посторонних ушей... и эллинов с божественными способностями.

— Ну хорошо, — нетерпеливо бросила пророчица. — Вернемся в пайдейю[2].

— Пайдейя? Это еще что? — Причудливой памяти Деми это понятие оказалось незнакомо.

— Школы для тех, в ком обнаружили искру божественного дара.

Лишь оказавшись на самом верхнем этаже, где их с Кассандрой ждал Харон, и мысленно подобравшись, обрушила на инкарнатов правду, что в свое время стала шоком и для нее самой.

— К рассвету я все забуду. Забуду все, что происходило со мной сегодня, что происходило со мной всю мою жизнь. Забуду то, что я — Пандора. Что я — это я.

Ариадна вопросительно подняла брови. Кассандра подалась вперед. Даже внешне отрешенный Никиас заинтересовался ее заявлением, оторвавшись от созерцания вечернего пейзажа за окном. Солнце не клонилось к закату, так и не появившись на небе, не прорвавшись сквозь алую пелену, но льющегося отовсюду света стало меньше.

Деми рассказала им все. Ее история, казалось, началась лишь сегодня утром, со стикеров на стенах, с исписанных блокнотов в тумбочке. Но, закольцованная, она

повторялась так вот уже несколько лет — с тех пор, как маленькая Деми начала терять память.

Как только смолк последний звук последнего слова, повисла звенящая тишина. Равнодушных к концу ее рассказала не осталось. Деми знала это наверняка, невзирая даже на непрístupную для понимания эмоций маску Никиаса, который, конечно же, снова стоял к ней полубоком, устремив непроницаемый взгляд вдаль через окно.

Молчание нарушила Кассандра.

— Амнезия, — поморщившись, повторила она. — Этого нам только не хватало.

— Теперь я понимаю, что все эти люди, имена которых я находила... — Деми прерывисто вздохнула, и попыталась снова. — Вот почему моя болезнь поражала людей так избирательно, вот почему одновременно мог существовать лишь один человек с подобной амнезией. Все те девушки из списка, который я так тщательно составляла... Все эти люди... Это все была я.

— Твоя душа — да, перетекающая из тела в тело.

Душа Пандоры, многократно перерожденная.

Это не должно было шокировать Деми — не после всего, что ей довелось узнать и увидеть. И все же... шокировало, да.

— Но сколько бы раз я ни появлялась на свет, и где бы ни появлялась, какая-то сила всегда тянула мою душу в Грецию...

— Потому что твоя судьба — это Алая Эллада, — тихо произнесла Ариадна. — Ты навеки с ней связана. По какой-то причине твоя душа была не в силах преодолеть завесу между мирами, потому держалась к Алой Элладе так близко, как только могла.

— Может, закончим эти пустые разглагольствования и перейдем к проблеме посерьезнее? — холодно обронил Никиас. — Что нам делать с ее бракованной памятью?

Деми не подала виду, как покоробили ее эти слова. «Я запомню, — с мстительной решимостью подумала она. — А если не буду в состоянии запомнить сама — запишу».

— Уже темнеет, мне нужно возвращаться. Мама... Я должна ей все объяснить. Понятия не имею, как она воспримет правду. Вряд ли она поверит во все происходящее... если только сама здесь не побывает. Если не увидит то, что видела я.

— Может, устроим персональную экскурсию в Элладу всех твоих друзей? — ласково предложил Никиас.

Деми послала ему усталый взгляд.

— Ты жить не можешь без постоянных издевок, да? — Не дождавшись его ответа, равнодушно добавила: — У меня нет друзей.

— Не удивлен.

— Никиас, — тоном матери, утомленной тем, что приходится разнимать непослушных детей, попросила Ариадна. — Хватит изводить Деми.

— О, я еще даже толком не начинал.

— Но стоит уже закончить.

— Хватит, — прикрикнула Кассандра. — Замолчите оба.

Никиас в бешенстве развернулся к пророчице, и на короткое мгновение Деми показалось, что та сейчас отшатнется. Что она видела в его глазах в это мгновение? Чего боялась?

Кассандре быстро вернула себе невозмутимый вид. Взглянув на Деми, припечатала:

— Ты никуда не вернешься.

Показалось, на нее обрушилось алое небо.

— Что? Я не...

— Ты не вернешься домой. Я не позволю тебе вернуться.

Деми с мольбой взглянула на Харона, но тот лишь покачал головой. Без ледяной ненависти, что текла по венам Никиаса вместо крови, без сожаления, что плескалась в глазах Ариадны. Равнодушный жест, простая констатация факта, беззвучное, но непреклонное «нет».

— Мы не знаем, как скоро Арес узнает о том, что мы отыскали Пандору, — бесстрастно сказала Кассандра. — Но, как и любой бог, он может чувствовать, когда приоткрывается завеса между Грецией и Алой Элладой. И, как любой бог, он может стереть тебя в пыль.

Деми вздрогнула.

— Причем сделать это в Греции Изначального мира, где сила каждого из нас приглушена из-за того, что наших богов — наших покровителей — нет рядом.

— Вот почему я так долго тебя искала, — пояснила Ариадна. — Нити постоянно путались и приводили меня к тупику.

Она выглядела растерянной, едва ли не несчастной, и как только их взгляды пересеклись, тут же отвела свой.

— Моя мама... — Деми качала головой, не в силах поверить в то, что ее не отпускают в родной мир. — Она же сойдет с ума от беспокойства.

— Всем нам приходится чем-то жертвовать, — веско сказала Кассандра, остановив на ней тяжелый взгляд.

Деми словно падала в бездонную пропасть. Чувство, будто из-под ног выбили опору, и, кричи не кричи, тебя ждет мучительно долгий полет в неизвестность.

Да, она не типичная девушка, такая примерная дочка, что хранила теплые воспоминания о днях, проведенных с мамой, об их долгих, душевных девичьих разговорах. Она вообще не хранила воспоминаний — лишь осколки разбитой на части реальности где-то глубоко в собственной голове.

И все же...

Деми могла попросить хотя бы перенести маму сюда, хотя бы на пару мгновений. А потом представила Элени Лабракис в мире под алым небом, полным богов и чудовищ. Ее мама этого не заслужила. Она не заслужила дочь, которая однажды уничтожила целый мир и вместо него породила терзаемую божественными войнами и наводненную бедствиями Алую Элладу. Каково Элени будет жить с этой правдой?

Значит, Деми придется остаться в чужой, отраженной реальности, став сиротой при живых родителях? А ее маму ждут долгие ночи без сна и попытка смириться с мыслью, что ее дочь бесследно исчезла?

Деми должна исправить то, что натворила когда-то ее инкарнация. Но не такой ценой. Не такой...

— Вы можете хотя бы поговорить с мамой, объяснить...

— Рассказать об Алой Элладе? Смертной? Нет. Разумеется, нет.

Не верилось, что прежняя жизнь закончена. Что дверь в Изначальный мир, в нормальную, лишённую магии Грецию навсегда для нее закрыта. Но Ариадна отводила взгляд, а Кассандра и Харон, напротив, смотрели непреклонно. Желания Деметрии Ламбракис никого не интересовали. Что уж говорить о безымянной для них Элени...

— Пожалуйста...

Деми хотелось быть сильной или хотя бы казаться сильной, пока она просила Харона о помощи, но голос срывался, а все тело трясло.

— Я сказала нет, — отрезала Кассандра. — Никиас, поручаю тебе следить за Пандорой. Чтобы не сбежала и не доставила нам больших неприятностей.

Похожая на оскал улыбка Никиаса словно говорила о том, что скорее неприятности Деми доставит он.

Обхватив себя руками за плечи, она вспоминала мамин образ, понимая, что Элени Ламбракис так им и останется — оттиском, отпечатком в ее голове. Образом, а не живым, любящим человеком, который охотно разделит все ее радости, печали и беды.

Деми отчаянно прогоняла слезы — такого удовольствия Никиасу она не доставит. Выплачется, когда окажется в одиночестве.

— Мы придумаем, как решить проблему с твоей памятью, — сказала Кассандра, как будто это единственное, что ее сейчас волновало.

Незнакомому Деми юному эллину, почти ребенку, она велела созвать в комнату всех Искр Гекаты. Вопреки ожиданиям Деми, среди них оказались не только девушки, но и молодые мужчины. Однако никто из них, заглянув в ее разум, не сумел сообщить ничего дельного. Кассандра не скрывала своего разочарования.

— Гея свидетельница, я этого не хотела, но утром вместе с Искрами Гермеса или Ириды придется послать весточку сестрам Грайям.

Что-то в голосе пророчицы заставило Деми насторожиться.

— Почему утром? — вырвалось у нее.

— Вижу, ты разделяешь мое нетерпение, — усмехнулась Кассандра. Поморщившись, неохотно объяснила: — С тех пор, как Нюкта, богиня ночи, примкнула к Аресу, Эллада будто разделена на две половины. Днем, пока царствует Гемера, мы в безопасности, но ночью... Порой уродливые куклы Ареса отправляются на охоту, и тогда настает пир химер.

Деми вздрогнула. Химеры... Полулюди со звериными частями тела, твари, словно выдуманные чьим-то воспаленным рассудком. Даже то, что она видела их своими собственными глазами, не мешало принимать их за сон. Несомненно, кошмарный.

— Разве им недостаточно тех, кто сражается в Эфире?

— Обычные люди для химер словно куклы, их легко сломать. Легче, чем Искр и хорошо обученных воинов. А потому, пока армия Нюкты царствует в Алой Элладе, в безопасности не будет никто. Все, что нам остается — молить богов и дожидаться рассвета.

Деми прикрыла глаза. Рассвет для эллинов был освобождением, для нее — огромным шагом назад. Ластиком, стирающим самые важные, самые ценные воспоминания. Жаль, с ней не было блокнота, который рано утром дала ей мама. Деми бы написала себе, утренней и непомнящей ничего, краткие послания. Например, «не позволять Никиасу себя задеть и понять, какой он, настоящий, под всеми своими масками», «подружиться с Ариадной — она очень милая и, кажется, единственная, кто по-настоящему за меня переживает». А еще — «хоть раз рассмешить Харона, чтобы узнать, способны ли бессмертные проводники душ улыбаться». Правда, ей самой сейчас не до улыбок.

Стук в стену (здесь не было дверей) заставил Деми вздрогнуть и резко распахнуть глаза. На пороге стояли косматые старухи с седыми волосами. Было заметно, что они не слишком-то рвались жить среди людей. От них прямо-таки несло рыбой и тиной. Однако Деми в ужасе воззрилась отнюдь не на их прически или выдавшие виды балахоны, словно сшитые из потрепанной серой мешковины.

У всех троих не было глаз.

Их отсутствие старухи не спешили маскировать повязками и лентами. Сперва показалось, будто эти жуткие черные впадины — и есть их глаза. Огромные, они смотрели прямо на Деми, через *ее* глаза — внутрь *ее* души. Рыскали там, точно голодные звери. Искали вкусные косточки — то ли секреты, то ли грехи.

Глаз — один на троих — все же обнаружился в руке самой высокой и самой старой старухи. Хрустальный, он был медальоном нанизан на серебряную цепь. Старуха повела им в воздухе и, шамкая, произнесла:

— Где та, о которой ты нам рассказывала, Кассандра?

— Где-где? — выхватывая глаз-медальон, подалась вперед другая.

— Где Пандора? — прошамкала третья.

Деми вжалась в стену, а пророчица осталась невозмутима.

— А вот и отправленная утром весточка...

— Что говоришь? — глуховато спросила высокая старуха.

— Говорю, я еще не рассказывала вам о Пан... А, впрочем, неважно. Я рада, что вы пришли.

Пока Кассандра рассказывала сестрам об амнезии Деми, Ариадна шепнула ей на ухо:

— Не думаю, что вас будут представлять друг другу, так что представлю я. Итак, седые от рождения сестрицы Грайи. Самая худая, почти истощенная — это Дино, самая дряхлая — Пемфредо, Энио — с самым зловещим выражением лица. Они колдуньи, и, как ты, наверное, уже догадалась, провидицы. Могут видеть грядущее и даже не сбывшееся.

— Это как?

Ариадна вздохнула.

— В одну из прежних моих инкарнаций они уже врывались вот так в пайдейю. Радовались, что мы наконец отыскали Пандору. И мы радовались, а зря. То ли колесо судьбы не сделало нужный поворот, то ли одна из нитей мойр была не вовремя обрезана, то ли что-то иное мне помешало... Как бы то ни было, я так тебя и не нашла, но до конца жизни жила этой надеждой, что еще один день, что вот-вот...

Деми будто током пронзило. Каково это — положить на алтарь всю свою жизнь ради призрачной надежды? И той, что заключена в древнем пифосе, и той, что олицетворяли поиски Пандоры...

— Ты хоть успевала... жить? — сдавленно спросила Деми.

Ариадна отвела глаза.

— Поживу, — с пылом, что не слишком вязался с ее мягкой натурой, после недолгого молчания сказала она. — Когда небо над головой перестанет быть алым. Все свои жизни, Деми, я живу ради этого дня. Потому я так тебе рада.

Деми смотрела на нее во все глаза. Ариадна едва ее не благодарила. Ту, что все это и начала.

Грайи вертели Деми как куклу, жадно ее разглядывая.

— Не помнит, значит, — шипела Энио.

Ей не достался глаз, а потому старуха решила, что имеет полное право щипать Деми за щеки. Болезненно. Очень болезненно. Деми едва сдержалась, чтобы не сбросить с силой ее руку со своих щек. Стоило ли гневить колдуний? Положение спасла Ариадна — просто молча заслонила ее собой. Энио, разочарованно кривя губы, отступила. Ни дать ни взять — ребенок, у которого отобрали новенькую игрушку.

Грайи загалдели, перебивая друг друга:

— Барьер вижу...

— Заслон...

— Скрепы на памяти...

— Замки и цепи...

— А под ними — тьма...

— Тьма...

— Тьма...

Деми вздрогнула. К счастью или к сожалению, но размытые фразы — все, чего удалось от них добиться. Кассандра выглядела разочарованной.

Грайи наконец ушли, и дышать стало легче.

— Закрывайте окна барьерами, — приказала пророчица. — Ночь идет.

[1] Ирида — богиня радуги и вестница богов. Благодаря радуге она путешествует по миру со скоростью ветра и может спускаться на землю, в морские глубины и даже царство Аида, чтобы донести послания смертным с самого Олимпа. Искры Ириды разносят разного рода вести по всей Алой Элладе.

[2] Пайдейя (др. — греч. παιδεία «воспитание детей») — категория древнегреческой философии, соответствующая современному понятию «образование»: определенная модель воспитания. Школы в Алой Элладе стремятся соответствовать идеалу пайдейи, сформулированному Аристотелем — гармоническому телесному и духовному развитию человека, реализующего все его способности. Отсюда и их название.

Глава седьмая. Перед рассветом

Переход к ночи оказался стремителен. День погас, словно кто-то выключил лампочку на небе — свет, наполняющий воздух, просто потух. Кассандра объяснила это тем, что Гемера-День, что вместе с Гелиосом-Солнцем была на стороне Зевса, с матерью Нюктой старалась не встречаться. Как только приходило время ночи, Гемера исчезала, забрав с собой дневной свет, и без того искаженный вечно алым небом.

Незнакомая девушка внесла в комнату две «лампы» — прозрачные длинные тубусы из тонкого стекла, внутри которых бились молнии, что давали яркий, но неровный свет. Деми обвела взглядом пространство комнаты, ненадолго остановившись на лицах каждого из присутствующих: Харона, мрачно созерцающего тьму за окном, в которой разглядеть что-то было невозможно, нервно покусывающую губы Ариадну и Кассандру, погруженную в свои размышления. В сторону Никиаса она предпочла не смотреть — достаточно и того, что ее кожа буквально горела от его тяжелого взгляда.

Вопросы роились в голове, и Деми не знала, с какого из них начать.

— На заре будь готова к тому, что мы займемся твоей памятью, — нарушила тишину Кассандра. — А пока отдыхай. Ариадна покажет тебе твои покои.

Вот так просто все было решено за нее.

— Идем, — тихо обронила плетельщица зачарованных нитей и вышла из комнаты.

Помедлив, Деми последовала было за ней, но ее остановил голос Кассандры — холодный, ровный и гладкий, будто лед на озере или замороженное стекло.

— Ариадна — милая девочка. Сколько я ее знаю, она всегда такая — сострадательная, доверчивая... иногда даже чересчур. Это черты не ее характера, изменчивого, как сама человеческая суть, а ее души. Порой новая жизнь Ариадны была еще тяжелее предыдущей, но какие бы испытания ни выпали на ее долю, она оставалась прежней — девочкой, девушкой, женщиной и старухой, которая видит в людях только самое хорошее, даже лучше многих других зная о темной стороне человеческой души.

Деми поняла, почему Кассандра заговорила об Ариадне. Будучи частью команды под явным лидерством Кассандры, она стояла особняком лишь в одном — в отношении к Деми. К Пандоре.

— Не буду скрывать, я не похожа на нее. Я не могу позволить себе такую роскошь, как доверие чужакам. Не сейчас, когда идет война. Когда предают, переходя на темную сторону, сторону Ареса, даже самые родные. Потому что боятся, что нам — весьма условно светлым — не выиграть этой войны. Я не хочу обвинять тебя в том, что случилось века лет назад, хотя это прошлое, которое стало нашим настоящим. Но тебе придется заново заслужить наше доверие, доверие всей Эллады. За то, что каждый день из-за тебя гибнет кто-то из нас.

Пророчица не стала дожидаться ее ответа — отвернулась к окну. В комнате повисла вязкая тишина. Деми мечтала сейчас о магии, способной сделать ее незаметной... лучше вовсе невидимой. Даже хорошо, что рассвет сотрет все горькое, что было сказано сегодня.

Сглотнув горечь, она поспешила догнать Ариадну.

Они шли по длинному коридору, и каждый раз, когда перед Деми открывалась новая комната, лишенная дверей, все находящиеся там поворачивали головы. Все взгляды были прикованы к ней. Малышня пряталась за спину старших или замирала посреди комнаты,

заворожено глядя на Деми. Сами старшие — подростки примерно ее возраста — либо смотрели в упор, поджав губы или что-то говоря себе под нос, либо тут же отворачивались.

Неизменным оставалось одно: никто не улыбался.

— По большей части, это воспитанники Кассандры, будущие провидцы. А еще — сироты, что потеряли родных в войне.

Острый, словно скорпионье жало, укол вины — как будто их до того было мало. Да, души их родителей бессмертны. Да, их ждут новые — и, возможно, даже лучшие жизни. Другие семьи, другие встречи и расставания. Но *эти* дети, что стояли сейчас перед ней, своих родителей лишены.

— Кассандра ищет в них божьи искры и старается развить их потенциал.

Ариадна, не замечая ее потускневшего взгляда, легко сбежала по ступеням. Один длинный коридор сменился другим, а она все продолжала щебетать. На самом деле, это действительно помогало Деми чувствовать себя чуточку лучше под перекрестным огнем чужих взглядов.

— После обучения у наставников — воинов, ремесленников, целителей — прежде никому не нужные сироты становятся уважаемыми жителями Эллады и охотно помогают другим. Я знаю, Кассандра может быть немного резкой, но...

Деми тихонько хмыкнула, вспомнив слова пророчицы. И все же не смогла не признать:

— Она делает доброе дело.

Ариадна закивала, и Деми даже почудилось промелькнувшее в ее глазах облегчение. Боялась, что их отношения с Кассандрой будут ровно такими же, как с Никиасом? Как будто с ним она хотела быть на ножах. Как будто больше всего на свете Деми не хотелось, чтобы ее оставили в покое.

Желательно в родном, Изначальном, мире.

Во время подъема она с интересом разглядывала энкаустикой[1] расписанные стены. Афины Палладу узнала сразу — красивая женщина с копьем, облаченная в тяжелые мужские доспехи и коринфский шлем с высоким гребнем. Разглядела и близнецов, от чьей безупречности захватывало дух — утонченную Афродиту и прекрасно сложенного Апполона. Зевса узнала по молниям в руке, Артемиду — по луку и стрелам. Был еще усмехающийся Дионис с кубком, полным вина, и Гестия, грациозно сидящая на шкуре у очага.

Так странно... В ее мире древних богов увидишь, разве что, на страницах книг, а здесь они заменяют картины с изображением великих полководцев, воинов и генералов — вроде тех, что висят в каких-нибудь элитных поместьях. Нечто обыденное, привычное...

«Они даже не умерли — в отличие от героев минувших эпох моего мира, — вздрогнув, подумала Деми. — Они прямо у нас над головой».

— Надо же, у нас новенькая! — донесся до нее обрадованный мужской голос.

Ариадна, остановившись, отчего-то вздохнула. Деми увидела симпатичного парня лет двадцати двух, одетого в расшитую золотыми нитями рубашку совсем не в греческом стиле и белые брюки. Светлые волосы слегка вились, и завитки у мочек ушей издали походили на серьги. Даже в том, как он шел, чувствовалась некая манерность — но не высокомерие. Белозубая улыбка, открытый взгляд — и Деми, лишь недавно решившая не доверять никому, кроме Ариадны, против воли прониклась симпатией к незнакомцу.

Поведя рукой в воздухе, он слегка наклонился.

— Фоант. А вы, как я понимаю, и есть Пандора, о которой гудит вся пайдейя.

Деми поняла, что он хочет поцеловать ее руку и покраснела до кончиков ушей. Но руку все же подала и была вознаграждена быстрым поцелуем.

Покопавшись в памяти, она не обнаружила ничего, что ассоциировалось бы у нее с этим именем. Поняв это, Фоант постучал костяшками пальцев по портрету Диониса.

— Ты — Искра Диониса?

— Лучше, — гордо выпятил грудь Фоант. — Я его сын. И ее, кстати, тоже.

Деми вперила взгляд округлившихся до предела глаз в Ариадну.

— Ты и Дионис?! Это — твой сын?! — Так сразу и не скажешь, какой из двух фактов шокировал больше.

Ариадна бледно улыбнулась.

— Я-ясно, — протянула Деми, понятия не имея, что сказать.

Искать общие черты в физических оболочках двух родственных душ казалось бесполезным, но она все-таки попыталась. Ничего удивительного, что ничего объединяющего Ариадну и Фоанта, кроме светлых волос с золотым отливом, не нашла.

— Но в тебе же есть искра твоего отца?

— Разумеется! Я его любимый сын!

— Спорно, — пробормотала Ариадна, но Фоант предпочел пропустить ее замечание мимо ушей.

— И каково тогда благословение Диониса?

Наклонившись к ней, Фоант подмигнул:

— Самое лучшее — пить и не испытывать похмелья!

Деми, не удержавшись, фыркнула. Ариадна очаровательно закатила глаза.

— Я лишь хотел сказать, если тебе понадобится помощь опытного проводника и знатока древних историй (а еще превосходного рассказчика)... обращайся.

Она смущенно улыбнулась Фоанту, подумав о том, что акцент на слове «опытный» он сделал совсем не случайно.

— У Деми уже есть человек, к которому она может обратиться за помощью в любую минуту, — сухо вато сообщила Ариадна.

— Ревнуешь к новой подруге? — насмешливо поинтересовался он.

Ариадна выдохнула, прищутив глаза — кажется, это был самый строгий из арсенала ее взглядов.

— Фоант, нам надо идти.

— Как скажешь... мамочка, — не без ехидства пропел он и, чмокнув оторопевшую Деми в щеку, танцующей походкой удалился.

Ариадна снова вздохнула.

— Кажется, у меня было слишком мало жизней, чтобы достойно его воспитать.

Деми рассмеялась смехом с немалой толикой изумления. Фоанту каким-то неведомым образом удалось хоть немного поднять ей настроение. Если учесть все свалившееся на нее снежной лавиной потрясение, это дорогого стоило.

— Боги, как это странно. Вы одного возраста, но он твой сын. А еще его родила другая женщина, а значит, у него другая мама, но все-таки он твой сын. Тебе самой не странно?

— Немного, — с улыбкой призналась Ариадна. — Представляю, как это выглядит для тебя, но в Алой Элладе после пары-другой перерождений к подобному привыкаешь. Кто-то держится за свои прошлые семьи — навещает детей, внуков и правнуков, но чаще всего старые связи истончаются — чем дальше, тем сильнее — и в конце концов рвутся. Так

переворачиваются исписанные страницы дневника, чтобы никогда больше не открыться. Так прячутся в шкаф, пусть и по-своему любимые, но уже прочитанные от корки до корки книги, к которым больше никогда не вернуться. Новое всегда ярче, ближе к сердцу, чем старое. К счастью или же к сожалению. Однако так вышло, что мы с Фоантом встретились в Афинах только в эту веху нашего перерождения. Его манит этот город не меньше, чем всегда манил меня.

Деми торжествующе улыбнулась. А вот и общее.

— Самое сложное, что подстерегает инкарнатов — своеобразная дихотомия воспоминаний. Я помню, как познакомилась с Фоантом, как, благодаря силе родственных душ, узнала, что он мой сын. И в то же время помню, как носила его под сердцем, как давала ему, только родившемуся, имя. Как прошла с ним долгий путь от младенчества до самой смерти.

У Деми мороз пробежал по коже. Она изучала профиль Ариадны, идущей в одном ритме с ней. Лицо бледное, напряженное, больше похожее на восковую маску.

— Я помню, как Фоант умирал на моих руках... И безумно рада, что способна видеть его живым и невредимым. — После мучительно долгой паузы Ариадна повернулась к Деми и со смешком сказала: — Только не ведись, пожалуйста, на его уловки — он тот еще дамский угодник.

Деми снова смутилась. О чем, о чем, а о делах сердечных она думала сейчас в последнюю очередь. Или, если быть точней, не думала совсем.

Ариадна привела ее в просторную, тонушую в полумраке комнату. Прикосновением зажгла принесенный с собой светильник. Обстановка оказалась скромной — кровать в дальнем углу рядом со шкафом, у окна — небольшой стол.

— Пока ты не ушла... Я могу кое о чем тебя попросить?

— Конечно, — с готовностью откликнулась Ариадна.

— Мне нужно что-то, на чем можно писать. Я хочу... Хочу оставить хоть какую-то память о сегодняшнем дне. Как бы ни тяжело все то, что я сегодня узнала, я должна это помнить. Должна знать, какую роль я...

— Я понимаю.

Не прошло и нескольких минут, как Ариадна принесла то, что на первый взгляд показалось стопкой деревянных табличек, тоненьких, чуть ли не с волосок.

— Полиптих? — неуверенно спросила Деми, подразумевая связанные шнурками восковые таблички для письма.

Ариадна широко улыбнулась.

— Почти. Его усовершенствованная версия. — Она протянула ей изящный стилос[2] из серебра. — Давай, напиши что-нибудь.

Когда Деми взяла в руки стопку табличек, ни одна из них не сдвинулась, словно они были приклеены друг к другу. Но стоило только коснуться верхней, как та с легкостью отделилась от остальных и сама собой легла в ее ладонь. Едва ощутимое касание кончика стилоса к дощечке, и на светло-коричневой поверхности вывелись яркие, четкие «чернильные» буквы.

«Меня зовут Деметрия Ламбракис».

— Прекрасно. — Ариадна просияла так, будто именно она все это время учила Деми письму. — А теперь сделай вот так...

Деми повторила за ней, и дощечки приникли друг к другу, а потом раскрылись в воздухе

веером, словно книга, оставленная на скамье под шквальным ветром. Столь скромная магия, она заставила Деми тихонько вскрикнуть от восторга.

— Ты можешь стирать написанное одним движением, просто проведи пальцем вот так... Стилос клади наверху, он никуда не сдвинется, пока ты этого не захочешь.

— Спасибо, — тепло поблагодарила Деми. — Не думай, что мне не нравится, но...

— Почему у нас нет нормальных писчих принадлежностей, которые мы могли подсмотреть у вас? — рассмеялась Ариадна.

— Да, но не только их. Почему у вас нет и всего остального? наших технологий, я имею в виду?

— Причина, на самом деле, не одна. Далеко не все эллины посвящены в тайну существования Изначального мира. Не все обладают привилегией его наблюдать.

— Но разве такие, как ты и Харон, не могут пронести какое-нибудь изобретение в Алую Элладу? Чтобы разобрать его на составные части и понять, как оно работает?

— Мы ничего не выносим из Изначального мира. Чревато тем, что ткань между реальностями истончится. Чем сильнее различие между творениями наших миров, тем сильнее энергия одного мира расшатывает, колеблет завесу. К примеру, одежда, в которой ты прибыла сюда, лишь создаст на ее поверхности рябь подобную брошенным камням. А вот захваченный с собой сотовый или ноутбук — вмешательство уже серьезнее. Но не подумай, будто мы всегда смиренно наблюдали за Изначальным миром, восторгаясь им со стороны.

— Вы попытались повторить за ним, — кивнула Деми.

— Да, и большинство творений наших изобретателей — увы, в условиях войны вынужденных лишь повторять за куда более прогрессивным миром, — попросту не прижились. Все дело в том, что люди Алой Эллады больше доверяют тому, в чем есть хотя бы толика магии, что значит — божественной искры. К тому же здесь магия сильнее. Пуля атэморус не возьмет, химер лишь разъярит еще больше, а вот пламя и солнце... Да и зачем нам самолеты, если есть пегасы? Зачем компьютеры, если есть магические полиптихи?

Улыбка Ариадны, едва не угасшая при упоминании войны, разгорелась с новой силой. И впрямь... Зачем технологии, если есть колдовство?

— И все же кое-что вы у нас позаимствовали, — заметила Деми. — Язык, на котором вы разговариваете... Я, наверное, изучала древнегреческий — мне знакомы многие слова. И все же это не чистый древнегреческий.

Такое подозрение возникло у нее давно и крепло тем больше, чем дольше она наблюдала за эллинами.

— Нет, — подтвердила Ариадна. — Наш говор — причудливая смесь современного и древнего языков, димотики и древнегреческого. Можно сказать, именно Харон принес в Элладу новогреческий... но не он один.

— Инкарнаты, — поняла Деми.

— Верно. Те, что, повзрослев, вернули себе воспоминания о прошлых жизнях, в Алую Элладу пронесли отпечаток нынешней. Новогреческий наш язык не заменил, но смешался с ним, образуя тот язык, на котором сейчас говорят эллины. Тот, что здесь называют элинником. Многие из инкарнатов, чья душа, преодолев завесу, оказалась в Изначальном мире, пытались принести в родной мир и технологии... но в мире, пропитанном магией, они не прижились.

— Однако боги и многие приближенные к ним инкарнаты разговаривать на элиннике отказываются наотрез, — со смешком добавила Ариадна. — Если решишь пообщаться с кем-

то из них, придется учить древнегреческий.

Сама мысль о том, что Деми вздумает общаться с богами, отдавала безумием. Впрочем, как и существование двух миров, как и реальное существование всего того, что она и все люди Изначального мира считали мифами.

— Уже, наверное, совсем поздно. Попробуй выспаться, ладно?

Деми послала ей вымученную улыбку.

— Попробую. — Помедлив, негромко позвала: — Ариадна...

Та поняла ее без лишних слов.

— Я приду к тебе с первым лучом солнца. И когда ты проснешься, обо всем расскажу.

Если кого из жителей Эллады Деми и хотела видеть в тот миг, когда будет метаться между страхом и непониманием, так это Ариадну. Самую чуткую из всех эллинов, с которыми ей довелось познакомиться.

Уголки губ Ариадны чуть дрогнули:

— Наверное, будет непросто. Мне — объяснить, а тебе — поверить.

— А может, совсем наоборот. Элладу я вряд ли забуду — Каламбаку я помнила до мельчайших деталей. Забуду только свое место в этом мире, но... Я ведь отчасти начну жизнь с чистой страницы. Когда ничего не знаешь, легко поверить во все, что угодно. Чем больше знаешь — тем сложнее что-то невозможное принять.

Ариадна поразмыслила над ее словами. Улыбнувшись, кивнула.

— До завтра, — шепнула Деми.

— До зари.

Как только фигурка Ариадны затерялась в глубине коридора, она устало опустилась на покрывало. Под напором чужих обвинений и груза взваленной на нее ответственности ее внутренний щит дал трещину и раскололся с грохотом, слышимом только ей одной.

Скользнув на пол возле кровати, Деми разрыдалась.

Весь спектр эмоций, что скопились внутри, от шока до обиды и ужаса, она выплескивала рывками, ощущая горечь и соль на губах. И, выплеснув все до дна, почувствовала себя опустошенной.

Проходила минута за минутой, а Деми все не могла заставить себя подняться с пола. Завтра в ее жизни начнется новая страница, и с самого утра она станет частью Алой Эллады — долгожданной гостьей и одновременно ненавидимой. Станет частью чужого мира и ее собственного. Мира, где ее душа появилась на свет.

Душу распирало от всепоглощающего чувства одиночества и преследующего Деми ощущения, будто она падает в пустоту. Страшно заглянуть в эту чернеющую под тобой бездну, страшно подумать, что ей не будет конца. А когда конец все же наступит, никого не окажется рядом с ней. Никого.

Она вытерла лицо, поднялась. В душе медленно зрело что-то похожее на решимость. Можно сколько угодно сетовать на судьбу, что уготовила ей это испытание. Задаваться древними как само время вопросами: «За что?», «Почему я?». Если Кассандра, Ариадна и остальные не ошибаются, и Деми — и впрямь их Пандора, она сделает все, чтобы исправить то, что совершила ее душа. Ее самая первая, и, хочется верить, самая глупая инкарнация.

Положив на кровать перед собой чудо-дневник, Деми коснулась стилусом второй, девственно чистой, «страницы». И записала все. Все, даже жалиющие слова Никиаса и Кассандры. Они были нужны ей в завтрашнем дне. Они — что-то вроде горькой пилюли, подпитывающей ее решимость.

Правило не читать дневники могла позволить себе только та Деми, что не знала о существовании Алой Эллады.

Написала она и про Элени Ламбракис. Как бы ни было тяжело вспоминать о ней, запертой по ту сторону реальности, Деми не могла позволить себе ее забыть. На мгновение глаза снова заволокло пеленой, к горлу подкатил комок. Каждую минуту ее мама сходила с ума от беспокойства, не зная, что ее дочь больше не вернется домой. Никогда.

Она заснула, крепко сжимая в руках исписанный блокнот.

[1] Энкаустика (от древнегреческого *enkaustikos* — «выжигание») — техника живописи, в которой связывающим веществом для красок служит воск.

[2] Стилос, стилó (от др. — греч. *στῦλος* — «столб, колонна, писчая трость, грифель») — инструмент для письма в виде остроконечного цилиндрического стержня из кости, металла или другого твердого материала.

Глава восьмая. Сотворенная богами

«Кто я?»

Ей должны были сниться сны, но она их не помнила. Как не помнила и собственное имя. А вот то, что находится в мире под алым небом... Это знание было словно выжжено в ней.

— Привет, Пандора, помнишь меня?

Голос сидящего на краю ее кровати парня (*Никиаса*, подсказала память) был холодным, как арктический лед и острым, как хорошо наточенный кинжал. Его лицо — красивое, как она помнила отчего-то — закрывала маска хищной, ощерившей пасть змеи со странными наростами на голове. Василиск...

Она едва не вскрикнула. Удержаться помогло то, что ярко-синие глаза пристально, цепко наблюдали за каждым ее движением, за каждой мыслью и эмоцией, что отражались на лице.

Темные волны памяти всколыхнулись, обнажая острый риф — резкое, словно боль от случайного пореза, воспоминание о Никиасе. Почему он в черном? Почему в маске? Так ли он молод или вовсе бессмертен, как Харон? Судя по белому шуму, что воцарилась в голове после этих вопросов, ответы ее память не сохранила.

Если имя Харона в своеобразном хранилище, запрятанном в ее голове, было окрашено в серый с оттиском «хмарь» и «хмурость», то имя Никиаса вызывало ассоциацию с острым ножом из обсидиана, на котором было выгравировано «ненависть». Она поежилась — настолько стало не по себе от мыслей о нем. Все бы отдала, чтобы держаться от него подальше... Беда в том, что прямо сейчас он сидел на ее кровати.

— Ты же помнишь, кто такая Пандора? — вкрадчиво, по-змеиному, спросил Никиас.

Она знала Пандору. Не как человека, не как личность — как миф. Как буквы в книге по древнегреческой мифологии. Ее вдруг разобрал смех. Она — Пандора?

— Смеешься? — В брошенном ей слове проступил яд. — Ну а что тебе еще остается? Ты обрекла мир на гибель, обрушив на него мириады бед, а потом оставила его на тысячелетия. Если бы мы не нашли тебя, если бы силком ни приволокли сюда, ты бы так и влачила свое жалкое, бессмысленное существование. А наш мир продолжил бы погибать.

Улыбку к ее губам словно приморозили. К сердцу раскаленными гвоздями прибили страх. Нет, ужас. Глубинный, ослепляющий.

— Что, маленькая девочка не хочет слышать обидные слова?

— Уходи, — хрипло прошептала она.

— О, я уйду. Но будь уверена: больше забыть тебе не удастся. Я буду приходить к тебе каждый рассвет. И каждый рассвет буду говорить, кто ты и что натворила.

В его голосе было столько ненависти, столько болезненной злобы! Больше, чем она могла выдержать.

Но, наверное, ровно столько, сколько она заслужила.

Он поднялся, открыв и иную сторону своего лица, не внушающего страх, не обезображенного маской. Но его красотой ее уже не обмануть. Никиас уже уходил, когда она нащупала рядом с собой на кровати дневник и, действуя *по памяти*, заставила открыться на первой же странице.

— Меня зовут Деми, — с вызовом сказала ему в спину.

На нее снизошло странное облегчение, ощущение некоей цельности, хотя ничего о девушке по имени Деметрия Ламбракис вспомнить она не смогла.

Тонкие губы скривились, взгляд пронзительных синих глаз мазнул по дневнику.

— Это ничего не меняет. Назовись хоть самой олимпийской богиней, Пандорой ты и останешься. Той, что может только причинять боль и разрушать.

Какое-то время после его ухода Деми лежала с закрытыми глазами. Собравшись с силами, снова раскрыла дневник. С ледяным изумлением скользила взглядом по строчкам, что повествовали о двух мирах, об Искрах и атэморус... Память возвращалась кусками, обрывками. Стоило встретить чье-то имя, и перед внутренним взором вставало чужое лицо. «Чернильными» строчками зачарованного дневника Деми рисовала таинственную карту: на одном листе кальки одна линия, на другом — другая. Они наслаивались друг на друга, создавая пока еще не безупречную картину. Но если сложенный рисунок и впрямь был картой, то на том ее отрезке, где было написано «Пандора», зияла черная дыра.

Невероятно. Невозможно... И несправедливо.

Выходит, все то, что люди хотят увековечить в своей памяти, ее собственная неумолимо сотрет? Первый поцелуй, первое «люблю», первый плач ее ребенка, его первые шаги...

Постучавшись, в комнату вошла золотистоволосая девушка с прелестным, миловидным лицом. Плетельщице зачарованных нитей в ее дневнике нашлось немало места, и строки эти отдавали теплом.

— Опоздала, — огорченно выдохнула Ариадна, все прочитав по ее глазам. — Я пришла с первыми лучами солнца, но... опоздала. Я хотела рассказать тебе все сама...

— Ничего страшного. Я проснулась чуть раньше.

Не стала говорить, что ее разбудили, и кто именно это сделал. Отчего-то казалось, что отношения между Никиасом и Ариадной оставляли желать лучшего, но... какой прок от жалоб? Ей бы понять, что делать дальше...

— Подождать, — с милой улыбкой отозвалась Ариадна. — Кассандра еще спит. Знаю, предполагается, что она как главная наставница Искр должна просыпаться раньше всех нас, но... Кассандру, в общем-то, давно уже мало волнует, что и кому она должна. Так что спит она обычно до обеда. А может, все потому, что допоздна не может уснуть.

Она замолчала, будто бы смущенная тем, что говорила о пророчице за ее спиной. Деми все больше проникалась к ней симпатией. А вот мысль о Кассандре вызывала странные эмоции. Опаску. Настороженность. Желание понять ее отношение к ней самой.

— Вот ты где! — раздался с порога звонкий, жизнерадостный голос.

«Как много гостей», — мелькнуло в голове.

Деми, едва спустившая ноги с кровати, обнаружила у двери девушку, чье имя мгновенно подсказала ей память. Доркас. Искра Геи, богини земли. В руках она держала сверток, который тут же протянула Деми.

— Я подумала, тебе стоит влиться в наше общество. И для начала — носить нашу одежду, а не ту, которая будет постоянно привлекать к тебе внимание. Не знаю, конечно, как ты относишься к вниманию, ты симпатичная, так что я бы на твоём месте не имела бы ничего против, но так как ты Пандора, это может стать проблемой. Я думаю, ты понимаешь, о чем я говорю.

Деми успевала только моргать.

— Но зная стиль Кассандры — вернее, полное его отсутствие...

— Доркас! — воскликнула Ариадна, хотя глаза ее смеялись.

— Что? Правду же говорю. В общем, я принесла тебе кое-что из одежды.

Доркас развернула сверток, являя миру изящный пеплос, обнажающий одно плечо и многочисленными складками спускающийся с другого. Кипенно-белое полотно окаймлял золотой греческий орнамент. Поначалу показалось, что платье спускается до самого пола, позволяя прикрыть неуместные, чужеродные для этого мира кожаные ботиночки с толстым каблуком. Однако правая сторона пеплоса чуть ниже бедра была полностью открыта, напоминая эффектные вечерние платья ее родной реальности. Потому Деми обрадовалась, когда Доркас с заговорщицкой улыбкой протянула ей сандалии с тонкими золотистыми ремешками.

Плохое настроение как ветром сдуло, как только Деми облачилась в новый наряд.

— Настоящая эллинида, — одобрительно улыбнулась Ариадна.

И пусть до ее красоты и утонченности Деми было далеко, стоило признать, выглядела она неплохо.

— Спасибо, Доркас.

— О, не стоит.

Деми подошла к окну, ощущая непривычный холодок справа, где плечо было открыто. Багровые тучи висели так низко, что казалось, будто в следующее мгновение небо обрушится на голову жителям Алой Эллады.

— Почему здесь нет солнца? — глухо спросила она, глядя вверх кипящих жизнью Афин.

— Гелиос на войне, как и все остальные, — подала голос Доркас. — Ему не до того, чтобы сиять для людей. Не до того даже, чтобы гореть вполсилы.

— Только Гемера нас и спасает. Она наполняет воздух слабым светом, разгоняя полумрак. Это весь свет, что нам остался.

— Как ужасно, наверное, — Деми скользнула рукой по стеклу, — постоянно жить под налитым кровью небом.

— Нам уже не до яркого солнца и голубизны небес. Выжить бы.

Деми вонзила ногти в ладони, пронзенная звенящей нотой отчаяния в голосе Ариадны. Она не могла стать всему этому причиной. Не могла. Не могла!

Но и существование древних богов она *навверняка* прежде считала невозможным...

Будто понимая, что ее эмоции, как в кривом зеркале, отражаются в Деми, Ариадна сгладила сказанное улыбкой и кружевной вязью слов.

— Гемера — одна из самых прекрасных богинь, которых я когда-либо видела. У нее бело-золотистые, отливающие настоящим золотом волосы и безупречная, белая, словно сливки, кожа. От нее исходит сияние...

— Как нимб? — озадачилась Деми.

— Нет. — Ариадна помолчала. — Сложно объяснить. Кажется, будто сама ее душа источает свет.

— Необычно для той, чьи родители — Эреб и Нюкта, — с улыбкой заметила она.

Поразительно, что дитя Вечного Мрака и Ночи воплощала собой ясный день...

— Ты помнишь! — радостно воскликнула Ариадна.

Улыбка Деми угасла.

— Знаю, — сухо сказала она. Смягчившись, вздохнула. — Наверное, я любила мифы. Или то, что вы здесь называете историей.

Ариадна понимающе кивнула.

— Еще Гемера очень... проста для богини, совсем не заносчива. Она часто блуждает по человеческим городам, ходит с нами одними улицами. Говорит с народом, успокаивает их, убеждая, что наша победа над Аресом не за горами. И хоть она — не Гелиос, не само солнце, от одного ее присутствия такое тепло на душе, такое умиротворение...

— Я однажды видела Гемеру, здесь, в Афинах. Она стояла прямо в нескольких шагах от меня! — восторженно произнесла Доркас. — А потом она опустилась на колени перед плачущей девочкой — Гемера же, как любая богиня, высокая очень, выше человеческого мужчины, — и создала для нее корону из мерцающего света. Девочка, конечно, плакать сразу перестала. Ее корона еще долго сияла, ведь в ней — частица божественного дара. Девочка бегала по улицам вместе с подружками, как маленький светлячок.

Доркас улыбалась так, будто и сама хотела оказаться на месте той юной счастливицы. Деми отчетливо представилась Гемера — сияющая, с нежной улыбкой на красивом лице. Что, если и она однажды ее встретит? Не просто девушку, женщину, подобно Искрам наделенную божественным даром, а саму богиню...

Не об этом надо думать сейчас, а о том, как оставить Алую Элладу с ее жестокими богами-воителями и сияющими богинями далеко позади. В прошлом, о котором она может никогда не вспомнить.

От этих мыслей стало не по себе, и Деми с облегчением нырнула в другие, не столь тревожащие.

— Гемера, выходит, сестра Эфира?

Ариадна кивнула.

— Каждый вечер их мать, Нюкта, накрывает Эфир, заслоняя его от всего остального мира своим черным бархатным плащом. Каждое утро Гемера разгоняет ночные туманы, проливая на них свой свет. Прежде она была верной спутницей Гелиоса, объезжала с ним мир на выкованной Гефестом золотой колеснице, которую тянула по небу четверка сотканных из огня и света крылатых лошадей. — Мечтательность и напевность в голосе плетельщицы нитей сменили мрачные ноты. На лицо набежала тень. — Так было, пока не пришла война, и Гемера не перестала сопровождать Гелиоса.

— Но если он сражается вместе с Зевсом, то Гемера...

— Только не думай, что это потому, что война — не женское дело, — хмуро вклинилась Доркас.

— И в мыслях не было, — со всей серьезностью заверила ее Деми.

— Или что прекрасные богини, подобные Гемере, боятся замарать свои руки. Просто война — не для нее. Она слишком добра и миролюбива, а прикосновения химер причиняют ей боль.

— Она тебе нравится, да? — улыбнулась Деми.

Искра Геи так же хмуро кивнула.

— Среди богов мало таких, как она.

— Доркас! — Щеки Ариадны вспыхнули румянцем.

— Что я сделаю, если это правда? — оцетинилась та. — Боги славятся не только своей силой, но и своим тяжелым характером. А их эгоизм и готовность в любой момент развязать очередную войну?

Ариадна вздохнула.

— Никто не знал, что одной из них не будет конца вовсе.

— Думаешь, это бы их остановило? — фыркнула Доркас.

Пусть Деми выступала лишь в роли наблюдательницы, ей стало неуютно от того, сколь откровенно говорила о богах Искра одного из них. Однако небесная кара не спешила настигать Доркас, что, по правде говоря, обнадеживало.

— Нет, не думаю. — Встав рядом с Деми, Ариадна подняла взгляд вверх — через окно, на багрянец неба. Тихо призналась: — Порой я скучаю по его прозрачной, чистой лазури, хотя другим его уже и не помню. Но больше сожалею о судьбе Тейи... Мы сумеем прожить и под алым небом, а ей остается лишь медленно угасать.

— Тейя? — переспросила Деми.

Это имя, растревожив ворох дремлющих в ней воспоминаний, откликнулось лишь беззвучием.

— Мать Эос-Зари, Селены-Луны и Гелиоса-Солнца. Титанида, богиня ясного голубого неба.

— Никогда не слышала о такой...

Ариадна поманила за собой Деми. Вместе с Доркас они вышли из комнаты, чтобы вскоре очутиться в причудливой «галерее», что была украшением, вероятно, каждого из этажей. Вместо картин, изображения богов и героев покрывали стены, потолки и даже окна. Среди них была роспись, что изображала прекрасную женщину, чьи распущенные голубые волосы плавно перетекали в небесную лазурь за ее спиной, почти сливаясь с ней. Глаза ее были столь же чистыми и ясными, как безоблачное небо.

— Тейя, — с какой-то внутренней болью выдохнула Ариадна.

— Что с ней? Ты говорила, ей осталось лишь угасание.

— То, что происходит с нашим миром, ее отравляет. Война с Аресом лишает ее сил. Я не знаю, отчего. Быть может, истинное предназначение Тейи кроется в ее детях. И ни один из них больше не может сиять.

Рядом с Тейей были изображены трое. В прекрасном юноше с золотыми кудрями и короной из солнечных лучей Деми без труда узнала Гелиоса.

— Бог-Солнце занят войной, обрушивая весь свой пронзающий свет на химер Ареса, а Эос и Селена и вовсе давно не восходили на небо.

Эос, богиня утренней зари, оказалась так же ослепительна, как Селена, лунная богиня, и все же они были разными, как день и ночь, как Гемера и Нюкта. Белолицая Селена с серебряными волосами в платье цвета серебра и Эос с румянцем на нежной девичьей коже и солнцем в волосах в одежде цвета шафрана.

— Есть еще кое-что, что меня м-м-м... беспокоит.

«Например, как найти пифос Пандоры... мой пифос, чтобы выпустить Элпис, запертую внутри». Деми написала об этом в своем дневнике, но так и не смогла вспомнить, как обсуждала это с Ариадной или Кассандрой. Или, не дай боги, с Никиасом.

На самом деле, ей хотелось спросить о многом. По большей части, о двух полярных вещах: о богах и о химерах. А еще — об обитателях пайдейи, об Алой Элладе и о себе самой. О своей инкарнации, Пандоре.

Вырвалось последнее — возможно, не случайно. Из всех вопросов этот был, пожалуй, безопаснее всего. Если только вести разговор о тех моментах ее жизни, что предшествовали открытию пифоса.

— Что именно ты хотела бы о себе узнать? — деликатно спросила Ариадна.

Деми развела руками, словно говоря: «Все. Что-нибудь». Ей хотелось немного ближе узнать ту, что привела к краху целый мир. И, возможно, понять, почему она это сделала.

— Тебе известно о том, что Пандора была первой смертной женщиной?

Деми покачала головой. Знала бы Элени Ламбракис, что ее девочка — первая женщина Земли. Если, разумеется, в вопросах первозданности доверять грекам.

— Гефест слепил девушку из земли и воды, вдохнул в нее жизнь, дал человеческий голос и силу. Другие боги Олимпа одарили ее своим благословением. Гермес наделил сладкоречием и хитростью, Афродита — неотразимой красотой, шармом и умением обольщать, а Афина подарила ей самое главное — душу. Вот отчего ей дали имя Пандора, что значит «всем одаренная».

Деми ошеломлено качала головой. Ее буквально сотворили боги.

— Но раз Искры — носители божественного благословения, а Пандору создавал чуть ли не целый пантеон...

Она все еще не могла соотносить Пандору с самой собой, и, кажется, обе эллиниды прекрасно это понимали.

— Да?

— Может в моей душе остаться часть их благословения? Могу ли я считаться Искрой?

Мысль, что в ней может быть заложен дар одного из пантеона богов, вызывала смешанные чувства — от восторженного предвкушения до скептического недоверия.

Доркас и Ариадна переглянулись.

— Если так посудить, ты вообще первая из Искр, не только из смертных, — задумчиво произнесла Доркас. — С ума сойти! Мало того, что ты из мира, за которым я наблюдала с самого детства, ты Пандора, так еще и первая Искра!

— Только преклонять колени передо мной не нужно, — со смехом попросила Деми.

Однако к чувству неловкости примешивалось и нечто куда более неприятное. Она не заслужила уважения в глазах Искры Геи. Восхищаться ею, как иномирянкой — это одно, но превозносить ее как Пандору... Впрочем, чужое восхищение, любовь или ненависть логике зачастую неподвластны.

— Слушаюсь, — ослепительно улыбнулась Доркас.

Что-то внутри, напряженное, как струна, чуть отпустило. Но ненадолго.

Когда Никиас заглянул в «галерею», сам воздух в ней, казалось, похолодел. Его взгляд скользнул по фигуре Деми, которую облегал пеплос, по обнаженной коже руки, по ноге, выставленной на обозрение чуть сильнее, чем она (судя по некоторому внутреннему дискомфорту и желанию прикрыть разрез) привыкла. Синие глаза вспыхнули странным огнем и тут же погасли, делая взгляд пустым и мертвым, столь подходящим полумаске василиска.

— Кассандра хочет тебя видеть. Не заставляй ее ждать.

Одним своим присутствием Никиас словно высосал из Деми крохи радости и жизнелюбия, что в ней еще оставались. Или же те, что вселили в нее другие люди, по счастью оказавшиеся рядом. Помрачневшая, она направилась к лестнице, ведущей на самый верх пайдейи, даже не спрашивая у Ариадны или Доркас дорогу. Никиас, судя по едва слышным шагам, шел прямо позади, будто намереваясь пресечь ее побег. От этой его неотступности (а еще от взгляда, что буравил затылок), мурашки бежали по позвоночнику.

Достигнув нужного этажа и нужного дверного проема, она снова услышала за спиной его голос.

— А ты куда собралась?

Деми обернулась.

— К Кассандре, — пожала плечами Доркас.

— Тебя не звали. — Голос Никиаса, как и прежде — воплощенный лед.

— А я сама прихожу туда, куда захочу. — Что-то в его лице заставило Доркас утомленно закатить глаза. — Ой, прекрати изображать из себя Цербера[1]. Мне просто нужно кое-что ей сказать. А потом можете сколько угодно шептаться о своих секретах.

— Шептаться?.. — Никиас задохнулся от возмущения. — Ты хоть понимаешь, насколько серьезно то, что слышат эти стены?

— Да-да-да, вы ведете очень серьезные дела, — помахивая кистью из стороны в сторону, пропела Доркас. — А у меня — один крохотный вопросик.

— Во имя Зевса, Никиас,пусти ее уже, — раздался из комнаты голос Кассандры. Как только все четверо вошли, она обратилась к Доркас: — Что ты хотела?

— Вы, несомненно, очень заняты, а потому я прошу у вас разрешения отвести Деми в Гефестейон и проверить ее на наличие Искр.

Деми усмехнулась. Доркас сейчас — само уважение и хорошие манеры.

— Нет в ней огня, — отрезал Никиас.

— Может, и нет, — мягко вклинилась в разговор Ариадна. — Но Деми может обладать способностями Артемиды, Афины или любого другого бога, кто приложил руку к созданию Пандоры.

Кассандра задумчиво смотрела на Деми. Помедлив, сказала:

— Что охотница, что воин, что несущая огонь нам бы сейчас не помешали.

Никиас оттолкнулся от стены.

— Глупая затея.

— Я не спрашивала твоего мнения, — резко бросила пророчица.

Ариадна вжала голову в плечи, как испуганный воробышек. Даже бунтарка Доркас стрельнула глазами в сторону Никиаса. Складывалось ощущение, что все трое — даже сама Кассандра, которая сейчас, судя по нахмуренным бровям, досадовала на себя за вспышку эмоций — опасались его реакции. Опасались его самого.

Неудивительно, если учесть, что перед ними — молодой парень, завернутый в черное с ног до головы и носящий на лице едва ли не вьевшуюся в кожу маску. Что еще он прятал, кроме тела и половины лица? Знали ли Доркас, Кассандра и Ариадна его тайны?

Судя по настороженности в их глазах — еще как знали. Хотела ли знать и она?

В этом Деми была уже не так уверена.

Никиас лишь резко махнул рукой, будто говоря: делайте, что хотите. С губ Ариадны сорвался тихий вздох облегчения, что лишь подтвердило подозрения Деми. Настойчиво игнорируя слова Никиаса, она повернулась к Кассандре. Сказала тихо, но твердо:

— Я бы не отказалась узнать, что у меня есть и другая роль, кроме той, ради которой вы меня искали.

— Но меня в первую очередь волнует именно она.

— Тогда в моих силах сделать так, чтобы они друг другу не противоречили.

Сощуриив глаза, Кассандра испытующе смотрела на Деми. Повела плечом, что Доркас поспешила принять за согласие.

— Когда закончите свои таинственные дела, буду ждать тебя в Гефестейоне, — громким шепотом сказала Искра Геи.

— Подожди за дверь... в коридоре. Много времени это не займет.

Как только она вышла, Кассандра обратила все свое внимание на Деми.

— А теперь к нашим таинственным делам.

[1] Цербер — порождение Тифона и Ехидны, огромный трехголовый пес, который охраняет врата Аида, ведущие в царство мертвых.

Глава девятая. Гефестейон

— Жаль, что Грайи ничем не смогли нам помочь. Возможно, сумеют их сестры. Эвриала меня не слишком жалует, а вот Сфено любопытна... Думаю, она откликнется на мой призыв. Беда в том, что чужой магии она не доверяет и не позволит Харону себя перенести. Потому нам придется только ждать, когда она сюда пожалует. Это одна из причин, по которой я отпускаю тебя в Гефестейон. Но, Пандора...

— Деми.

— ...возвращайся за несколько часов до заката. Никиас, проследи, чтобы Пандора...

— Деми.

— ...вернулась в пайдейю живой и невредимой.

Он закатил глаза.

— Замечательно. Нянькой я еще не был.

— Если тебе будет легче, представь, что охраняешь ценный груз, — сухо вато сказала Кассандра.

Деми стиснула зубы. Груз... Как насчет живого человека? Впрочем, о чем это она. Ей упорно отказывали даже в праве носить данное ей при рождении имя.

Паника снова впиалась в горло удушающими тисками. Элени сейчас с ума сходит, пытаясь отыскать дочь, а Деми, находясь в мире, где магия пронзает все окружающее пространство, не может даже послать ей весточку о том, что жива.

Кассандра повернулась к Ариадне, что внимательно прислушивалась к разговору.

— Чуть не забыла. Жрица Асклепия просила помощи от плетельщицы зачарованных нитей, — несколько высокопарно произнесла она. — У нее пропал ребенок.

— Найду, — легко отозвалась Ариадна.

Меж ее сложенных ракушкой рук, сплетаясь в клубок, засверкали серебристые нити.

Демонстрация ее магических сил явно была призвана хоть немного разрядить обстановку. На Деми фокус подействовал и вызвал восторженную улыбку, Никиас, кажется, вообще ничего не заметил, а вот Кассандра нахмурилась.

— Поспешу. Новая ночь не заставит себя ждать, — с легким неодобрением сказала она.

Ариадна опустила руки и, ободряюще подмигнув Деми, ушла. Без нее отчего-то стало пусто и даже... одиноко. Деми искоса взглянула на своего надзирателя в полумаске. Только мысль об ожидающей ее Доркас принесла некое облегчение.

И все же не стоило надеяться, что кто-то другой, будь то Ариадна или Доркас, ее спасет. Собственный ли это принцип, врожденная ли черта характера или наука, которую преподавала ей жизнь, но внутренний голос Деми твердил в первую очередь полагаться на саму себя.

Значило ли это, что в той, прошлой жизни, у нее не было друзей, что она была замкнутой одиночкой? Но с эллинидами она приветлива, ей искренне нравилось поддерживать с ними разговор, нравились их поддержка и участие...

Деми вздохнула: она самой себя не знала. Узнает ли когда-нибудь?

Вся надежда на таинственных Сфено и Эвриалу.

Доркас нетерпеливо прохаживалась вдоль окон в коридоре. При виде Никиаса, что тенью следовал за Деми, насупилась, при взгляде на нее саму — просветлела.

— Готова? — Дождавшись ее кивка, ослепительно улыбнулась. — Что ж, тогда идем.

Искра Геи уверенно вела Деми по Акрополю, Никиаса подчеркнуто не замечая. Гефестейон находился на северо-западе, на пологом склоне Афинской агоры — городской площади Афин.

— Искры обучаются там, оберегаемые силой и духом Гефеста. Не только его Искры, но и инкарнаты, благословленные богами-воинами и богами стихий. Внизу находится самая лучшая кузница Алой Эллады. Там куется оружие как для Искр, так и для обычных смертных Эллады, — без устали тараторила Доркас.

Храм бога огня и покровителя кузнечного мастерства оказался еще одним величественным сооружением с частоколом дорических колонн, созданных древними мастерами. Фриз — горизонтальной полоса наверху стены — была украшена метопами прямоугольными плитами, напоминающими римскую цифру три и скульптурами, повторяющими легенды о Геракле и Тесее. Деми заворожено их изучала, пока Доркас, явно примеряя на себя роль гида, рассказывала ей о Гефесте — с такой небрежностью и непосредственностью, будто говорила об одном из кумиров молодежи, чью историю недавно услышала, а не об одном из олимпийских богов.

— Кто-то говорит, что Гефест в пылу ссоры между родителями, Зевсом и Герой, принял сторону матери, и разозленный Зевс «уронил» его с Олимпа на земли острова Лемнос. Божественная сила родителей его не спасла — повредив ногу, он навсегда остался хромым. А кто-то говорит, что Гефест родился таким — очень хилым и, на взгляд его матери, уродливым, и Гера, не признавшая такого сына, сбросила его в океан.

— Жестоко, — впечатлилась Деми.

— Вполне в духе богов, — справедливо заметила Доркас. — Где бы Гефест ни жил на самом деле — на Лемносе или в океане с приемной матерью Фетидой, он занимался тем, что у него, несущего в себе силу вулкана, получалось лучше всего — ковал. Однажды он создал прекраснейший в мире (а чего еще ожидать от самого искусного кузнеца?) золотой трон. Его отправили Гере, и она, впечатленная роскошным подарком, тут же решила на нем устроиться. И, только она это сделала, на ее запястьях защелкнулись оковы — которые, как оказалось позже, никто во всем Олимпе разомкнуть не мог.

— Мсть — весьма популярное для богов блюдо, — покачала головой Деми. — Хотя винить Гефеста я не стану. С такими родителями и враги не нужны.

Доркас одобрительно рассмеялась.

— Зевс понял, что только Гефест способен освободить Геру из ловушки, и подослал к сыну Диониса. А что еще мог сделать бог вина, как не напоить бога огня до почти невменяемого состояния? Дионис доставил Гефеста на Олимп, где тот, добрый от хмеля, освободил свою мать. Поговаривают, с тех пор Гефест и Дионис стали закадычными друзьями, а Гефест помирился — или же примирился — со своими родителями.

— И даже сотворил для своего отца его знаменитые молнии, — кивнула Деми.

Доркас развернулась к ней с глазами, искрящимися от возбуждения.

— Хочешь их увидеть? Ну то есть настоящих молний в руках Зевса показать я тебе не смогу, а вот их подобия — оружие, которые куют Искры Гефеста и которыми сражаются инкарнаты...

Прислушавшись к своим ощущениям, Деми сделала вывод: к оружию она была равнодушна. Однако согласилась — исключительно из вежливости. В памяти вспышкой прорезало не воспоминание, но знание. Стрелы-молнии Зевса... Деми точно знала, как они выглядели. Не помнила, где их видела, но...

Она резко остановилась. Не подумав, инстинктивно схватила за руку идущего рядом Никиаса. Несколько мгновений он изучал ее ладонь на своем запястье со странным, почти оторопелым выражением. Эти эмоции и Деми вывели из равновесия. Неужели его никто никогда не касался? Когда смотришь на левую сторону его лица, что достойно быть запечатленной в «галерее», подобная мысль кажется абсурдной, невозможной. Когда смотришь на правую — вполне убедительной.

Он поспешно стряхнул ее руку, холодно бросив:

— Чего тебе?

— Молнии Зевса... Где я могла их видеть?

На лице Никиаса промелькнуло что-то хищное, роднящее его с василиском.

— Наверху. На поле боя богов и химер.

Доркас ахнула, лицо ее вытянулось и побледнело.

— Ты была н-наверху?

Колени Деми ослабли. Она не помнила себя там, но помнила, *что* там. А значит, так или иначе, знала, что именно увидела.

Даже хорошо, что ее реальность сложена из разрозненных кусочков, многие из которых становились явными, лишь когда Деми думала о них напрямую. Будь ее мир цельным, живи она памятью о нем все время, сходила бы, наверное, с ума от всех тех ненормальных — для нее, не для этого мира — явлений, с которыми довелось столкнуться.

Вниз Деми так и не пустили — впрочем, и помимо кузни в Гефестейоне было на что посмотреть. На верхнем — и единственном — этаже располагался некий симбиоз тренировочной арены с оружейной. Доркас с воодушевлением продемонстрировала Деми оружие, развешанное на стенах храма. Причудливые, метательные ножи с зазубренными лезвиями, что называли «молниями Зевса», пламенные мечи, клинки Прометея. Солнечные диски Гелиоса, стрелы Артемиды. Сферы Гефеса, в каждом из которых сверкал сгусток огня — словно желток в стеклянном яйце, принявшем форму шара.

— Чертовы химеры до одури боятся огня и света, — воинственно пояснила Доркас.

Стоя у стены, Деми смотрела на тех, на кого могла быть похожа. На Искр давно покинувших ее Грецию богов — Гефеста, Афины, Артемиды. Они сражались друг с другом на мечах, на «молниях», бросали друг в друга пустые сферы, отработывая ловкость и меткость. Гибкие, сильные, отчаянные — что девушки, что юноши. Деми мысленно представила себя с оружием в руках и тут же покачала головой. Немыслимо. Просто глупо.

«Что я делаю здесь? Я ведь совсем не такая, как они. Даже с моей амнезией, с моей истинной сущностью, я слишком для них заурядна».

Они не просто люди, не просто инкарнаты с ворохом прошлых жизней за спиной. Они одаренные. А она?

— Не думаю, что я — боец, — сказала Деми с толикой сожаления. — Не чувствую в себе... боевого духа.

Еще одна строчка, которую можно записать в блокнот. Еще один крохотный кусочек пазла.

— Не ты, Деми, но возможно ты, Пандора.

Она кивнула, признавая правоту Доркас. Она должна хотя бы попытаться.

Они вышли на арену с тренировочными мечами наперевес, вызвав чьи-то едкие смешки. Никиас стоял, облокотившись о стену храма. Казалось, он пришел на городскую площадь взглянуть на шоу. Или в цирк — на дрессированных зверей.

Доркас нападала, заставляя ее защищаться. Деми кляла слабость рук и собственную неуклюжесть — ей никак не удавалось совладать с куском дерева, которому придали форму клинка. Она парировала и уклонялась так неловко, что очень скоро стало ясно — при виде пикирующей на нее химеры ей лучше просто... бежать.

Да еще и эти недоуменные взгляды... В Гефестейоне Деми казалась — и себе, и остальным — лишним элементом. В какой-то момент, уворачиваясь от летящего в ее сторону острия меча, она споткнулась на ровном месте. Упала, ободрав колено до крови. За спиной раздалось чье-то красноречивое: «О, боги».

Однако Доркас была упряма — куда упрямее ее самой.

— Способностей в бою на мечах я в тебе не наблюдаю, — откровенно сказала она. — Ты — не Искра Афины Паллады, определенно. Но это не страшно. У нас есть особое оружие...

— Ты собираешься дать настоящее оружие в руки... этой? — спросила рыжеволосая незнакомка.

Лук за ее спиной навел на мысль, что она — Искра Артемиды.

— Отстань, София. Ты когда-то тоже была новичком.

— Но Искрой, — заметила она. — А она?

— А она — Пандора, — выпалила Доркас.

Наверное, хотела таким образом защитить, отстоять ее право на некую необыкновенность, право отличаться от простых смертных, но своей прямоотой сделала только хуже.

Деми поморщилась, услышав нестройные вскрики удивления. Искры смотрели на нее, с недоумением и неверием пополам. Догадывались ли они, что Деми пришла сюда, надеясь обнаружить в себе отголоски божественной силы?

— Это... Пандора? — София помотала головой. — Кем бы она ни была, прежде чем дать ей в руки оружие, я должна спросить разрешения у полемарха Лазаруса.

— Я спрошу сама, — вызвалась Доркас.

София лишь пожала плечами.

— Не бойся, я сумею договориться с полемархом, — заверила Деми Доркас. Хмыкнув, добавила: — И не с таким договаривалась.

— Кто это вообще такой?

— Один из архонтов Афин, старший военачальник, заведующий армиями — земными, не небесными. Кассандра, кстати говоря, тоже архонт.

Деми удивленно воззрилась на Искру Геи.

— Вот как?

— Только басилевс — архонт, который выполняет жреческие обязанности, ведает сакральными делами.

Все это время на подкорке сознания засела мысль, что Кассандра — не последний человек в Афинах. Этого следовало ожидать, если вспомнить, что когда-то она и вовсе была царицей. С другой стороны, ее окружали Искры самих богов... И среди них Деми — девушка, словно в насмешку или в наказание наделенная амнезией. Проклятием, голодным зверем, который ночью поглотит ее воспоминания о себе, будто костер — поленья. Даже пепла не останется.

К рассвету не останется ничего.

Тем важнее для Деми доказать, что она чего-то да стоит. Отыскать Элпис, дух надежды,

и воцарить в Алой Элладке мир. Но кто знает, насколько этот путь окажется труден — здесь, в царстве богов и химер? Она не могла позволить себе вечно прятаться за спинами тех, кто сильнее. Просто не могла.

— Пойдешь со мной или?..

Деми скользнула взглядом по настороженным, откровенно враждебным или любопытствующим лицам. Нет, она не будет бежать.

— Я понаблюдаю за... м-м-м... тренировками.

— Конечно. Я скоро буду.

Как только Доркас исчезла, Никиас решил, что настало время напомнить о себе. Деми вздрогнула, когда он вышел из тени стены, словно прошедший сквозь нее призрак.

— Как насчет рукопашного боя? Наверняка тренировочный меч просто тебя замедлял. Скрывал твои истинные способности.

Это был вызов, и Деми была достаточно... не наивна, чтобы это понять. А еще — незавуалированная издевка. И все же она вскинула подбородок, прямо глядя в синие глаза.

— Что мне надо?..

— Просто попытайся устоять на ногах дольше нескольких мгновений.

Поглядеть на это зрелище собралась пара дюжин Искр. Отдавая указания (как правильно встать в стойку, как держать удар) сухим, бесцветным голосом, Никиас атаковал. Он нападал с текучей грацией, двигаясь плавно и бесшумно, словно тень. В неуклюжих попытках парировать его удары — или хотя бы удержаться на ногах — Деми проигрывала раз за разом. Не успевала ничего понять, как оказывалась распростертой на земле. Однажды ее подбородок опасно соприкоснулся с полом, дважды от резкого падения, когда Никиас поднял ее в воздух, а потом сбросил со спины, закружилась голова. И пусть действовал он достаточно аккуратно (хотя и показательно), тело Деми стремительно покрывали синяки.

«Ему достанется от Кассандры, — мелькнуло в голове. — Вряд ли она пустила столь ценный груз в Гефестейон, чтобы его швыряли словно куль с мукой».

Никиас испытывал ее на прочность, а в синих глазах горело: «Облегчи себе участь. Сдайся. Моли о пощаде». Может, стоило бы так и поступить, но что-то внутри Деми этому противилось. А потому она падала, падала, падала...

Но поднималась.

— Ну хватит. Она явно не Искра одного из богов войны, — скучающим тоном протянула София.

— Я сам решу, когда хватит, — отрезал Никиас.

Словно пираньи, привлеченные запахом крови, Искры наблюдали за боем. Деми уже не чувствовала рук и ног, она словно замерзла, окостенела. Все так же неумело защищаясь, она вела с Никиасом немой разговор. «Вини меня во всех грехах, подогревай свою ненависть, но не думай, что первое же поражение меня сломает».

Не сломает и десятое.

Подумав так, она ощутила странную, почти болезненную гордость. Деми не могла еще с полной уверенностью сказать, что ей нравился человек, которого она в себе узнавала. Но и презирать за слабость характера его не хотелось.

Уже кое-что.

Эйфория от мысли, что благодаря Никиасу и начатому им унижительному бою она хотя бы краешком глаза заглянула внутрь себя, придала Деми сил. Ровно столько, чтобы продержаться до возвращения в Гефестейон Доркас. Ее появление остановило некий таймер,

существующий у Никиаса в голове.

— Ты — бездарность, — бросил он, уходя с арены. — Тебя даже бесполезно обучать.

Однако Деми торжествующе улыбалась. Ни о чем не подозревающая Доркас улыбнулась тоже.

— Полемарх Лазарус разрешил тебе воспользоваться оружием Гефестейона, — радостно сказала она.

Выжатая как лимон, Деми попыталась изобразить воодушевление. Потерпев поражение, махнула рукой.

— Просто давай уже начнем.

Доркас вложила в руки Пандоры «молнии Зевса». Деми послушно бросала их один за другим в мишень. Не попала. Клинки, чьим прототипом было оружие самого бога неба, обиженно звякнули от столь неуважительного обращения и остались лежать на полу. Пару минут спустя к ним присоединились стрелы Артемиды.

— Пламенный клинок Гефеста, — торжественно сказала Доркас.

Меч вспыхнул, стоило только Искре Геи его коснуться. И погас, переключившись в руку Деми.

— Попытайся сконцентрировать в нем свою силу. Попытайся его зажечь.

Она попробовала еще раз, и с тем же результатом. Верней, с полным его отсутствием.

— Никиас был прав, — с сожалением вздохнула Доркас. — В тебе ни капли огня.

Из всего оружия Гефестейона солнечные диски Гелиоса поразили Деми больше всего. Как же ловко управлялись с ними Искры! Несколько пассивных скрещений рук с зажатыми в них дисками, и пространство взрывалось солнечным светом. Однако давать их Деми Доркас не спешила.

— Мне жаль это говорить, но...

— Я не боец, — краешками губ улыбнулась Деми. — Что я и сказала с самого начала.

— Зачарованное божественным дыханием оружие словно боится тебя... или ты его боишься. Как бы то ни было, я не чувствую в тебе божественных искр — ни Гефеста, ни Афины Паллады, ни Энио, ни Артемиды.

Сочувствия в глазах Доркас хватило бы на троих.

— Не страшно, — выдавила Деми. — Во мне могут быть другие искры. Алая Эллада полна магии, ведь так?

Вопрос повис в воздухе, пока Доркас не поспешила с ней согласиться.

— Верно. Есть ведь не только воины, но и колдуны... Кто знает, вдруг ты носитель силы стихии, как я — земли?

В молчании они добрались до пайдей. Не слишком довольный порученной ему «ролью няньки» Никиас тенью следовал за ней с Доркас. Настроение разговаривать или любоваться величественным Акрополем или росписью на стенах пайдей, у Деми иссякло. Она шла, глядя прямо перед собой, погруженная в свои мысли.

Едва перешагнув порог комнаты, что служила Кассандре чем-то вроде кабинета, выпалила:

— Как вы испытываете тех, кто не проявил себя в Гефестейоне? Как понимаете, какая в ком божественная искра?

— Чаще всего просто наблюдаю, — спокойно отозвалась Кассандра. Она сидела за украшенным рельефными узорами столом, изучая самый настоящий папирусный свиток и золотым стилусом делая пометки в лежащем перед ней полиптихе. — Дар рано или поздно

заявляет о себе. Однако бывают и особые случаи. Когда я не могу распознать суть божественного благословения, но чувствую его в человеке, даю ему эликсир Цирцеи. Он связывает человека с его колдовской силой, заставляя почувствовать, проявить собственный дар.

— Вы можете дать этот эликсир мне?

— Что же, нам не повредит еще одна Искра. Даже если она окажется Искрой Гекаты.

Чтобы понять, что таилось за этим «даже если», пришлось расплести клубок памяти. Первая нить: Геката — богиня мрака и колдовства. Вторая — противница Гелиоса-солнца и Гемеры-дня. Третья — сторонница Ареса, противника Зевса.

Вот оно.

— Вы готовы принять в свои ряды человека, в чьих жилах — божественные искры ваших врагов?

Никиас и Кассандра заговорили одновременно, и оба, не колеблясь, сказали «да».

— Не происхождение определяет человека. И не божественная печать, — тихо произнес Никиас.

Деми задержала на нем взгляд. Даже Доркас казалась удивленной его словами.

Ждать пришлось недолго. Отлучившись из комнаты, Кассандра вернулась с миниатюрным флаконом[1] уже пару минут спустя. Деми заморожено смотрела на густую мерцающую жидкость серебристого оттенка. Помедлила лишь мгновение, чтобы откупорить пробковую крышку и выпить эликсир Цирцеи до дна. Нахлынуло странное чувство... не пустоты, но странного расщепления, словно душа рвалась на части — как тканевое полотно, что тянули в разные стороны десятки рук. Кассандра предупреждала, что ощущения могут оказаться неприятными, потому Деми, плотно смежив веки, терпеливо переживала приступ тошноты.

А потом осторожно приоткрыла глаза.

Никиас все понял по ее лицу.

— Ну что, великая колдунья, и какой стихией ты умеешь управлять? Что, всеми четырьмя? — Он наклонился к самому ее уху, прошептал издевательски: — А как насчет стихии разрушения? Разрушаешь та мастерски, и притом в мировых масштабах.

Ей бы гордо вздернуть подбородок, однако на это нужна не только дерзость... но и вера в саму себя. А внутренний резерв Деми оказался пуст. Черпать из него было нечего.

— Что там? — прошептала Доркас.

— Ничего, — стеклянным голосом сказала она, пытаясь избавиться от горечи, порожденной словами Никиаса. — Темнота. Тьма без конца и края.

Доркас покусала губы. Казалось, она старательно пытается подобрать слова, которые могли бы успокоить Деми. Но растерянность на ее лице говорила о том, что в утешениях она не сильна.

— Ты сама сказала, Алая Эллада полна магии... Ты не какая-нибудь там смертная, ты — первая женщина, созданная Гефестом по велению Зевса. Может, ты как Кассандра или Ариадна? Ведь их дары — не от богов. Их источник — магия самой Эллады.

— Ты не понимаешь. То, что ни эликсир, ни тренировки в Гефестейоне не показали ничего, означает лишь одно: боги забрали дары, которыми когда-то наградили мою — Пандору — душу. Ведь так?

Последний вопрос она адресовала уже Кассандре. Красота и шарм — от Афродиты, а с ними — и способность обольщать. Сладкоречие и коварство — от Гермеса. От Афины —

способности к рукоделию. И еще много других даров, которые и дали Пандоре имя.

Если какие-то иллюзии — или пустые надежды — в ней еще и оставались, Кассандра поспешила их развеять.

— Да, — помедлив, ответила та. — Думаю, так.

— Как обидно, правда? — Голос Никиаса обжег арктическим холодом.

Деми шумно выдохнула воздух через ноздри. Он даже на минуту не позволял о себе забыть.

— Ты ведь только-только начала считать себя нашей Избранной, которая спасет от вселенского зла Алую Элладу.

Доркас покачала головой.

— Никиас... Наконец нашел, на кого выплеснуть свой яд, от которого сам вот-вот захлебнешься?

Подавшись к ней совсем близко, он процедил:

— Думай, с кем говоришь.

— Тебе меня не запугать, — Доркас медленно приподняла подбородок, сложив на груди крепкие, натренированные руки. В полускрытое маской лицо впился диковатый, непокорный взгляд серых глаз. — Ты как собака на цепи — больше лаешь, чем кусаешься.

Из горла Никиаса вырвался короткий рык, а Доркас победно усмехнулась.

Деми едва их слышала, едва понимала, что вокруг происходит. В сознании билась в агонии одна-единственная мысль.

Боги отвернулись от нее, отняв все, чем когда-то ее одарили.

[1] Фиал — сосуд из стекла, употреблявшийся в Древней Греции для культовых и бытовых нужд.

Глава десятая. Сестра Медузы Горгоны

— Я нашла ребенка асклеиады, — радостно сообщила вошедшая в комнату Ариадна. Ее улыбка поблекла при виде мрачного лица Деми.

— Что-то слу?..

— Все в порядке, — плохо слушающимися губами сказала она.

Ничего не было в порядке, но сейчас не время и не место это обсуждать. Деми старалась не подпускать правду к сердцу. Если позволить себе думать об этом, можно попросту возненавидеть себя... Пандору. А в Алой Элладе и без того достаточно кандидатур на эту роль.

— Хм-м... Так вот, ребенок. Я нашла его в садах Хлориды[1]. Бедный малыш страшн перепугался. Лепетал, что какая-то «жуткая женщина с ужасно длинными когтями» его чуть не увела. Она возникла из ниоткуда, хотя дверь в их дом была заперта.

— Гелло... — с помрачневшим видом произнесла Кассандра.

— Похоже на то.

Заметив вопросительный взгляд Деми, Ариадна объяснила:

— Демоница. Известна тем, что похищает детей и вредит роженицам. Она ненавидит младенцев и, по слухам, даже их... — Она замялась, так и не став продолжать.

— Ест?! — ахнула Деми.

Ариадна с усилием кивнула.

— Другие, правда, говорят, что она лишь поглощает их жизненную силу. Я знаю лишь то, что похищенных ею обычно не находят. В этот раз нам повезло. Кажется, ее спугнули... Наверняка атэморус — не все темные создания уживаются друг с другом.

— Почему она похищает детей? — тихо спросила Деми.

— Потому что она — чудовище, — скривившись, бросила Кассандра.

— Вы не знаете, через что ей пришлось пройти.

Деми перевела взгляд расширившихся глаз на Никиаса. В его голосе звучала то ли страсть, то ли ярость, то ли и то, и другое вместе. А ведь она уже успела привыкнуть к тому, что он либо притворяется равнодушной ко всему тенью, либо источает ненависть, либо роняет слова сухо и безжизненно, словно камни в пустой колодец.

— Говорят, ее собственных детей когда-то убили. Вот отчего Гелло так одержима чужими. Они, ласково льнущие к своим матерям — вечное напоминание о том, чего лишена она.

— Это не оправдание, — покачала головой Ариадна. — Каждый из нас, живущих в мире-войне, знает, что такое страдания и лишения. Но что бы ни происходило в жизни, нельзя допускать, чтобы наша душа озлобилась, ожесточилась. Так мы лишь плодим ненависть, позволяя ей разрастаться как ядовитый сорняк, распространяться словно чума.

— А я и не говорил, что Гелло — не чудовище и что боль, которую она причинила людям, должна сойти ей с рук, — отрезал Никиас. — Я лишь сказал, что у нее на то могли быть свои причины.

На какое-то время разговор Кассандры и Ариадны замкнулся на Гелло. Эллины пытались понять, как бороться с демоницей, что была неуловима, как ветер, а жертвы оставляла после себя, как смертоносный шторм. Пророчица-архонт вызвала Искр и уверенно, хладнокровно раздавала приказы.

Чувствуя себя здесь лишней и бесполезной, Деми отошла в дальний конец комнаты. Нервно поглядывала через окно на алое небо, постепенно приобретающее более глубокий, зловещий багряный цвет.

Доркас молча застыла с ней рядом. Спустя несколько минут к ним присоединилась и Ариадна. Деми кожей чувствовала, как они ведут немой разговор двух взглядов. Тихо сказала плетельнице зачарованных нитей:

— Во мне не осталось божьих искр. Боги забрали свои благословения.

— Ох, Деми, мне так жаль...

Она качнула головой.

— Я вижу в глазах Кассандры свое отражение: слабую телом Пандору, лишенную своих даров. Наверное, думает, как бы ни пришлось самой спасти ту, что должна вернуть в Элладу утраченную надежду.

Доркас порывисто развернулась к ней всем телом.

— Люди всегда найдут способ разочароваться. А мы всегда будем не соответствовать чьим-то ожиданиям. — Ее голос звучал пылко, с каким-то внутренним надрывом. Пальцы сжались в кулаки. — Ты знала, что Гея считается самой древней и самой мудрой из богов? Она появилась из вечного, безграничного Хаоса, источника жизни нашего мира, и знаешь, что это значит? Что она — и есть порядок. Что она сумела упорядочить тот, древний мир. Такой же мудрости, спокойствия и... уравновешенности ждут и от меня, Искры Геи. И что они видят? Психопатку, неспособную контролировать ни собственные эмоции, ни дарованные ей богами и судьбой силы.

Ариадна оторопела, да и Деми смотрела на Доркас во все глаза.

— Психопатку? — медленно спросила она.

Странно было слышать столь современное слово в мире древнегреческих богов. Странно было соотносить его с Доркас.

Искра Геи с тяжелым вздохом отвернулась.

— Я из Фискардо, маленькой рыбацкой деревушки. Как и многие другие, до того, как попасть к Кассандре, я обучалась в пайдейе, притом лучшей на острове Кефалония. Я была одной из самых сильных Искр и одной из сильнейших Искр Геи. Думаю, не нужно объяснять, насколько теплые чувства вызывали мои успехи у других? Да меня просто обожали!

— Правда? — обрадованно улыбнулась Ариадна.

Доркас, смерив ее долгим взглядом, покачала головой.

— Иногда я начинаю сомневаться, что ты — инкарнат, который живет не первую свою жизнь.

Теперь и Деми задалась вопросом, как Ариадне удалось пронести эту мягкость (но не мягкотелость) и веру в людей через года и столетия. Если бы она помнила все свои жизни и всех присутствующих в ней людей, ее душа давно бы закаменела.

Улыбка Ариадны поблекла.

— О, — только и сказала она.

— В общем, на руках меня не носили, и звездой школы... то есть пайдейи провозглашать не спешили. А потом и вовсе решили наказать за то, что, безродная, посмела быть лучше остальных.

— Боги, как?

Доркас пожала плечами, но невозмутимым жест не вышел. Все тело Искры Геи сковало

напряжение, ошущаемое всем, кто находился сейчас рядом с ней.

— Подняли на пегасе в небо и подвесили прямо в воздухе. Чтобы это сделать, им потребовалась сила нескольких Искр Эфира. А я даже ничего не могла сделать. Меня будто запеленали в воздух.

Деми ахнула, Ариадна прикрыла рот ладонью.

— Они кормили меня, поили, не давая мне умереть. Но не отпускали на землю. — Слова Доркас звучали отрывисто. — На долгие четыре дня я была отрезана от Геи, от источника ее сил, от ее сущности — от земли. Наша связь с Геей была разорвана. Словами это чувство не передать. Опустошение и одновременно выжигающая вены ярость. А когда она схлынет — ледяная, ноющая, болезненная пустота.

Доркас покачала головой, сминая в кулаке ткань переброшенной через плечо хламиды так, словно желая сдернуть ее с себя.

— Когда меня наконец опустили на землю, я впервые сорвалась. Они, конечно, все разбежались. Боялись того, что я с ними сделаю. А я... Я вызвала землетрясение. Просто черпала и черпала силу из земли, заставляя ее вздыматься, как волны. Не могла остановиться... и сейчас порой не могу. Я переехала в Афины, а прошлое до сих пор меня настигает. Когда выхожу из себя и выбиваю почву у человека из-под ног. Когда злюсь, и сотрясаю здание. Когда силой земли сметаю все в ярости с полок. Люди боятся меня. Думаешь, это лучше, чем когда они считают тебя беспомощной?

Деми не знала ответа на этот вопрос. Сейчас, прямо в это мгновение она предпочла бы находиться в шкуре Доркас. Но жить так постоянно... Видеть страх в глазах остальных, знать, что они с ужасом ждут новой вспышки?

— Мне жаль, — только и смогла сказать она.

— Мне тоже, — прошептала Ариадна, на мгновение коснувшись руки Доркас.

Шумно всхлипнув, та рассмеялась сквозь слезы.

— Эй, я рассказала это, чтобы утешить Деми! Не слишком-то получилось, да?

— Нет, — задумчиво произнесла она, — на самом деле, получилось. Ты права. Куда важнее, что мы думаем и знаем о самих себе, нежели то, что думают о нас остальные.

В конце концов, у нее еще оставалась Элпис. Деми вдруг увидела себя с *надеждой*, поднятой над головой и сияющей, словно само солнце. Представила, как сама на мгновение становится солнцем с этой невероятной, мерцающей в ее руках силой. Осталось лишь претворить в реальность мечту.

Осталось лишь спасти Алуэ Элладу.

— Доркас, тебе, случайно, не надо на тренировки? — хорошо поставленным голосом осведомилась Кассандра.

Она сидела на клисмесе — деревянном кресле с изогнутыми наружу ножками, что сужались к концам. В Греции Изначального мира подобного уже не увидишь. Поза пророчицы, откинувшейся на гнутую спинку, была расслабленной, но не слишком элегантно. Прикрыв глаза, она мягко массировала виски.

Кроме Доркас, в комнате не оказалось Искр. Вероятно, отправились на поиски демоницы Гелло.

Спохватившись, Доркас шепнула Деми:

— Еще увидимся.

— Обязательно, — тепло улыбнулась она.

«Надеюсь, я вспомню, какая ты чудесная».

Обернувшись, Деми натолкнулась на холодный, словно пронизывающий ледяной ветер, взгляд Никиаса. Все внутри словно заледенело. Взглянула на Ариадну, и будто очутилась на согретой солнцем поляне.

Люди, что появляются в ее жизни, так или иначе оставляли в ней свои следы. «Я, может, и не вспомню ни один из этих разговоров, ни один из взглядов в мою сторону, но буду знать, чего и от кого ожидать».

Что называется, спасибо и за это.

— Сфено видели в нижнем городе, — сообщила Деми Кассандра, как только Доркас ушла.

— Она колдунья, как сестры Грайи?

— Не совсем. — Кассандра расправила невидимые складки на песочном хитоне. Помедлила, словно размышляя, как преподнести ей информацию. — Во всей Элладе не так много людей и созданий, которые умеют работать с человеческой памятью и, следовательно, могут нам помочь. И лучшие из них — горгоны.

Желудок Деми завязался в узел.

— Горгоны?! Они существуют? Они по-прежнему существуют? Мне придется смотреть прямо на горгону? — Она перевела дух, но сердце отказывалось стучать хотя бы чуточку медленнее. — Вы меня извините, но для людей, обращенных в камень под ее взглядом, все закончилось не то чтобы очень хорошо.

— Медуза Горгона мертва. — Кассандру позабавила ее реакция. — Убита Персеем, помнишь? Но у нее остались две сестры-горгоны, дочери Форкия — Сфено и Эвриала. Разумеется, века спустя они породили целое потомство. Вот только мужчин-горгон не существует в природе, а связь с людьми и, в результате, смешение крови ослабляет дар.

— Кто-то добровольно соглашался на брак с существами, у которых змеи вместо волос? — поразила Деми.

Ариадна и Кассандра переглянулись. Никиас продолжил изображать безучастную ко всему черную статую с редким вкраплением золота кожи и синевы глаз.

— Не совсем добровольно... — протянула плетельщица зачарованных нитей.

— И не совсем брак, — хмыкнула пророчица. — Горгонам нужно продолжать свой род, как и любым существам Эллады. И если способность обращать человека в камень они потеряли...

— То способность влиять на человеческий разум, подчиняя его своей воле — нет, — подытожила Ариадна.

— Оу. — Деми опустила на скамью. — Вы говорите о... гипнозе?

Ариадна кивнула. Кассандра перевела взгляд с нее на Деми.

— Это единственный способ понять, почему память твоей души так... избирательна. И единственный способ узнать, что случилось с пифосом Пандоры.

Что-то подсказывало Деми, что второе Кассандру (как и всех эллинов) интересует куда больше ее личных проблем, именуемых амнезией. Но их можно понять. И если существовал хоть малейший шанс исправить, излечить ее память... Она должна была попытаться. Но горгоны...

— Мне придется встречаться с горгоной? Другого способа нет? — с легкой паникой спросила Деми.

— Если бы я его знала — сказала бы, — сухо заметила Кассандра.

— Бедная маленькая Пандора... — даже не пытаясь уменьшить концентрацию яда в голосе, произнес Никиас. — Она хочет гулять и примерять платяишки, а ее заставляют спасать людей, которых она сама же и поставила под удар.

Его издевательский тон заставил Деми вспыхнуть.

— Думаешь, так просто все это принять? Смириться, что я обрекла людей на страдания и смерть? Что ценой моей ошибки стали чужие жизни? Я — другая, я думала... думаю, что другая. Я даже не знаю саму себя! Не знаю, кто я, кем была все это время — все эти жизни, которые прожила!

— Не смей жалеть себя, девочка-без-памяти. — Никиас шагнул к ней. Глаза его сверкали. Он был выше Деми на целую голову и, окутанный аурой враждебности и облаченный в черное, казался почти устрашающим. — Не сейчас, когда люди наверху бьются с силой, которую ты подарила Аресу.

Деми резко отвернулась, сжимая руки в кулаки. Никиас прав, пусть огранку для правды он выбирал неказистую, грубую. Она не поможет ни себе, ни эллинам, если продолжит себя жалеть. Хотя и бесполезно ждать, что встреча со змееголовой сестрицей Медузы Горгоны приведет ее в неопиcуемый восторг.

— Как это будет происходить?

— Сфено проведет обряд, во время которого поможет тебе заглянуть внутрь себя, в твою прошлую жизнь.

Память услужливо подсказала — «регрессивный гипноз», хотя Деми, во-первых, не могла вспомнить, где слышала или читала о подобном, а во-вторых, сомневалась, что понятие из ее реальности так уж подходит обряду из Эллады. Ведь у ее гипнотерапевта змеи вместо волос и наверняка жуткий взгляд, от которого внутри все холодеет...

Чуткая Ариадна, заметив выражение ее лица, шепнула:

— Все в порядке, я буду рядом.

Кассандра поднялась с кресла.

— Ариадна, ты не хочешь заняться другими пропавшими?

Деми бросила на нее умоляющий взгляд, который легко переводился как «не-бросай-меня-одну-наедине-с-горгоной-пожалуйста».

— Сфено из тех высокомерных эллинов, что, отвергая новогреческий как данность, изъясняются исключительно на древнегреческом. Так что переводчица вам не помешает, — убежденно сказала Ариадна. — Нам важна чистота обряда, не так ли?

— Хорошо, — поразмыслив, сказала Кассандра. — Только впредь не называй принципы высокомерием.

Ариадна повела плечами, явно не соглашаясь с пророчицей. Однако таким, как она — властным, уверенным в собственных действиях и словах, какой закрепилась пророчица в сознании Деми — по обыкновению не перечат. Потому неудивительно, что Ариадна оставила свое мнение при себе.

— Вы думаете, обряд поможет? — тихо спросила Деми. — Сфено поможет мне отыскать пифос?

— Надеюсь на это.

— И что тогда?

— Многое будет зависеть от того, в чьих владениях он окажется. Если о местонахождении пифоса узнают боги, за него начнется настоящая битва.

И она, Деметрия Ламбракис, окажется в самой ее сердцевине.

— Я подумала, хоть во мне и нет божьих искр... Кто-то из вас может научить меня сражаться?

Никиас издевательски рассмеялся. Вспыхнув, Деми упрямо стояла на своем:

— Но вы же... вы же все как-то выстаиваете против этих химер...

— Все? О нет, Пандора, такие, как я, обычно предпочитают не попадаться им на глаза. А если уж это случилось — мы спасаемся бегством, — холодно отозвалась Кассандра. — Если ты думаешь, что каждый инкарнат Алой Эллады — превосходный боец или великий колдун, ты ошибаешься. Всем нам отмеряны разные судьбы. Слабые вынуждены прятаться за спины сильных, укрываясь ими как щитом. Люди и сущности с искрой внутри способны владеть той магией, что была дана им богами. Благословенные Афиной, Энио и Артемидой — охотиться и сражаться. Искры Гефеста — ковать лучшее в мире оружие и надеяться, что в решающий момент им хватит сил, чтобы одолеть врага. Искры Гекаты — творить заклинания и чары. Те же, кто не знал божественного благословения... Им приходится выживать.

Деми опустила взгляд. Слова провидицы ослабляли ее решимость, что только начала вызревать в ней. Решимости стать сильнее, чтобы уметь самой постоять за себя.

— А как же то, что Доркас говорила об уникальных дарах, полученных от самой Эллады?

— Такие случаи редки и зачастую, так или иначе, они становятся проявлением божественной воли. Взять хотя бы Ариадну...

Деми заинтересованно взглянула на нее.

— А как ты обнаружила в себе этот дар? Я знаю, что ты помогла Тесею убить Минотавра...

Яркая вспышка — больше образ, чем воспоминание: Никиас в полумаске критского чудовища. Деми перевела на него растерянный взгляд. Словно почувствовав это, Никиас повернулся. Смотрел на нее с мрачным вызовом, заставляя отвести глаза. Ни Кассандра, ни Ариадна так ничего и не заметили.

— Но до того Дедал построил для чудовищного сына Пасифаи тюрьму — непроходимый лабиринт на острове Крит. А я... Я с детства умела ткать из ничего странные серебристые нити. Отыскивать одних людей, а другим помогать отыскать свой путь. Я любила Тесея... Я хотела, чтобы он вернулся ко мне живым и невредимым. Это отчаянное желание я и вложила в тот клубок, что отдала ему.

А потом Тесей ее предал. Сбежав с ней с острова Крит на остров Накос, оставил ее спящую, на берегу. Вот она, его благодарность. Зато следующим, кто всей душой полюбил прекрасную критскую царевну, был бог. Дионис.

— А Харон?

— Пусть дар Харона, как и он сам — единственный в своем роде, в нем есть божественная искра — сила его матери Нюкты и отца Эреба, бога вечной тьмы...

— Харон — сын Нюкты, — ошеломленно произнесла Деми.

В голове возник образ хищной ночи, полной зубов и когтей. Химер...

— А разве она не примкнула к Аресу?

Не помнила, откуда знала это. Просто... знала.

— Примкнула, — неприязненно поморщилась Кассандра. — Этого решения я не пойму до сих пор. Видимо, и впрямь ночь и день по своей природе не могут сосуществовать.

— Выходит, Харон пошел против воли собственной матери?

— Как мягко ты произносишь «предал родную мать», — усмехнулась Кассандра.

— Вы бы предпочли, чтобы он вслед за Нюктой встал на сторону Ареса? — вырвалось у Деми.

Ариадна усиленно делала вид, что лепнина на потолке приковала все ее внимание. Взгляд Кассандры, обращенный на Деми, отяжелел.

— Нет. Я рада, что он на нашей стороне. Просто предпочитаю называть вещи своими именами.

Деми пришлось напомнить самой себе: она имеет дело с инкарнатом. С душой, что существовала уже многие столетия. С человеком, который бесчисленное количество раз становился женой и матерью. А после терял своих мужей и детей. Быть может, что-то в ее прошлом оставило отпечаток на душе — отпечаток, который не сумело стереть даже время. Возможно, имя ему — предательство сына. Так могла ли она после этого быть беспристрастной, глядя на Харона и зная его историю?

Наверное, нет.

— Не Харон — предатель, предательница — его мать, — отрезала Ариадна.

Даже зная плетельщицу неполные двое суток, из которых из памяти стерлось несколько часов, Деми могла поклясться: такая резкость была ей не свойственна. Что-то в этом разговоре задело ее за живое. Быть может, причина всему — ее отношение к Харону? Кто знает, сколько времени они провели вместе, бок о бок, в поисках Пандоры? Кассандра же производила впечатление этакого генерала, что склонился над картой боевых действий, раздавая солдатам приказы. И не так важно, что она, смертная, была выше статусом, нежели бессмертные. Тех, на чьих глазах сменялись эпохи, умирал и воскресал из пепла целый мир.

Заметив, как меняется, отяжелев, взгляд Кассандры, будто над ней нависает грозное облако, Деми поспешно перевела тему:

— Я думала, задача Харона — перевозить души через Стикс в царство мертвых.

— Так и было. Века назад.

— И что произошло?

— Стикс исчез.

Деми смотрела на Кассандру округлившимися глазами. Такие явления, как подземная река царства мертвых, казались незыблемыми в полном магии мире. Что уж говорить, если Алая Эллада выстояла в своей собственной версии Великого потопа.

И в многовековой войне.

— Как это вообще возможно?

— Арес напал на Аиду, чтобы похитить души людей и заставить сражаться на его стороне, — бесстрастным голосом начала Кассандра. Кажется, гроза миновала. Пока. — Битва развернулась на берегах Стикса.

— Харон видел ее своими глазами, — тихо подхватила Ариадна. Наверное, перевозчик душ сам рассказал ей об этом. — Он был там — в лодке, рядом с очередной душой. Аид проигрывал — химеры Ареса почти пересекли Стикс и были уже у входа в царство мертвых. Тогда на помощь Аиду пришел Гефест. Он единственный, кому было подвластно превратить воды Стикса в пламя, в котором сгорели полчища химер. С той поры берега Стикса пусты — от истока до устья. Отныне там пролегает мост, по которому души сами переходят в Аид[2]. Услуги Харона больше не нужны царству мертвых, — мрачно заключила она. — И все же он остался проводником между мирами. Между Алой Элладой и Изначальным миром.

Деми покачала головой. Стикс существовал на самом деле... но больше не существует.

Добро пожаловать в новую реальность, и это совсем не та Древняя Греция, о которой ей приходилось слышать и читать.

На кончике языка вертелось множество вопросов. Больше всего Деми хотела понять, как обнаружили силы в Хароне, как они появились и как много подобных ему, Кассандре и Ариадне. И может ли ее даром быть дар поиска Элпис... или что-то, связанное с самим духом надежды?

К сожалению, поиск остальных ответов на время пришлось отложить.

В пайдейю пришла горгона.

[1] Хлорида — богиня цветов и нимфа Островов Блаженных.

[2] Царство мертвых Аида часто называют по его имени.

Глава одиннадцатая. Тьма под маской

Все тело горгоны покрывала крепкая, словно сталь, и блестящая, словно масло, чешуя. Руки ее оканчивались длинными когтями. Деми смотрела на гостью как кролик на удава — с той лишь разницей, что змей на голове Сфено было больше дюжины. То, что их переплели в некое подобие живых кос, лишь добавляли образу горгоны еще большего сюрреализма с нотками безумия. Змеи двигались, шипя и пробуя раздвоенными языками воздух.

Кивнув Кассандре, Сфено направилась напрямик к Деми — молча, не задав ни единого вопроса. Острый стальной коготь коснулся ее подбородка и приподнял его. Деми слотнула, глядя в узкие красные глаза.

— Выходит, это ты та с-с-самая Пандора, чье появление вс-с-сколыхнуло Элладу?

Говорила Сфено и впрямь на чистом древнегреческом. И пусть Деми в некоторых моментах с трудом, но ее понимала, Ариадна всерьез приняла роль переводчицы.

— Вся Эллада знает, что я... здесь?

Горгона пожала плечами — слишком человеческий жест для такого создания.

— Быть может, и не вс-с-ся, но часть богов и инкарнатов знает. А значит, однажды узнает и Арес-с-с.

Деми облизнула пересохшие губы. Только сейчас — во всяком случае, за минувшее с нового рассвета время — ей пришла в голову пугающая мысль. Вряд ли Ареса обрадует новость о том, что Пандора, способная открыть пресловутый пифос... нашлась. И вернулась в Алую Элладу.

Второй была мысль о том, что же будет, когда он об этом узнает.

— Не будем терять времени зря, — с разницей в несколько мгновений повторила за Сфено Ариадна. — Смотри на меня, Пандора.

Сил отстаивать право на имя, которое ей дали родители, у Деми не осталось.

Косы Сфено расплелись сами собой. Змеи вокруг ее головы начали двигаться в такт мелодии, слышимой лишь им одним. Покачивались из стороны в стороны, удивительно слаженно и синхронно.

Деми заморожено наблюдала за причудливым танцем змей. Воздушные потоки вокруг нее сбились в невидимый водоворот, который она ощущала кожей. Воронка в его сердцевине с непреодолимой силой затягивала ее.

— Не с-сопротивляйс-ся.

— Хорошо, — выдавила Деми.

— Не разговаривай. Просто впус-с-сти меня.

Подчерпнутая откуда-то (наверняка из книг или фильмов), в голове всплыла фраза «Открой свой разум». Оказалось, это легче сказать, чем сделать.

Однако Сфено еще не закончила свою гипнотерапию. Змеи собрались в один клубок, прижавшись головами друг другу где-то на уровне носа горгоны и узкими телами полностью закрыв ее лицо. Дюжина глаз впилась в лицо Деми, и ее собственное тело будто растворилось. Стало легким, ничего не значащим, бесполезным. Отчасти она продолжала осознавать себя, но большую часть ее «я» змеи во главе с Сфено забрали себе.

В Деми вспыхнул протест — яркий, как фейерверк, и такой же непродолжительный. Ее волю гасила сила большая, нежели обычный гипноз.

— Кто ты?

— Я — Деметрия Ламбракис.

Ей не приходилось делать ни малейшего усилия — слова срывались с губ сами, а в голове, казалось, не было ни единой мысли. Она просто делала то, что ей велели, послушная, словно куколка... и такая же безразличная ко всему.

— Имя твоей души — Пандора. Вс-с-спомни, каково это — ею быть.

На мгновение Деми отчего-то испугалась боли от долгого пути сознания в прошлое. Но боль не тронула виски, а в сознании была лишь пустота. Черная, едкая, словно дым от костра, который не так давно — или, в ее случае, века и тысячелетия назад — еще горел.

— Я не знаю. Не помню.

— Почему не помнишь? — требовательно спросила горгона. — С-с-с тобой что-то с-с-сделали?

Деми молчала. Она не нарушала приказ — подавленная горгоной воля сделать бы это не позволила. Просто не знала ответа.

Сфено это поняла.

— Загляни внутрь с-с-себя. В память прошлых с-с-своих инкарнаций. Что видишь там?

— Ничего. Там ничего нет. Все стерлось. Кануло в Лету.

— Что последнее о с-с-себе ты помнишь?

— Себя в сегодняшнем дне.

Горгона задала еще с десяток вопросов, в которых были похожи не слова, но суть. И результат их был одинаков: плотная стена в сознании Деми и ее плотно сомкнутые губы.

В конце концов Сфено со вздохом сдалась. Прошептала что-то на древнегреческом, что нашло отражение в памяти ее души, а не тела. Деми очнулась. Кассандра выглядела разочарованной — то ли в ней, лишенной памяти Пандоре, то ли в Сфено и гипнотических умениях ее змей. Ариадна ободряюще улыбнулась Деми. Никиас, по обыкновению, был отрешенно-непроницаем, Харон, которого, вероятно, привлекла весть о прибытии горгоны — сосредоточен и хмур.

— Что это может значить? — сухо зато спросила Кассандра.

Вместо ответа Сфено острым когтем царапнула Деми запястье. Болезненно, до крови.

— Ай! — возмущенно воскликнула она. — Это еще зачем?

И снова горгона не ответила. Одна из ее змей — та, что росла ближе к правому виску, нежели остальные, потянулась к ранке раздвоенным языком и слизнула кровь.

— Я знаю лишь одно: эта печать буквально выжжена на твоей душе. Она не позволяет тебе помнить.

Возможно, впервые — не девушке с амнезией знать о том наверняка — история ее жизни, история ее души развернулась перед глазами словно панорама. Деми увидела себя, Пандору, шагающую по миру год за годом, век за веком. Меняя тела и лица, она продолжала идти. Жить. Продолжала страдать от амнезии, в стародавние времена даже не подозревая, от чего страдает. И даже когда появились и нужные медицинские термины, и лекарства, и врачи, она, девушка с сотнями имен, и лишь с одним истинным — Пандора, не понимала, что с ней происходит.

И только сейчас, уже наверняка, поняла. На ее душе печать, стирающая все воспоминания о минувших днях, обо всех реальностях, обо всех ее жизнях.

— Я не смогу проникнуть за эту грань. Печать, словно стена, меня не пускает. — Сфено сказала это так, будто в происходящем была виновата сама Деми. — А значит, понять, где скрывается пифос, мне не под силу.

Лицо Кассандры вытянулось и разом словно постарело. Харон подался к ней.

— Не переживай так. В этот поворот колеса судьбы мы и так продвинулись дальше, чем прежде.

— А толку? У каждой из инкарнаций Пандоры сохраняется эта печать, что порождает собой амнезию. Ее память не просто была когда-то стерта, она продолжает стираться до сих пор. И если даже Сфено не могла проникнуть сквозь печать...

— Я бы сказал, что все, кроме смерти, поправимо. Но это для жителей Изначального мира, а для нас поправима даже смерть. Мы найдем способ, Кассандра.

— Кто это сделал?

Деми вздрогнула. Никиасу столь хорошо удавалось притворяться тенью, что порой она начисто забывала о его присутствии.

— Что? — нахмурилась Сфено.

— Кто сковал ее душу печатью?

— Я не знаю, и мои змеи не знают. Но...

— Что? — Никиас шагнул к горгоне, без стеснения или толики страха врываясь в ее личное пространство. — Кто создал эту печать? Она сама или ей помогли?

— Этого я с-с-сказать, не могу.

— Хватит винить меня во всех грехах, — выпалила Деми.

О чем, конечно, тут же пожалела. Ведь рядом со Сфено стояла именно она, и выглядела она куда менее опасной, нежели женщина... создание с копной живых змей вместо волос.

Никиас сделал неуловимое, текучее движение, оказавшись в на расстоянии ладони от ее носа. Взгляд Деми метался между двумя половинами его лица, не зная, на какой остановиться. На той, что внушала страх? Гладкой, ощерившейся, чернильно-черной? Или на той, что была непостижима привлекательна? Ведь это несправедливо, что человек, ненавидящий ее, так красив.

— Ты не можешь винить меня в том, что сделала моя инкарнация. Это даже была не я — не я сегодняшняя. Я — я настоящая — никогда бы...

Деми осеклась. А правда ли то, о чем она говорить не стала? Она ведь совсем не знает саму себя. Один день, несколько часов — этого слишком мало. Мало всех на свете прочитанных дневников, чтобы понять, что заставило ее открыть пифос и поставить под угрозу весь мир.

— Ты, погрузившая Элладу в пучину войны, еще и смеешь оправдываться? — В голосе Никиаса звучало неподдельное изумление.

— Будь справедлив, Никиас, — мягко укорила Ариадна. — Арес, рано или поздно, все равно развязал бы войну, и без вмешательства Пандоры.

— Правильно сказала — вмешательства. Не вмешайся она в нашу мирную, спокойную жизнь, на невинных эллинов не обрушились бы голод, болезни и страдания. Не вмешайся она, Арес не призвал бы в свою армию тысячи химер. Не вмешайся она, и Зевс задушил бы войну в зародыше. Не вмешайся она, мы жили бы в мире, который не зовут умирающим!

Никиас сорвался на крик, и от ярости в его голосе что-то замерзло у Деми внутри. Он не знал, как настойчиво она гнала от себя мысли о том, что она собственноручно обрекла богов и людей на многовековую войну. Те, что терзали ее изнутри, впиваясь шипами в сердце.

— Когда будешь прикидываться невинной овечкой, которую обижает злой инкарнат, вспомни о том, что десятки людей прямо сейчас, прямо в это мгновение погибают из-за тебя, — припечатал Никиас.

— Не пугай ее, — неодобрительно нахмурилась Ариадна. — У них будет новая жизнь, а тех, кто достойно сражался на стороне Зевса, ждет награда. Божественное благословение.

— Такое утешение для людей, которые теряют своих любимых, а свою прошлую жизнь меняют на неизвестность.

— Никиас... Кем бы Пандора ни была тогда, сейчас... ей не все равно. А значит, любые упреки несправедливы. Я это вижу. Жаль, что не видите вы.

— Хватит. У нас сейчас есть заботы поважнее, чем выяснять, кто прав, а кто виноват.

То, как уважительно Ариадна, Доркас и обитающие в пайдеие Искры обращались к Кассандре, как внимательно слушали и терпеливо ждали ее ответа, то, как вела себя сама пророчица, и навело Деми на мысль, что именно Кассандра была здесь лидером. Однако она не сомневалась, что Никиас предпочтет оставить за собой последнее слово.

— А ничего выяснять и не нужно. Истина на поверхности.

Выстрелив словами в Деми, словно пулями, Никиас сделал еще шаг. Она вжалась плечами в стену, чувствуя себя как никогда слабой и незначительной. Хрупким созданием на пути разъяренного критского быка.

— И этот трюк с амнезией, который ты провернула... Да ты попросту эгоистка. И трусиха.

— Никиас... — Предупреждающим тоном обронила Кассандра.

Он лишь резко дернул плечом, словно отбиваясь от ее слов.

— Хочешь знать, как ты оказалась в Изначальном мире? Почему перерождалась там, а не в Алой Элладе? Ты убежала через порванную завесу, не желая видеть последствия своей ошибки. Ты не осталась, не помогла нам. Ты позорно сбежала.

— Нет, я не могла, — хрипло сказала Деми.

Все ее естество противилось этому обвинению. Но себе — почти незнакомке — безоговорочно верить она не могла.

Никиас ее слабый протест даже не заметил. Продолжал говорить, вкладывая весь запас своей ярости в каждый слог:

— Ты заставила себя забыть — как же это удобно! Боль от содеянного тобой ушла, верно? Но мы помнили. Каждый день, каждый час, каждую минуту мы сталкивались с последствиями твоего поступка лицом к лицу. Вместо маленькой трусливой тебя.

— Перестань, — устало сказала Ариадна. — Деми и без тебя уже знает, что произошло. И будет узнавать каждый рассвет, пока мы не сможем исправить то, что случилось с ее памятью. Каждый раз ей придется вспоминать, какую ошибку в прошлом она совершила.

— Ошибку? — Повернув голову в сторону Ариадны, Никиас все еще нависал над Деми из-за чего она чувствовала себя загнанным в угол зверьком. — Ученик лекаря неправильно смешал зелья — это ошибка, пекарь передержал тесто и хлеб подгорел — это ошибка. А Пандора открыла треклятый пифос, напатав Ареса темной силой и выпустив на Элладу полчища монстров... Как удобно — назвать это просто ошибкой!

— Это она и есть. — Ариадна тряхнула светлым полотном волос. — Масштабы их разные, с этим я соглашусь. Но ты должен признать — в действиях Пандоры злого умысла не было.

— Этого мы не знаем.

Слова Кассандры, что своим голосом разрешила напряженный воздух, Деми неприятно удивили. Отчего-то казалось, пророчица будет ее защищать, как это делала Ариадна.

Кассандра пристально взглянула на нее.

— Я могу увидеть чужие воспоминания, но твоих не увижу. Для меня ты — незнакомка. Я знаю о тебе лишь по многочисленным слухам, по истории, лежащей в основе Эллады. Но мы найдем способ это исправить. С магией возможно практически все.

Деми сглотнула. И, когда — если — ее память вернется... Ее снова препарирует острый взгляд Кассандры.

— Нечего и думать. Она заставила себя все забыть.

— Мы этого не знаем, Никиас.

— Разве? — Он круто развернулся к Кассандре, воинственно сложив руки на груди. — Она исчезла, когда реальность раскололась на части. И вот мы наконец находим Пандору, и что мы узнаем? Она потеряла память. *Заставила себя забыть.*

— Мы. Этого. Не знаем. Не знаем, что случилось с ее воспоминаниями. Не знаем, кому принадлежит печать.

Никиас издал звук — нечто среднее между коротким рыком и раздраженным выдохом.

— Почему вы так упрямы? Почему защищаете ее?

— Я не защищаю, — пожал плечами молчавший до сих пор Харон.

Деми закрыла глаза. Не сойти с ума от окутывающего ее чужого презрения, жаркой ненависти или ледяной злости помогала только мысль об искуплении. Образ, что дарил почти успокоение.

Свет *надежды* в ее победно вскинутых руках.

Прерывая ссору, в комнату вбежал паренек лет двенадцати. Очень худой, кожа да кости, и очень невзрачный — увидишь такого в толпе, не запомнишь. Волосы светло-светло-русые, но без золотого отлива, как у Ариадны, ресницы им в тон, бесцветные и пушистые. А по лицу с лихорадочным румянцем рассыпаны веснушки. Поцелованный солнцем мальчишка взволнованно обратился к Кассандре:

— Опасное существо... В Акрополь проникло опасное существо. Я... видел это. Мне.. сказали.

Последняя фраза заставила Деми вздернуть бровь. Наверное, каждый провидец (а мальчишка, судя по всему, был одним из учеников Кассандры) по-своему определял источник своих видений. Паренек, вероятно, был уверен, что ему их даруют высшие силы.

— Что бы мы без тебя делали, Лакис, — беззлобно хмыкнул Харон. — Горгона уже собралась уходить, а ты только обнаружил ее присутствие.

— Горгона? — Переведя взгляд на змеиноголовую, мальчишка побледнел.

Сфено, казалось, лишь польстило, что ее считают (впрочем, не без оснований) «опасным существом». Хорошо, что он не назвал ее тварью.

— Не кори его, — упрекнула Ариадна, взъерошив волосы Лакиса, из которых, казалось, вытянули весь цвет. Добавила, подтверждая догадку Деми: — Он же только учится. Самые великие его пророчества еще впереди.

Кассандра, однако, не сделала ни единой попытки приободрить стусевавшегося мальчугана. Невооруженным взглядом видно: сейчас ее занимают вопросы куда серьезней. Повернувшись к Сфено, она спросила:

— Что мы можем сделать?

— С-с-сломайте печать. Без этого ничего не выйдет.

— Спасибо за помощь, — устало произнесла Кассандра.

— Всегда к твоим услугам.

А Деми вдруг со всей отчетливостью поняла: прямо перед ней мило беседуют с друг

другом царица-пророчица и сестра Медузы Горгоны. Эта мысль на какое-то время забрала воздух из ее легких, как хороший удар под дых. Наверное, рано или поздно Деми к привыкла бы к миру, что ее окружал. Вот только амнезия — печать на ее душе — не позволяла притупить эмоциям от подобных осознаний. Все было внове, хорошо это или нет.

Сфено покинула пайдейю. Деми осталась наедине с людьми, возлагающими на нее надежды, которые она не могла оправдать. Слова застыли на губах — их перебил раздавшийся с улицы крик. Все, кто находился в комнате, бросились к окнам.

Эллины бежали куда-то сломя голову, а на площадке перед пайдейей замерло существо, что лишь притворялось человеком, но точно не являлось таковым. У твари были неестественно длинные руки, оканчивающиеся столь же несоразмерными пальцами и когтями.

— Гелло, — выдавила Кассандра. — Она пришла за моими детьми. — Пророчица запуталась пальцами в волосах, и так и застыла с гримасой неверия и досады на лице. — Я не видела этого. Я этого не предсказала.

Деми похолодела от осознания, сколько жертв демон может забрать в свое темное подземелье, если ему не помешать. Сколько юных Искр, обучающихся под надзором Кассандры.

— Что нам делать? — прошептала она.

Пророчица даже отвечать не стала — бросилась прочь из комнаты на защиту своих учеников. Тех, в ком все это время терпеливо и трепетно взращивала божью искру.

— Делай хоть что-нибудь или не путайся под ногами, — отрывисто сказал Никиас и последовал за Кассандрой.

— Лучше второе, — коротко заметил Харон.

Деми и не думала обижаться: для них она и впрямь бесполезна. Повернулась к Ариадне, что провожала взглядом остальных.

— Выходит, Кассандра может ошибаться?

— Если ошибаются даже боги, чего ты ждешь от людей? Моя нить порой заводит меня в тупик, оружие, созданное Искрами Гефеста, раскалывается от одного удара, Искры Афины не выигрывают битвы и получают ранения. Даже Харон порой застревает в стенах — и бессмертие не повод быть всемогущим. Не всемогущ и Зевс, который не может одержать верх над Аресом. Уязвим по-своему и сам Арес.

К удивлению Деми, пайдейю поспешила покинуть и сама Ариадна — та, что казалась ей созданием мягким, почти безобидным.

Прикинув к стеклу, Деми напряженно вглядывалась в пространство за окном, в переставший быть безопасным Акрополь. Искры постарше защищались как могли и защищали младших. Однако Гелло легко ускользала от ударов, исчезая, растворяясь прямо в воздухе, а мгновениями спустя проявляясь за чужими спинами. Оружием ей служили длинные и наверняка острые, словно лезвия, когти.

Харон бросился в храм Гефеста — то ли в кузню за оружием, то ли за подмогой, хотя на площадке перед пайдейей и без того оказалось достаточно Искр. Ариадна и Никиас за ним не последовали.

Как оказалось, Ариадна может использовать свои нити не только для поиска людей... но и для нападения. Она выбросила вперед руки, озаренные серебряным сиянием — пальцы уже начали опутывать сверкающие нити. В клубок они не собрались — плетельщица не позволила. Вместо этого она оплела нитями Гелло, подобно причудливому и несомненно

прекрасному пауку.

Вряд ли зачарованные путы могли надолго удержать демона. Однако, пока длинные руки Гелло были крепко прижаты к бокам, у других они были развязаны. Никиас вдруг сдернул перчатку. Ариадна, находящаяся к нему ближе всех, резко отшатнулась — то ли он прикрикнул, то ли решила так сама, испугавшись. Но чего?

С высоты четвертого этажа Деми не сразу смогла разглядеть происходящие перемены. Никиас стоял, протягивая вперед непривычно обнаженную руку. Но его бездействие было обманчиво. Вокруг него, словно облако, сгущалась тьма. Казалось, она вытекает из-под его плаща... из-под его кожи. Расплескивается по площади Акрополя, поглощая свет, омывая холодный, не согретый солнцем камень.

Гелло не видела, что происходит за ее спиной, лишь билась зло, пойманная и, как куколка бабочки, замотанная в кокон из серебристых нитей. А тень за ее спиной все увеличивалась в размерах. Набросившись на тень Гелло, она поглотила ее саму.

Деми только сейчас поняла, что все это время стояла с прижатой ко рту рукой, и, кажется, вовсе не дышала. Отняв ладонь, она тяжело сглотнула.

Никиас... Кто же он такой?

Эта тьма была слишком самостоятельной и живой. Слишком живучей, потому что существовала днем, а не во время царствования Нюкты-ночи. И слишком голодной. Деми отвернулась, чтобы не видеть, как Гелло поглощает нечто темное. Нечто живое. Нечто, живущее у Никиаса внутри.

Первой вернулась Ариадна. Деми, что без устали расхаживала взад-вперед вдоль окна, словно большая кошка в зоопарке, бросилась к ней.

— Что Никиас сделал с Гелло?

— Просто вернул обратно во тьму, из которой она и явилась, — выпалила та, будто пытаясь его защитить. Будто пытаясь оправдать тот кошмар, что предстал глазам Деми.

— По кусочкам?

Ариадна отвела взгляд. В комнату вошел мрачный что туча Харон. Он сжимал в руках клинок, который так ему и не пригодился. Кассандра не пришла — осталась наводить порядок и успокаивать юных Искр. Никиас не вернулся тоже.

— Что это за сила?

— Тебе лучше не знать, — хмуро отозвался Харон. — Плохо будешь спать по ночам.

То ли он забыл об амнезии Деми, не подпускающей к ней кошмары, то ли это была неуклюжая шутка... Как бы то ни было, она предпочла пропустить слова перевозчика душ мимо ушей.

— Что Никиас прячет под маской? — не сдавалась Деми.

Под глазами глядящей на нее Ариадны залегли глубокие тени.

— Тебе лучше этого не видеть, — тихо сказала она.

Деми нервно комкала край пеплоса. Ей не стоило даже думать о нем... но отчего-то не получалось. Отчего-то мысли раз за разом возвращались к нему.

Маска Никиаса была слишком пугающей и чужеродной, чтобы хоть когда-нибудь показаться привычным, незыблемым продолжением его лица. И все же мелькнуло странное чувство: то, что она прятала, могло оказаться еще страшней.

Глава двенадцатая. Дельфийская сивилла

— Раз даже Сфено оказалась бессильна разрушить скрепы на твоей душе, значит, чары, опутавшие твой разум, и впрямь серьезны. Я не знаю, как преодолеть их, чтобы отыскать ключ к нахождению пифоса, а после и его самого, но знаю ту, что должна нам помочь. Дельфийская сивилла.

Деми растерянно взглянула на Кассандру.

— Но вы же сами — пророчица.

— Я вижу будущее, но не прошлое и настоящее, скрытое в глубинах чужой души. — Она указала рукой на грудь Деми, на незримую печать, что пряталась внутри. Уклончиво добавила: — Способности Герофилы многократно превосходят мои — в ней есть то, чего я лишена. Все гадалки, провидицы и пророчицы, коих в Алой Элладе немало, обращаются за мудростью к ней, пророчице первородной. Отправляемся прямо сейчас.

Поманив ее к себе, Кассандра царственно кивнула Харону. Не успела Деми попрощаться с Ариадной, как ее объяла темнота, вызванная легким касанием перевозчика душ.

— Где мы? — спросила Деми, как только тьма перехода рассеялась.

Вокруг шумел город. Кричали торговцы, пересмеивались юные прелестницы, бесновалась детвора. На женщинах — каскадом ниспадающие с плеч пеплосы, будто сотканные из слоев и складок. На мужчинах — куда более скромные хитоны и гиматии. На алеющее над головой небо она старалась не смотреть — от одного только воспоминания о происходящей наверху битве ее мутило.

— В Дельфах, разумеется, — поведя плечом, отозвалась Кассандра.

— Разумеется... — пробормотала Деми.

Доводилось ли ей бывать в настоящих Дельфах? Хотя какой из двух городов вообще считать настоящим? Они оба истинны, хоть и параллельны друг другу.

С языка едва не сорвалось: «Разве Никиас не должен всюду меня сопровождать?», но она вовремя его прикусила. Не хватало только, чтобы Кассандра и Харон решили, будто Деми хочет, чтобы он оказался рядом. Успеет еще хлебнуть ледяной ненависти, что так и сочтется из него.

Вместе с тьмой, когда Никиас выпускает ее на свободу.

Дом дельфийской сивиллы Герофилы, перед которым остановилась Кассандра, больше напоминал храм. Идеально круглое здание окружала колоннада из высоких, в два человеческих роста, каменных колонн. Двери нет, окон тоже — только арки, заставившие Деми удивленно вздернуть бровь. Неужели знаменитая сивилла не боялась врагов? Мало ли на свете людей, которым не пришлось по вкусу ее пророчества?

Вряд ли смертные Алой Эллады так уж сильно отличались от жителей Земли, если уж даже богам не понаслышке были знакомы жестокость и ненависть.

Харон остался ждать за стенами дома-храма, не выказывая никакого желания почтить своим присутствием «первородную пророчицу». Деми вошла следом за Кассандрой, поразившись скудности, даже аскетичности окружающей обстановки. Комната в храмоподобном доме оказалась всего одна, и в ней не было ничего, кроме каменных скамей, которые заметно поистрепало время.

Думая о бессмертной, что жила в таком скромном обиталище, Деми ожидала увидеть

грациозную женщину, не уступающую по красоте Кассандре или даже Ариадне. Черноокую ведунью или высокую эллиниду с фарфоровой или оливковой кожей. Женщину, словно сошедшую с фрески Микеланджело в Сикстинской Капелле.

Но сколько бы предположений Деми ни строила, реальность превзошла все ее ожидания. Ведь дельфийская сивилла уже давно не была человеком.

Теперь стали ясны недавние слова Кассандры.

— Что-то не так, кареглазая? — Герофила забавлялась реакцией Деми, что застыла посреди комнаты с неприлично открытым ртом.

С вызванной шоком прямоотой Деми спросила:

— Вы — призрак?

Кассандра с осуждением покачала головой, однако Герофила лишь рассмеялась громче.

— Твои слова истинны, дитя, а глаза — зорки.

Явное подтрунивание, ведь не понять истинную сущность дельфийской сивиллы невозможно. Все потому, что Герофила была полностью прозрачной. Деми с трудом угадывала ее черты, словно набросанные карандашом на белом листе бумаги. Абрис стройной фигуры, овал лица, очертания губ, глаз и носа. И все это — сверкающими серебристыми штрихами с призрачно-голубым отливом.

— Но разве... Разве мертвые здесь не уходят в царство Аида? А потом не перерождаются?

— Все так, дитя. Однако я отказалась и от царства мертвых, и от перерождения.

— Но почему?

— Здесь, за чертой жизни, мне видно то, что не видно смертным, — просто сказала Герофила.

Деми покачала головой. Отречься от череды инкарнаций ради того, чтобы сохранить свою силу... Смогла бы так она?

И тут же ответила себе — нет, не смогла бы. Прежде она никогда не встречала духов, но что-то подсказывало ей, что их жизнь разнообразной не назовешь. Да и к тому же... кто способен полюбить призрака?

— Вам не одиноко? — тихо спросила Деми.

Герофила снова рассмеялась. Покружилась по комнате, словно бабочка с полупрозрачными крыльями, что создал не обделенный фантазией демиург. Ног у нее не было — или их, не прорисованных мирозданием, попросту оказалось не видно. Вот она и скользила по воздуху, словно легкий газовый платок, брошенный на ветру.

— Дитя, мне некогда скучать. В мой дом стекаются пророчицы со всей Алой Эллады. Я наставляю их, я учу их, я открываю им глаза. Я вырастила уже десятки поколений пророчиц. И я помогаю тем, кто в этом нуждается. Это и есть мое предназначение. Другого я себе не представляю.

— И вы почти идеально говорите на новогреческом, — уже почти устав удивляться, сказала Деми.

— Говорю, — польщенная ее замечанием, отозвалась Герофила. — Для таких, как я, завеса между мирами — не препона. Ваш мир, Изначальный мир... для меня любопытен. Обычные эллины лишены возможности его увидеть, а я наблюдала закаты и рассветы эпох, не говоря уже о смене зим и лет. Я видела сотни народов. Я знаю сотни языков, хоть и не говорю на них — здесь, в Алой Элладе, меня едва ли поймут ...

Деми устало потерла лоб. Казалось, еще немного — и ее разум взорвется в попытке

осознать все то невообразимое, что ей открылось.

— Но ведь ты здесь наверняка не для того, чтобы говорить о старушке Герофиле? — Сивилла рассмеялась собственной шутке. Смех резко оборвался — будто время для веселья на невидимом таймере закончилось. — Ты хочешь поговорить о той магии, что окутала твою душу, словно паутина?

— Что вы видите, кирия? — благоговейно спросила Кассандра. Во всяком случае, так ее причудливое обращение к дельфийской сивилле перевела для себя Деми.

— Печать на ее душе. Сильную магическую метку. Магия сильна, да вот только творец ее оказался неопытен в чарах разума. И, кажется, затронул больше, чем хотел.

Кивнув, Деми рассказала Герофиле о своей амнезии и на какое-то время снова лишилась дара речи, пока сивилла сыпала медицинскими терминами на новогреческом, древнегреческом и на латыни.

«Если быть духом — значит знать обо всем на свете, может, не такая уж и плохая это перспектива?» — подумалось ей.

Когда Герофила перешла с медицинских терминов на эзотерически-магические, оживилась Кассандра. Они начали захлеб обсуждать некие ментальные связи, заслоны с барьерами, пробойны в ментальных щитах, психическую защиту, инкарнацию с изъяном, печати и еще десятки вещей, от которых у Деми разболелась голова. Она уже не пыталась вникать, дожидаясь счастливого момента, когда ей объяснят на пальцах, что произошло с ней в прошлом и почему.

— Память твоей души опутана крепкими ментальными цепями, что стирают все твои воспоминания о себе самой, позволяя им жить лишь до рассвета, — нараспев произнесла Герофила. — Но это ты, думаю, поняла уже и без меня. Отчего так сложилось, я тоже не знаю. Может статься, печать ставили в спешке, может, не хватило опыта. Однако в конце концов стерлось не только твое прошлое, магия затронула и настоящее, стирая его как ластик — карандашный набросок. Нужно сломать печать, но сделать это очень осторожно... Если сделать это неправильно, будут плохие последствия.

— Хуже, чем моя амнезия? — усмехнулась она.

— Хуже, — сухо ответила за Герофилу Кассандра.

Деми поспешно стерла усмешку с лица.

Какое-то время две пророчицы обсуждали что-то, по-видимому, не предназначенное для ее ушей, на чистом древнегреческом, а потому смысл их беседы от нее ускользнул. Уже собираясь уходить, Деми неожиданно для себя самой остановилась у порога.

— Вы знаете, кто победит в этой войне? — тихо спросила она у дельфийской сивиллы.

Кассандра побледнела. Почему? Никогда не задавала Герофиле этот вопрос? Может, даже боясь ответа?

— Что бы ни утверждали мойры, будущее переменчиво, — нараспев произнесла Герофила. — Оно податливо, словно глина, из которой тебя, Пандора, вылепил Гефест. Оно подчиняется нашим решениям, нашим поступкам. Сейчас я вижу, как Арес восходит на Олимп, и вся Алая Эллада низвергается в бездну хаоса. Но все еще может измениться.

Деми вышла из дома сивиллы, ощущая острый ком в горле. Если Кассандра и впрямь никогда не спрашивала у Герофилы ответа на мучающий всех эллинов вопрос...

Что же, она по-своему была права.

Едва Деми успела оправиться от знакомства с духом дельфийской сивиллы и ее видения о победе Ареса, как настала пора новых потрясений. Стоило только ей и Кассандре выйти за

пределы храма, как Харон напряженным тоном сказал:

— К вам гости.

Гостья оказалась одна. Она вынырнула из тени ближайшего дома, будто только их и ждала. Шелковое платье цвета неба Эллады облегалo стройную и слишком высокую для человека фигуру, словно вторая кожа. В лице незнакомки застыло нечто такое, что затмевало ее красивые черты. Нечто голодное, хищное.

В глазах — то ли смерть, то ли пламя. Черные волосы собраны в причудливую прическу — хитроумно закрученные пучки волос, которые Деми поначалу приняла за рожки. Неестественно алые, пусть и не тронутые помадой, губы. Возникло жутковатое ощущение, что незнакомка только что припадала к колотым ранкам на шее жертвы, а, оторвавшись, не успела вытереть рот.

— Аллекто, — с тем же напряжением, что прежде звучало в голосе Харона, произнесла Кассандра.

Деми вздрогнула. Она стояла перед самой богиней мщения. Та, которую называли безжалостной и непримиримой, в упор смотрела на нее. Полилась трудноразличимая речь на древнегреческом, однако, поняв, что Деми ее не понимает, Аллекто легко перешла на кафаревусу, распознать которую оказалось немного проще.

— Пандора... Я долго тебя искала. Не люблю незавершенные дела.

— Незавершенные дела? — выдавила она, подозревая, что подобная формулировка не сулит для нее ничего хорошего.

— Многие жаждут твоей смерти, а я и мои сестры-эринии[1] — глас этих многих. Все просто: люди просят убить тебя за твои прегрешения, я их желание исполняю.

Деми инстинктивно отступила на шаг. Аллекто распалась на темные призрачные фигуры, отражения себя самой — из ее касающейся земли тени поднимались существа с раззявленными в немом крике ртами. Там, где у людей должны быть глаза, развевалось дымчатое нечто — то ли эфемерные щупальца, то ли сотканные из тьмы змеи. Аллекто словно рождала демонических существей, одну за другой, из собственной тени.

Эринии. Куда менее могущественные, чем сама Аллекто и, кажется, даже неспособные говорить... Вот только смертоносными от этого быть они не переставали.

В руке Аллекто появился хлыст. Резкий удар, свист воздуха — и хлыст оплел щиколотку Деми. Харон ринулся к ней, но опоздал. Одно еле уловимое движение Аллекто, и четыре эринии, став плоскими и двумерными, захватили в плен его тень. У Деми глаза на лоб полезли, однако куда большим сюрпризом оказалось то, что Харон не мог сдвинуться с места. Судя по дерганым движениям плеч, он рвался им с Кассандрой на выручку, но оставался неподвижен. Видимо, оттого, что пригвоздили к земле его собственную тень.

— Ты не можешь ее забрать.

— Не вмешивайся, Кассандра, — холодно произнесла эриния.

— Она нам нужна.

— Убедишь? — Аллекто изогнула тонкую, словно стрела, бровь.

— Она — Пандора, — веско сказала Кассандра. — Только она способна открыть пифос и выпустить надежду, чтобы исцелить этот мир.

И все же ее имя в устах пророчицы было сухим, почти обличительным, прячущим под собой скрытый посыл «та, что явилась исправить то, что когда-то натворила».

— Мне-то какое дело до этой войны? — равнодушно пожала плечами Аллекто. — Это вы спутали Алуя Элладу с шахматной доской и все мечетесь, пытаетесь решить, за черных

играть или за белых.

В любое другое время Деми бы удивила осведомленность древней богини в развлечениях Изначального, как его здесь называли, мира, но сейчас она была слишком скована страхом, чтобы чему-то удивляться. Перед лицом полутеневых тварей, что кружились, голодные, рядом с ней, она вообще не способна была чувствовать никаких эмоций, кроме одной — всепоглощающего ужаса.

— Мне неважно, кто победит — Зевс или Арес. Я и мои сестры делаем то, для чего рождены — вершим правосудие. Так может, и тебе, Кассандра, заняться своей работой? Или хотя бы не мешать мне делать мою?

Еще две эринии отделились от хора, что кружил вокруг Деми, и напали на тень Кассандры. Но и без того очевидно: они трое не в состоянии дать отпор Аллекто и ее своре. Дар Кассандры — прорицание, дар Харона — перемещение между мирами... У Деми вообще никаких даров — та еще ирония, если учесть значение имени ее души. Но когда Пандоре дали его, на ее стороне были боги, а сейчас... Она практически сама по себе.

Харон был слишком далеко от Деми, и на его пути стояла Аллекто. То ли сотканые из теней создания не знали, что сковывающие тень чары на силу перевозчика душ не подействуют, то ли его магия оказалась сильнее той, что текла в венах самих эриний... Как бы то ни было, когда Харон исчез, их словно сдуло шквальным ветром, разбросало в разные стороны.

Чего Деми не ожидала, так это того, что он бросит их с Кассандрой на произвол судьбы. К горлу подкатила горечь. «Ты действительно думала, глупая, что хоть что-то значишь для Харона? Ты для него — лишь незнакомая чужачка, которая обрекла на страдания сотни тысяч людей».

Но ладно она, а Кассандра?

— Хорош защитник, — язвительно расхохоталась Аллекто. Улыбка стекла с ее лица, словно вода с восковой картины. Глаза сузились. — Уничтожьте ее!

Эринии бросились на Деми, оскалив рты, словно перепутав их со звериной пастью. Одна тварь толкнула ее вполне осязаемыми руками на землю, и теневые щупальца, венчающие голову эринии подобно короне, потянулись к ее лицу. Деми завопила, но крик резко оборвался, когда она утонула в чужой тени. Кто-то огромный возвышался над ней, закрывая собой спрятанное за алой пеленой тусклое солнце.

Деми не знала, что сильнее повергало в ужас: сам рост великана, который мог достать головой до крыши четырехэтажного дома, или десятки рук и голов, растущие на его теле, будто древесные грибы на коре дерева. Казалось, великан поглотил десятки человек, которые со временем отвоевали себе пространство на его могучем туловище.

Тошнотворное, признаться, зрелище.

Еще сложнее сказать, *кто* ужасал ее больше: эринии, что жаждали разорвать ее на части или жуткий уродливый гигант, который был на ее стороне.

И все же, когда гекатонхейр, наклонившись, поднял в воздух накинувшуюся на Деми эринию и отбросил в сторону, как надоевшую куклу, из груди вырвался облегченный вздох. Харон не бросал их. Он вернулся с подмогой. Да еще какой!

Его выбор был безупречен: даже десятки эриний неспособны охватить и сковать тень гекатонхейра, накрывшую землю гигантским черным пологом. Сам же великан с легкостью отрывал демонических духов мести, присосавшихся к тени Кассандры как пиявки. Мелькали в воздухе его огромные руки. Головы угрожающе ревели сонмом голосов.

В миг, когда стараниями гекантохейра Деми и Кассандра освободились от эриний, настала очередь главной из них.

Аллекто хлестнула плетью, но обездвижить смогла лишь одну из рук гекантохейра. А их у него оставалось еще девяносто девять. Взвизгнув от отвращения, когда вся эта гроздь из могучих конечностей потянулась к ней, Аллекто бросила, глядя на Деми:

— Если не я, так Немезида, крылатая жрица возмездия, все равно тебя настигнет. От себя самой тебе не убежать.

Богиня мщения распалась в воздухе на дымчатые хлопья. Эринии растворились в пустоте вместе с ней.

Гекантохейр стоял, широко расставив ноги, и молча смотрел на Деми. Ей от этого взгляда хотелось исчезнуть вместе с духами мести.

— Я верну его охранять Тартар, — бросил Харон.

— Будь так добр, — выдавила Деми.

Полуживая от пережитого ужаса, она медленно поднялась с земли. В голове до сих пор звучали слова Аллекто. Даже хорошо, что она забудет их с первым же рассветом.

Вернувшись, Харон перенес их в пайдейю. В уже хорошо знакомой Деми комнате находились и Никиас, и Адриана.

— На нас напали, — сухо сообщила Кассандра. — Боюсь, Аллекто теперь охотится за Пандорой. Нам нужно быть начеку.

— Замечательно, — процедил Никиас, облокотившись о стену и сложив руки на груди. — Теперь нам *всем* придется быть ее няньками.

— Я хочу этого не больше тебя, — выпалила Деми. Вздохнула. — Выходит, эринии — что-то вроде местных наемных убийц? Получают заказ от людей и исполняют его?

Ариадна задумалась на мгновение.

— Не совсем. Они не только убийцы, но и судьи. Скорей, я бы назвала эриний палачами. Чтобы там ни говорили, невиновных они не трогают. — Она тут же осеклась. — Ох, прости. Я не хотела сказать, что ты виновна...

— Абсолютно виновна, по мнению этих людей, — тихо ответила Деми.

— Разве только их? — ледяным тоном осведомился Никиас.

Пропустить его слова мимо ушей, не допустив их к уму и сердцу, было нелегко... но необходимо. Достаточно чувства вины, что терзало всякий раз, стоило только ей вспомнить свое истинное имя. Имя ее души.

Деми еще только предстояло научиться жить с осознанием, что ее ненавидит весь мир.

[1] Эринии — богини мести, рожденные Геей, впитавшей кровь оскопленного Урана. Преследуют преступника, насылая на него безумие.

Глава тринадцатая. Царство Аида

— Объясните еще раз, зачем спускаемся в царство Аида? — ежась, спросила Деми.

Замерев посреди Акрополя, они ждали Харона, который вместе с Кассандрой отлучился по какому-то срочному делу. Ариадна с улыбкой приветствовала знакомых Искр, Никиас по обыкновению был безучастен, а Деми уговаривала себя не поддаваться охватывающей ее нервозности.

Неотвратимо наступал вечер. Время забывать.

Из брошенных ей Кассандрой слов она поняла лишь одно: некая колдунья по просьбе пророчицы готовила сложный ритуал, и в царство мертвых они пришли за одним из его составляющих.

— Нам нужна река памяти, Мнемозина, и ее дух, который может открыть нам тайны твоей памяти.

— Мнемозина — это живое существо? — изумленно спросила Деми.

— Существо — хорошее слово, — рассмеялась Ариадна. — И все же она нечто большее. Если быть точнее, богиня, обладающая так называемой «памятью воды». В мире мертвых течет и другая река, река Лета. Все отправленные в царство Аида, чью нить своими ножницами перерезали мойры...

— Умершие, проще говоря. — Деми ценила тактичность Ариадны, но иногда для нее было неподходящее время.

Та улыбнулась своей мягкой улыбкой.

— Умершие, да. Едва оказавшись в царстве Аида, они должны выпить воды из реки Леты, чтобы навеки оставить прошлое позади. Когда их душа будет готова переродиться, они пьют из Леты снова — на этот раз, чтобы вернуться в мир живых, не храня память о пережитом... и увиденном в мире мертвых. Без Забвения — второго имени Леты — новой жизни для душ не было ни в одном из миров.

— Но ты ведь помнишь о своем родстве с Фоантом...

— Я говорила об обычных смертных, — замявшись, сказала Ариадна. Несмотря на всю ее колдовскую силу, на опыт и мудрость, что она накапливала не годами, не десятилетиями — веками, ей, казалось, неловко подчеркивать собственную исключительность, свое отличие от других. — Есть инкарнаты, отмеченные божественным прикосновением, чьи души проносят в себе дары в следующие жизни. Другое благословение богов — пронести сквозь века опыт, знания и память. После того, как был открыт пифос, а ты... Пандора исчезла, мой дар оказался слишком важен для богов. Тогда сам Зевс благословил меня, словно впечатал искры магии в мою душу. Дионис же наградил меня способностью хранить воспоминания о прошлых жизнях.

Деми задохнулась от мысли, что находилась рядом с девушкой, дважды благословленной богами. Девушкой, которую любил бог. Наверняка их чувства остались в далеком, далеком прошлом, да и представить Диониса однолюбом сложно, скорее — ветреным и смешливым, каким в ее сознании сохранился их общий сын Фоант.

Обиду на бога в Ариадне Деми, впрочем, тоже не чувствовала — об обратном говорила и блуждающая теплая улыбка на ее губах. Умела ли Ариадна вообще таить на кого-то обиду?

А ведь и у Пандоры было свое, особенное прошлое. Если мифы не вралы, она была возлюбленной самого титана. Как же его звали?

— А что с моей семьей? — волнуясь, спросила она.

Странной казалась сама мысль о том, что в Древней Греции, которую тогда еще не успели окрестить Алой Элладой, у нее была семья.

— Забудь ее. Они о тебе забыли.

Голос Никиаса распорол пространство, словно острое стальное лезвие. Деми вздрогнула, только сейчас вспомнив, что все это время он стоял позади. Наверное, в каком-то смысле ее память оберегала свою хозяйку — она чувствовала кожей нежелание Никиаса находиться здесь.

Рядом с ней.

— Не слушай его. — Ариадна бросила на Никиаса взгляд, полный упрека. — Не знаю, что стало с Эпиметеем, и сохранил ли он память о прошлом... И мне жаль, что современные греки едва ли помнят о вашей дочери Пирре. А ведь именно она вместе со своим мужем Девкалионом стояла у истоков появления нового человечества.

В висках Деми запульсировала кровь. Ее дочь...

— Пирра и Девкалион оказались единственными, кто выжил после Великого потопа, — продолжала Ариадна. — Легенды говорят, что сам Зевс хотел таким образом погубить людской род. Выбирая тех, кто все же достоин спастись, он выбрал именно Девкалиона, сына титана Прометея и океаниды Климены. Зевс велел ему построить ковчег и приготовиться к долгому плаванью. Но знаешь... Я думаю, причина того, что вину за Всемирный потоп греки возлагают на Зевса — суеверный страх людей перед богами, страх получить наказание от них за свои грехи. Ведь каждый человек в глубине души понимает, что, так или иначе, грешен.

— Не замечал за тобой склонности к философствованиям, — обронил Никиас.

— Как бы то ни было, твоя дочь и Девкалион, за чистоту своих душ получив благословение Зевса, спаслись от Всемирного потока, который так и назвали Девкалионовым. И именно на их плечи легла священная миссия возродить человеческий род.

Деми покусала губы, охваченная странными эмоциями.

— Не бог весть как они справились, а? — хохотнул Никиас, однако в его голосе не было смеха — только яд.

— Ненавидишь весь человеческий род, а? — передразнила Деми.

Может, и не самое лучшее решение — дерзить эллину, от одного вида которого ей становилось не по себе. Однако речь шла о ее... дочери. Пускай она совсем не знала Пирру и была слишком молода даже для подобия материнского инстинкта, но чувства, вспыхнувшие внутри, вылились в стихийный протест.

Никиас сосредоточил на ней взгляд синих глаз. Как столь яркие, пронзительные, они могли выглядеть такими опасными?

— Не ненавижу, но презираю. Они так ничего и не поняли. Да, большинство людей лишены божественного благословения, которое позволило бы им сохранить память об их прошлых жизнях, но они всегда могут учиться на ошибках других. И на своих же собственных, хоть и не знают этого, ошибках. Но зачем? Для этого ведь надо думать.

— Ты несправедлив, — негромко, но твердо сказала Ариадна. — Нечестно говорить за всех людей в этом мире.

Никиас был слишком вспыльчив, чтобы вести спокойную полемику. Слишком убежден в своей правоте и нетерпим к чужим аргументам. Он подтвердил ее мысли, грубовато

оттеснив ее плечом, чтобы увеличить расстояние между ними. Однако не ушел совсем, а маячил рядом. После нападения эриний Никиас, кажется, готов был не отходить от Деми ни на шаг. С любым другим парнем и в любой другой ситуации подобное внимание ей, может, и польстило бы...

— Ты говорила о забвении... — тряхнув головой, чтобы вытрясти из нее посторонние мысли, произнесла Деми. — Я могла выпить из реки Леты и забыть свою прошлую жизнь?

— Могла бы. Возможно даже это сделала. Однако это не объясняет барьер в твоей памяти, преодолеть который не смогла даже горгона. Не объясняет печати, которую разглядела Сфено.

— И не объясняет моей амнезии, — тихо продолжила Деми.

Харон наконец объявился в Акрополе вместе с Кассандрой. Пророчица почти сразу же скрылась в своем «кабинете», лишь бросив, что не будет сопровождать Деми.

«Вас и так уже целая толпа».

«Она — не боец», — отчего-то всплыло в голове. Не словами или воспоминаниями, скорей, ощущениями. Ариадну, несмотря на ее нити, Деми тоже слабо представляла в роли воина. Никиас с его жуткой и странной магией единственный без всяких сомнений подходил на роль ее телохранителя, но и в самом Хароне ощущалась некая сила... Одно то, как легко он преодолевал расстояния, способный вызвать из недр Эллады самое опасное из созданий, позволяло чувствовать себя рядом с ним как за каменной стеной. Может, он равнодушен к Деми, как Кассандра, или ненавидит ее как Никиас и как те, что послали за ней эриний... но он сделает все возможное, чтобы выполнить свою миссию — сохранить жизнь той, что способна отыскать пифос.

Харон перенес Деми, Ариадну и Никиаса в город Элевсин, что находился неподалеку от Афин. Прямо к храму Аида. У подножья скалы вглубь уходили многочисленные ступени. Двое инкарнатов и один бессмертный направились туда, а Деми замерла на месте.

Своей архитектурой Элевсин мало чем отличался от Афин. Здесь было все то, что она видела в Акрополе: сложенные из белого камня храмы и здания с частоколом высоких колонн... Но что-то было не так, что-то саднило, зудело и беспокоило ее рассудок.

— Я помню этот город другим, — ощупывая взглядом пространство, сказала Деми.

— Каким ты его помнишь? — осторожно спросила Ариадна.

— Нам некогда заниматься вся... — начал Никиас.

— Разрушенным.

Харон с Ариадной переглянулись. Никиас с шумом вытолкнул воздух сквозь ноздри и облокотился на скалу, сложив руки на груди.

— Ты помнишь Элевсин другого мира, мира Изначального. Тот, что сейчас зовется Элефсис. Тот, от которого за давностью лет остались одни руины.

Они подошли к трещине в скале — черному провалу рта, в котором прорезались каменные зубы ступеней. Деми осторожно спустилась по ним, отчаянно пытаясь сосредоточиться не на мысли, что спускается в ад... то есть в царство мертвых, а на предстоящем деле. Ей выпала возможность вспомнить все... и больше не забывать. Навсегда избавиться от чувства, что она, потерянная, в одиночку блуждает в тумане, а порой — и вовсе в крошечной темноте.

Ступени привели ее в странное место, для которого земля Алой Эллады стала и небом, и потолком. Всюду голая выщербленная пустошь, будто ничто порожденное природой, даже камень, здесь неспособно существовать. Это было русло высохшей реки с перекинутым через

нее белым мостом, выточенным, казалось, из костей, сплавленных, слитых друг с другом.

Харон привел их к берегам исчезнувшего Стикса, по которому он когда-то вез людские души. На берегу, у торчащего из земли осколка колонны сидела завернутая в черный хитон женщина. Тонкая, едва ли не худая фигура, черные волосы... и ожоги, покрывающие неестественно белую кожу. Незнакомка, казалось, дремала, но как же преобразилось ее усталое лицо, когда она увидела Харона! Она поднялась, оправляя хитон, и ее черные, ясные глаза — самое прекрасное, что в ней было — заблестели.

— Привет, старушка, — с неловкой улыбкой поприветствовал ее Харон.

Деми остолбенела. Бессмертный перевозчик душ умел улыбаться!

— Зачем ты вернулся в царство Аида? — спросила она звонким голосом.

Деми послала своей вечной спасительнице (и осведомительнице) Ариадне вопросительный взгляд. Та, преисполненная печали, кивнула на дно усохшей реки, заставив Деми тихонько ахнуть. Если Мнемозина была и рекой, и богиней, выходит... перед ней стояла Стикс? Об этом говорили и ожоги, что появились на ее теле, вероятно, после того, как вскипели воды ее реки, и взгляд, обращенный на Харона.

Их многое, должно быть, связывало. По меньшей мере, века, которые Харон провел, перевозя людей через реку. И наверняка долгие, долгие разговоры.

Стикс не исчезла вместе с рекой, что являлась ее воплощением, но и прежней быть наверняка перестала. Какой она была раньше? Беспокойной, сильной, стремительной, как течение ее реки? И все жажда жизни в ней не угасла, а из глаз Харона при взгляде на нее не ушло тепло.

— Я привел Пандору.

Стикс сосредоточила на Деми живой, любопытный взгляд.

— Выходит, ты — одна из причин, по которой я потеряла свою реку и часть себя самой?

— Я... — Под давлением чужих взглядов в горле у нее пересохло. — Мне жаль, что так вышло.

— Одной жалости недостаточно. — Голос Стикс набирал силу.

— Я знаю. — Она вскинула голову, глядя в темные омуты глаз. — Поэтому я здесь.

Стикс вдруг расхохоталась смехом хриплым и рваным. Деми смутно различила в нем нечто похожее на одобрение.

— Реку ты мне, конечно, не вернешь, но на смерть Ареса я взгляну с удовольствием. Если ты вернешь нам Элпис...

— Верну.

Так уж вышло, что Деми — воплощение той *надежды*, что спрятана на дне пифоса. Она обязана верить в успешный исход войны.

Стикс покивала с беззлобной усмешкой.

— Да прибудет с тобой Тюхе, переменчивая/капризная богиня удачи...

Кивнув, Деми попыталась было пройти мимо нее, но ее остановило прикосновение обожженной, почти лишенной силы руки некогда самой жуткой и мрачной реки в Элладе.

— Мойры как никто другой знают о том, как часто один людской поступок способен повлиять на жизни других. Просто тебе не повезло, что последствия твоих действий столь сильно переменили наш мир.

Если бы тихие слова Стикс слышал Никиас... ему было бы, что сказать.

— Спасибо, — сглотнув комок в горле, прошептала Деми. — За то, что не ненавидите меня.

— Оставь ненависть молодежи, — колко рассмеялась Стикс. — Я для таких пылких эмоций слишком стара.

— Вот еще что, — улыбнулся Харон.

Деми как замороженная уставилась на его улыбку.

— Пойдем дальше, — шепнула тактичная Ариадна. — Он присоединится к нам позже.

Никиас направился вперед первым, то ли желая уберечь спутниц от возможных угроз, которые могли ждать их в царстве мертвых, то ли торопясь оставить позади сцену воссоединения двух старых знакомых.

Деми направилась следом, задумчиво глядя вперед. Смертным, которые живут лишь несколько десятилетий, порой тяжело сохранить связывающие их узы нетронутыми. Те кратковременны, слабы и тонки, словно паутина Арахны. Людям стоило бы поучиться у бессмертных, что пронесли свою дружбу сквозь века.

Глава четырнадцатая. Река памяти, река забвения

Мост через пустошь, когда-то бывшую рекой Стикс, вел к огромным, распахнутым настежь вратам. Именно на них Деми старательно фокусировала взгляд, чтобы не замечать, что в их с Ариадной и Никиасом шествие по мосту затесались духи.

От них, бессловесных, призрачных, веяло могильным холодом. Сквозь полупрозрачные, словно подсвеченные голубым, тела Деми видела каждую царапину на костяном мосту, каждую выбоину. Уговаривала себя не поддаваться ужасу, который сделал ватными ее ноги. Сосредоточившись на том, чтобы идти размеренно и твердо, как Ариадна, а не нестись вперед, не сразу заметила, что духи огибают Никиаса, словно безотчетно желая сохранить дистанцию между собой и ним.

Хотела бы она знать причину. Хотела бы она видеть сейчас его лицо, а не спину, чтобы понять по глазам или, быть может, стиснутым зубам и желвакам, играющим на скулах, что *он* знает причину. Ее мысли, описав круг, вновь вернулись к маске, прикрывающей половину его лица. Что же могло скрываться под ней?

Еще издалека Деми разглядела очередное испытание на прочность для ее силы духа. Она не знала, любит ли собак или кошек, но была уверена: *этого* пса не любил никто. Потому что у него на спине причудливой гривой танцевали змеиные головы, и хвост тоже оказался змеиным. Потому что его огромное, как у лошади, черное тело венчали сразу три головы. Как раз по одной зубастой пасти на каждого из непрошенных гостей.

«Цербер», — слабея, подумала Деми.

Стража врат в царство мертвых и сына чудовищного великана Тифона и полуженщины-полузмеи Ехидны легко мог узнать даже ее искаженный разум.

— Мы пойдем прямо туда, да? — севшим голосом спросила она.

Никиас едва слышно фыркнул, но не счел нужным отвечать. Ариадна сжала ее руку.

— Разве Геракл не победил Цербера?

— Не совсем так. Он должен был лишь его похитить. Убийство Цербера означало бы нарушить важный принцип мироздания, нарушил бы саму структуру мира, ведь тогда некому было бы охранять врата в царство мертвых. На самом деле было так...

— Началось, — страдальчески протянул Никиас.

Деми практически *слышала*, как он закатывает глаза.

— Укрощение Цербера было одиннадцатым подвигом Геракла. Он отыскал Цербера на берегу еще одной подземной реки, Ахерон, реки боли и скорби, напал на него безоружным и, даже укушенный его хвостом, держал мертвой хваткой, пока Цербер не потерял сознание. А затем привел, полузадушенного и опутанного цепями, в Микены, чтобы показать царю Эврисфею.

— А тот струсил и велел вернуть Цербера назад, — неожиданно вклинился Никиас — видимо, горя желанием выразить свое негодование. — А ведь мог сковать его чарами и сделать своим сторожевым псом.

— Так и видишь себя с Цербером на поводке? — фыркнула Деми.

Поежилась — сложившаяся картина вызывала мурашки, даже оставаясь лишь в воображении. Наглухо закрытая фигура в черном и трехголовый черный пес величиной с лошадь...

— Я бы, пожалуй, не отказался.

Улыбка тронула губы Ариадны.

— Боюсь, ты опоздал. Наученный горьким опытом, обмануть себя Цербер больше не позволит. Сами посудите: Орфей заморозил гончую Аида прекрасной музыкой, чтобы вернуть свою покойную жену... И вернул бы, если бы не нарушил условие Аида и не оглянулся назад — убедиться, следует ли за ним Эвридика. В наказание она так и осталась заточена в царстве мертвых...

— Эней, троянский принц, который отправился в царство мертвых, чтобы узнать, где построить новый город троянцев, прокрался мимо Цербера, накормив его медовыми лепешками, пропитанными вином из снотворной травы, — подхватил Никиас.

— Выходит, Цербера сумели обмануть трижды?

Вот тебе и грозная адская гончая с гривой из гадюк...

— Видимо, наличие целых трех голов ума не гарантирует, — хмыкнул Никиас.

Невольно улыбнувшись, Деми задержала на нем взгляд. Стоило признать, ей нравилось, когда он, забывая о своем долге отгородиться ото всех вокруг, становился таким... непосредственным. Словно обнажая настоящего себя.

Время для улыбок прошло, когда костяной мост с бредущими по нему духами остался за спиной. Призрачные тела прошли сквозь возвышающуюся над ними скалу, не дрогнув. Что до Ариадны, Никиаса и Деми... им пришлось остановиться.

То, что на расстоянии Деми приняла за статую, оказалось человеком, приросшим к скале. Это был Пирифой, царь лапифов, века назад наказанный самим Аидом за то, что пытался похитить из царства мертвых его жену, Персефону. И если Тесея, его сообщника, освободил Геракл, то вызволять Пирифоя запретил сам Зевс.

Проведенные в царстве мертвых столетия превратили царя лапифов, когда-то обычного смертного, в камень. Глазные яблоки под каменными веками не шевелились, но Ариадна утверждала, что Пирифой все еще жив. И жить будет вечно. Деми вздрогнула. Богам подвластно превратить дар вечной жизни в страшное наказание...

Врезанные в скалу гигантские врата охранял... Цербер. В глазах гончей Аида полыхало пламя, изо рта капала ядовитая слюна. Кончик змеиного хвоста был поднят над головой и нацелен на чужаков — исключительно немертвых.

Трехголовый пес не рычал. Ему это и не требовалось, чтобы быть устрашающим. Когда он обнюхивал Деми тремя парами ноздрей, она была близка к тому, чтобы стремглав броситься прочь. Вместо этого замерла, ни жива, ни мертва, и лишь тихо, размеренно дышала.

— Может, надо что-то сказать? — пискнула она. Собственный голос едва ее слушался.

Ариадна покачала головой, глядя на огромного пса чуть ли не с умилением. Того и гляди — начнет чесать его за ушком. За одной из трех пар ушей.

— Он чует наш запах не так, как обычные псы. Или люди. Или кто-либо еще. По нему он поймет, зачем мы пришли в царство мертвых.

Вероятно, ничего дурного в их намерениях Цербер не обнаружил. Тяжело шагнул в сторону, пропуская их вперед. С оглушающим грохотом врата распахнулись перед гостями Аида.

Однообразный пейзаж — скалы, ущелья и мертвые пустоши, глаз не радовал.

— Подумать только, — восторженно выдохнула Ариадна после нескольких минут молчаливого пути, — мы увидим саму Мнемозину!

— Ты прямо горишь желанием с ней встретиться.

Приятно было видеть Ариадну такой вдохновленной. Жаль, Деми не могла разделить ее восторг — любые эмоции сейчас заглушало волнение. Каков будет итог этой встречи? Смогут ли Кассандра с дельфийской сивиллой подобрать к ее памяти ключи?

— Мнемозина — не просто титанида[1] и воплощение памяти. Она — та, что породила науку историю, что дала названия предметам и явлениям и упорядочила их. Она открыла для нас знания и позволила хранить их в наших головах. Благодаря ей Грецию и Алию Элладу населяют по-настоящему талантливые люди.

Деми, не сбавляя шага, послала ей вопросительный взгляд.

— Талантливые? Но как богиня памяти может влиять на талант?

Глаза Ариадны заблестели.

— А ты знаешь, что...

— И... вот опять, — протянул Никиас.

Деми даже позволила себе мимолетно улыбнуться, не привлекая его внимание, чтобы не дать вспомнить, что он должен ее ненавидеть.

— ... плененный красотой Мнемозины, Зевс превратился в пастуха и провел с ней девять ночей? От этого союза у титаниды родились девять дочерей, повелительниц искусств, наверняка тебе известных.

— Музы — это дочери Мнемозины? — удивилась Деми.

Каллиопа, муза эпической поэзии и красноречия, что изображалась с восковыми табличками и стило в руке. Эвтерпа, муза музыки и лирической поэзии, по обыкновению сжимающая в руках флейту. Эрато, музу любовной поэзии, изображали с кифарой, струнным щипковым музыкальным инструментом, Талию, музу комедии — с комической маской и венком из плюща. Похожей изображали и Мельпомену, ее противоположность, музу трагедии. Только ее маска была трагической, а венок — сплетенным из виноградных листьев. Дочерью Мнемозины, вероятно, была и Терпсихора, муза танца, часто запечатленная с лирой в руках в танцующей позе, и Клио, муза истории, что держала свиток из папируса или футляр для древних свитков, Урания, муза астрономии, с глобусом и циркулем в руках, и Полигимния — муза религиозных гимнов с мечтательным, задумчивым выражением лица.

— Верно, — с заговорщицким видом отозвалась Ариадна, будто открывая ей некий особенный секрет.

Теперь стало ясно, отчего она — тонко чувствующая, начитанная и эрудированная, с таким нетерпением ждала встречу с Мнемозиной. Если бы Деми не находилась среди богов и наделенных божественным благословением инкарнатов, можно было представить Ариадну фанаткой, страстно желающей познакомиться со своим кумиром.

Рядом с одной из пещер, вход в которые «выели» подземные реки — Ахерон, Кокитос и Флегетон — им встретилась миловидная девушка, что держала в руках серебряный поднос с крохотные пирожные с красной посыпкой. Странно было увидеть подобное здесь, в царстве мертвых.

— Ох, какие лучезарные девушки, и в таком мрачном месте, — всплеснула рукой незнакомка. — Не хотите ли сгладить горечь от лицемерия царства Аида, и отведать фруктовых пирожных?

Рука Деми сама собой потянулась к ним, мгновение спустя Ариадна отзеркалила ее жест. Насладиться неожиданными яствами помешал Никиас, бесцеремонно, хоть и легонько

ударивший обеих по рукам.

— Ты почему дерешься?

Он закатил глаза.

— Пирожные с гранатовыми зернами. А это — Каллигения, одна из нимф Персефоны.

Незнакомка скривилась и отбросила в сторону поднос. Из-за скальной гряды вышла высокая, молодая девушка с волнистыми волосами каштанового оттенка, отдающими в рыжину.

— Простите мне мою шутку, — смиренно сказала красавица, глядя на них честными большими глазами.

Виноватой при этом она не выглядела.

— Шутку? — медленно переспросила Ариадна. — Что случилось бы с нами, отведай мы гранатовых зерен, как когда-то и ты, Персефона? Разве Аиду нужна новая жена?

Теперь Деми вспомнила. По легендам и мифам, божественные законы гласят: любой, вкусивший пищи в царстве мертвых, обязан туда вернуться. Персефона, отведав шесть зерен, обрекла себя на шесть из двенадцати месяцев в году, которые она должна будет провести в царстве Аида, на троне рядом с ним.

И сейчас богиня царства мертвых, на заре времен похищенная из царства живых, стояла прямо перед Деми. Однако после встречи с горгоной, духом дельфийской сивиллы, жуткими эриниями во главе с Аллекто, гекантохейром и Цербером, она, кажется, утратила способность удивляться. Изменится ли что-то, когда начнется следующий день, а память сотрет минувшее, перемелет его в жерновах, превращая удивительные события в сухие факты о мире, что ее окружал?

— Не кривите губы и не хмурьтесь! — игриво произнесла Персефона. — Вы бы просто ненадолго стали моими нимфами и остались бы здесь, со мной. Бегали со мной вдоль рек, собирали мертвые цветы... В моем царстве так мало развлечений, а души такие... скорбные! Все плачут и плачут о своей тяжелой доле.

— А как же твои подруги? — сухо спросил Никиас. — Что, недостаточно тебя развлекают?

Персефона с нежностью взглянула на нимфу.

— О, я люблю их, ровно так же, как они меня. Но люди такие занятные, а мне почти не выпадает шанса за ними наблюдать!

— И потому вы, — обращаться на «ты» к богине заставить себя Деми не могла, — делаете то же, что когда-то совершили с вами — похищаете их, принуждаете их быть вашими собеседниками, держите их в неволе.

Озорное выражение исчезло с лица Персефоны так быстро, словно его смыло водой. Сквозь личину жизнерадостной проказливой девушки проступила ожесточенность молодой женщины, однажды вырванной из родного мира, запертой в мире мертвых и вынужденной стать его королевой. Деми вздрогнула и подавила желание отшатнуться.

— Как хотите, — тоном, не предвещающим ничего хорошего, бросила Персефона.

— Идем, — вполголоса сказал им Никиас. Добавил еще тише: — И, желательно, побыстрее.

Уговаривать Деми было не нужно. Схватив Ариадну за руку — для надежности и успокоения, она торопливым шагом направилась вперед. И могла поклясться, что до последнего ее преследовал взгляд Персефоны.

— Я представляла Персефону другой, — призналась Деми, когда, к ее облегчению,

владычица царства мертвых осталась позади. — И эта ее странная перемена...

Ариадна помрачнела.

— Говорят, та двойственность, что стала неотъемлемой частью жизни Персефоны, сказала на ее... м-м-м... рассудке.

Она не могла не измениться, из богини весны, изящной и легконогой, превратившись в богиню царства мертвых. Теперь весну миру без солнца дарила уже не она. Вот только то место, что когда-то служило Персефоне тюрьмой, по прошествии веков стало ее домом. Как это случилось? Сколько времени прошло, прежде чем ненависть к похитителю сменилась любовью? Прежде чем сгладились выросшие в ней шипы? Правильно ли то, что Персефона в конце концов не просто смирилась, но и обратила случившееся себе во благо? И из пленницы, что криками отчаяния и гнева оглашала стены подземной тюрьмы, стала владычицей собственного царства?

Быть может, и бессмертным богам порой приходится быстро взрослеть.

А что бы Деми сделала на месте Персефоны? Сопротивлялась бы до последнего, пока за весной приходила весна? И сколькими годами измерялось бы это «до последнего»? Но чтобы ответить на этот вопрос, хорошо бы знать саму себя.

Образ Кассандры, Никиаса, Харона, Доркас и Ариадны складывались в ее голове словно гобелен, сотканный из разноцветных нитей. Каждое неосторожное или взвешенное слово, каждый брошенный прямо или исподволь взгляд, каждый импульсивный или обдуманый поступок. Но стоило только заглянуть внутрь себя, чтобы разглядеть собственные нити, зрение начинало подводить. И без того туманный, образ расплывался, не проявляя ни единой четко различимой черты.

Она не понимала себя. Не понимала и того, что, глядя на нее, видели другие? С внешностью все просто: стройная девушка с блестящей темной копной волос и карими глазами. Но что люди думали о ней самой? Какая она для них?

— Никиас, — тихо позвала Деми. — Спасибо, что уберег.

Он, конечно, тут же ошетинился. Бросил что-то про «цель» и про пифос. Но на короткое мгновение Деми сумела увидеть его безо всей этой брони из плотно подогнанных друг к другу слоев отчужденности или неприязни. Уголок губы Никиаса дернулся, и он готов был уже улыбнуться. И пусть этого так и не случилось, завтра, когда Деми проснется, не помнящая ни мир, ни себя, его образ в ее голове будет соткан из не столь мрачных и жестких нитей.

А еще в ее голове мелькнула странное подозрение, что Никиас *принуждает* самого себя ее ненавидеть. Ведь тем людям, мысли о ком пропитаны ненавистью, не посылают улыбок.

Деми и сама не заметила, как они добрались до Мнемозины... и Леты. Две находящиеся рядом реки разительно отличались от Стикс — впрочем, как и от обычных, *живых* рек Греции. Ни течения, ни солнечных бликов, потому что солнца в подземном царстве не было тоже. Вместо его лучей — туманная хмарь, сквозь которую из ниоткуда пробивался колдовской свет. Казалось, существовал он здесь лишь для того, чтобы царство Аида не потонуло в вечном мраке.

На мгновение Деми представляла, что это Персефона все же принесла весну с собой в царство мертвых, а с ней — и свет мира живых. Истина наверняка прозаичнее, но спрашивать она не стала. Иногда лучше оставить место для тайны — чтобы, услышав правду, не разочароваться в ней.

В пещере, через которую протекали Мнемозина и Лета, возвышался каменный трон. На нем восседала богиня памяти — статная, величественная, со спокойным и мудрым взглядом и собранными в элегантную прическу светлыми волосами. Ариадна и Никиас поклонились ей. Деми, что несколько секунд смотрела на Мнемозину широко раскрытыми глазами, опомнилась и повторила их жест.

Запинаясь от волнения, Ариадна объяснила цель их визита. Пока она говорила, из реки вышла худая девушка с прилипшими к спине темными волосами. В глазах ее застыла тревога, а пальцы нервно комкали ткань пурпурного пеплоса. Дочь богини раздора Эриды, Лета не являлась сестрой Мнемозине, и внешностью, и повадками была полной ее противоположностью. Но они — забвение и память — были двумя частями единого целого, как жизнь и смерть, как день и ночь, и не могли существовать друг без друга.

Богиня забвения замерла за спиной Мнемозины. Стояла, растерянно озираясь по сторонам. Деми с щемящей тоской видела в ней свое отражение. Так она смотрела на мир, пробуждаясь по утрам. Носительница странных чар, чьи воспоминания канули в Лету.

— Я не умею заглядывать в человеческие души, не умею читать прошлое или провидеть, — негромко, но веско сказала Мнемозина. — Однако я умею помнить. И я помню тебя.

— Жаль, я забыла, — прошелестела Лета.

— Ты приходила ко мне. К моей реке, к моим водам. Не знаю, что это был за ритуал, но для его совершения требовалось не просто выпить из Леты, а окунуться в нее. Видится мне, чтобы впечатать в твою душу силу забвения. Ты сделала требуемое, а затем, когда, как и все прочие, была потеряна, тебя увели.

Деми подалась вперед, жадно вглядываясь в лицо Мнемозины.

— Я была не одна?

— Окунись *она* в мои воды, я бы могла сказать больше. А так моя память ничего о ней, кроме внешней красоты, не сохранила. Знаю лишь, что весь этот ритуал был продуман *ею*. *Она* командовала тобой, вела себя как царица.

— А я?..

— Ты выглядела как человек, охваченный безграничным отчаянием. Тот, что потерял, казалось, все. Все, кроме воспоминаний, но и их вскоре ты отдала.

Тишина сгустила воздух между ними, сбила его в плотную гущу, как молоко.

— Одно мы теперь знаем точно, — хрипло сказала Деми. Обращалась она не к Никиасу, который наверняка торжествовал, упиваясь собственной правотой. Скорее, отвечала на вопрос, что мысленно задавала себе совсем недавно, чувствуя в горле ядовитый привкус горечи. — Я трусиха. Я по собственной воле избавилась от воспоминаний и сбежала в другой мир.

[1] Титаны — в древнегреческой мифологии божеества второго поколения, дети Урана (неба) и Геи (земли).

Глава пятнадцатая. Порченная

Как она могла так поступить? Душу жгло изнутри, но глаза оставались сухими. Слезы выжгла волной поднявшаяся изнутри и захлестнувшая ее злость.

— Не вини себя, — мягко сказала Ариадна.

— Только себя мне винить и надо.

Говорят, воспоминания о собственных ошибках ранят. Зудят, как незаживающий шрам. У каждого есть о чем вспомнить бессонной ночью, отчего на себя досадовать. Но Пандора, что жила свою первую, богами дарованную жизнь, могла хоть что-то сделать. Исправить содеянное, хотя бы попытаться его изменить. Даже не зная об оставшейся на дне пифоса надежде, она должна была обивать пороги божественных домов Олимпа и умолять богов ей помочь.

А вместо этого она просто... сбежала.

Деми ждала слов Никиаса — болезненных ударов хлыста, посоперничать с которыми могли разве что плети эриний. Он молчал, и за это она была ему благодарна. Ей достаточно и собственного презрения. Выдержать чужое сейчас просто не хватило бы сил.

Понимая важность ритуала памяти, Мнемозина отдала не только воды из своей реки, но и собственную — божественную — кровь. Одну каплю, брошенную в фиал. Однако капля эта сияла словно само солнце.

Стикс и Харон все так же беседовали на берегу высохшей, выжженной реки. Что-то в глазах Деми стерло с лица перевозчика душ улыбку. Он попрощался со старой подругой, мимолетно, но нежно сжав ее ладонь.

— Получили то, что нужно?

— Да. Получили.

Больше никто из них не заговаривал. Деми уцепилась за перевозчика душ, желая как можно скорее покинуть царство мертвых и отчаянно не желая смотреть никому в глаза — ни Стиксу, ни Ариадне, ни даже Никиасу.

Всем тем, кого подвела.

Харон перенес их в Акрополь, и Ариадна, бережно сжимая в руках хрупкий сосуд с водой и кровью Мнемозины, поднялась по ступеням пайдейи. Деми поотстала. Она шла, едва передвигая ноги, как вдруг услышала пронзительный вскрик. Сердце сжалось от недоброго предчувствия. Деми задержалась на лестнице, выдохами отсчитывая мгновения. Она уже струсилась однажды, не желая отвечать за свой поступок, который привел к катастрофе. Достаточно.

Деми протиснулась мимо Никиаса, который шел за ней по пятам, и, оставив без внимания его окрик, сбежала по ступеням.

В свете молниевых и огненных фонарей, что разбавляли сгустившийся над городом сумрак, Деми увидела эллина... и наплывающую на него тень. Она была похожа на оживший кошмар, на холодное черное пламя — или дым, оставшийся после него. Тень не имела человеческих очертаний, лишь легкий намек на тело и голову. Конечностями ей служили рваные лоскуты, бахромой окаймляющие подобие туловища. Она объяла эллина и жадно его поглотила, заглушив новый сорвавшийся с его губ крик. Эллин захрипел, царапая руками горло, упал навзничь и затих.

Деми ожидала, что спустившийся следом Никиас бросится на атэморус, но он черной

стеной встал перед ней, заслоняя ее от угрозы. Может, рассудил, что в Акрополе было кому сражаться, а его главная задача — сохранить ей жизнь. Сохранить, не расплескав, запертый пифос с воспоминаниями.

Искры высыпали из Гефестейона на площадь. Одна из них сжимала в руках «молнии Зевса», другой — лук, третий — прозрачные сферы с теснящимся внутри огнем или ослепительным светом. Огненные стрелы, будто благословленные самим Гефестом и поцелованные Артемидой, отправились в полет. Пронзали атэморус, оставляя в нем дыры размером с обол[1]. Те затянулись бы — сама сущность духа порождала тень из тени, — но их разъели пущенные в тварь искрящиеся солнечные диски Гелиоса.

Атэморус взорвался изнутри пропитавшим его поры светом. Отравился им, ползущим по венам, обжегся. Но в какую бы тьму ни низвергли его орудия Искр, эллина он, взорвавшись, забрал с собой. Словно остекленевшая, Деми смотрела, как кера, что появилась лишь мгновениями раньше, улетает прочь с его душой.

Этот человек сейчас брел по царству Аида, из которого они только вернулись. Месяцы, года или десятилетия спустя он переродится. Станет инкарнатом, не знающим, не помнящим своих детей и жену, своих мать и отца или своих — прежних — сестер и братьев. Кто бы ни был ему близок, он оставил их здесь, в этой жизни. *Все*, что у него было, осталось в прошлом.

«Я забуду это с наступлением рассвета. Это хорошо — для меня. А для него справедливо?»

Ариадна, спустившись вниз, обнаружила Деми глядящей в пустоту перед собой, где уже не было ни эллина, ни керы. Тронула за плечо, но она не отозвалась. Тьма вихрилась внутри, разъедающая душу, как солнечный свет — атэморус.

— Я хочу узнать о них больше, — выпалила она.

— О ком? — не поняла Ариадна.

— Об атэморус. И о том, как им противостоять. Я могу получить те маленькие плоские солнца, диски Гелиоса? Когда Доркас сегодня учила меня обращаться с освященным божественной силой оружием, их она мне не дала.

— Потому что их у нас наперечет. Поцелованные Артемидой стрелы мы собираем на поле боя и вкладываем обратно в колчаны. Их неспособно сломать даже столкновение со сталью и гранитом. Любой огонь, однажды зажженный, уже несет в себе силу Гефеста. Мечам и щитам, благословленным Афиной, не грозит раскол даже спустя тысячелетия. А вот сила, заключенная в сферах Гелиоса, имеет свойство иссякать, тогда как атэморус — поглощать ее... Пусть это и последнее деяние в их никчемной жизни.

Деми покусала губы. Выходит, и впрямь, свет — самое действенное оружие против атэморус. Может, еще огонь, но с ее нерасторопностью и бесталанностью пламени ей лучше не касаться.

— Дайте мне хотя бы пару этих дисков. Научите владеть ими — так, чтобы не расплескивать лишнего.

Она искоса взглянула на Никиаса — станет ли чинить ей препятствия? К сожалению, по одним глазам иногда было невозможно разглядеть его мысли.

— В твоих интересах, чтобы я была более... защищенной, — с нажимом сказала она.

— Деми права, да и атэморус отчего-то зачастили в Акрополь, — подала голос Ариадна. — Может, их как магнитом тянет к себе та, что когда-то подарила им свободу? Тогда Деми тем более не помешает любая защита.

Деми поежилась — не хотелось ей быть магнитом для атэморус, — выжидающе взглянула на Никиаса. «Ну давай же, преодолей свое презрение ко мне хоть на минуту. Ты же знаешь: по разным причинам, но это нужно нам обоим».

Ему нужна была гарантия, что она проживет достаточно, чтобы успеть отыскать пифос. Деми нужно было научиться помогать другим. Это ее лекарство от гложащей изнутри вины. Ведь одним тем, что она выпустит из пифоса Элпис, она не заслужит право себя простить.

— Идем, — бросил Никиас.

И зашагал первым. В Гефестейон с ними Ариадна не пошла.

— Мне нужно передать флакон с кровью Мнемозины Кассандре.

Что-то подсказывало, это не единственная причина. Ариадна намеренно избегала Гефестейон.

— Она хоть раз брала в руки оружие? — спросила Деми, задумчиво глядя ей вслед.

— Ариадна? — хмыкнул Никиас. — Да она скорей обольет себя кислотой. Она не приемлет насилие, даже оправданное. Хотя для нее, наверное, «оправданное насилие» — как вы это говорите? Нечто несовместимое...

Деми кивнула, поняв его без лишних слов.

— Оксюморон.

Вслед за Искрами — разгоряченными боем, раздосадованными тем, что подоспели слишком поздно и не смогли предотвратить чужую смерть — они вошли в Гефестейон. Несмотря на ночь, что подступала ближе с каждым мгновением, храм бога огня был полон эллинов. Одна из Искр с возбужденным взглядом и босыми ногами расспрашивала остальных о том, что произошло.

Увидев Деми, Доркас тут же направилась к ней. Подойдя, небрежно обронила:

— О, тут за тобой опять тень увязалась. Или большой черный хвост.

— Да ты никак училась остроумию у самой Афины, — не остался в долгу Никиас.

На этом обмен любезностями, к счастью, закончился. Слишком много чувств бушевало у Деми внутри, чтобы приплетать к ним чужие эмоции и переживания. Однако искаженная магией память и без того сужала ее мир, обтесывая его по краям. Чтобы быть со всеми наравне, Деми нужно было иметь ясное, всеобъемлющее понимание того, что происходит вокруг нее. Потому, когда Никиас отошел к оружейной стойке, нарочито показывая, насколько ему неинтересен разговор с Доркас, Деми спросила:

— Почему вы с Никиасом никак не можете поладить?

И память, и некое шестое чувство подсказывало: так было всегда.

— Потому что я потратила несколько лет жизни на то, чтобы стать той, кто я есть. Годами завоевывала признание Геи, разжигая в себе искру дара до обжигающего костра. Оттачивала свое мастерство и умение слышать землю, впитывать ее силу каждой порой... Да я даже начала ради этого ходить босиком! Думаешь, это так приятно, особенно в холода?

Деми закусила губу, скрывая улыбку.

— А он...

— А он что?

— Говорят, Никиас обратился к темному колдовству, чтобы завладеть разрушительной силой. Что след этой противоестественной силы навеки отпечатался на его лице. Вот почему он носит маску. Он скрывает эти следы, может, даже стыдится их... но охотно пользуется силой, которой его одарили.

«Так уж ли охотно?», — подумала Деми, но вслух спросила иное:

— Кто одарил?

Доркас пожала плечами.

— Кто-то говорит, что Ехидна — богиня самых страшных монстров Алой Эллады. Цербера, Лернейской гидры, Гесперианского дракона, Сциллы — той, что вместе с чудовищной Харибдой топила корабли и убивала моряков. Кто-то, что сама Геката — богиня ночи и некромантии. Всей правды я не знаю...

— Откуда тогда тебе знать, что это правда? — сухо спросила Деми.

Доркас изумленно воззрилась на нее.

— Ты что, его защищаешь? *Его?*

Деми окинула взглядом черную фигуру, полумаску, что скрывала молодое лицо. Когда человек выглядит *так*, можно поверить в любые, самые сумасшедшие домыслы. И все же верить она не спешила.

— Я представить боюсь, что в Алой Элладе говорят про меня. Что я — монстр в человеческом обличье. Что я питаюсь страданиями людей. Что, натравливая на мир атэморус, я помогала Аресу. Истину не знаю даже я сама, но отчаянно надеюсь, что ничего из этого ею не является. И даже если то, что говорят про Никиаса — правда... Я открыла пифос, Доркас, а потом сбежала и заставила себя обо всем забыть. И если уж я совершила подобную ошибку... Я никого и ни в чем не могу винить. Кроме, разве что, самого Ареса.

Искра Геи молчала, хмуро глядя в сторону. Потом нехотя сказала:

— Может, ты и права. Но не жди, что я резко воспылаю любовью к Никиасу.

— Не буду, — с тихим смешком заверила Деми. Помолчав, спросила: — Вы часто сражаетесь с атэморус, верно?

Доркас скривилась.

— Большинство Искр все же недостаточно сильны, чтобы сражаться в Эфире наравне с богами. Там мы скорее помеха, чем подмога, а Аиду вряд ли так уж нужен бесконечный поток душ. Так что да, наша битва проходит здесь.

— Расскажи мне о них. Не о богах — об атэморус.

— Странный выбор, — хохотнула Доркас. — Я бы на твоём месте выбрала богов. Ну что же... На заре времен их называли даймонами, что значило «духи», но это название не прижилось. Когда на мир обрушились беды, имя Атэ[2] упоминалось чаще всего. Одни думали, это она нас прокляла. Другие — что темные духи, терзающие нас — это и вовсе растерзанная на части богиня бедствий. Третьи — что она шествует по миру под руку с Моросом[3], чтобы стереть всех нас с лица земли. Говорили, что спасения не будет. Так появилось их имя.

Искра Геи не привыкла долго молчать, а потому такой странной, настораживающей показалась повисшая вдруг тишина. Деми поняла вдруг, что Доркас избегает встречаться с ней взглядом.

— Говори, — тихо, но твердо произнесла она.

— Один из оракулов поведал, что пифос был вручен Пандоре Зевсом. Самое плохое в мире, все болезни и беды, запирали в этот сосуд, едва оно породилось.

Вот что люди думали о ней... Вот кем они считали Пандору. Хранительницей пифоса с бедами...

— Но почему тогда хранить его доверили даже не Эпиметею, титану, а смертной?

— Потому что беды появились на Земле, лишь когда было создано человечество. Боги верили, что люди их и породили, и хотели, чтобы мы были за них в ответе.

Деми тяжело сглотнула. Она не справилась с ролью, которую уготовил для нее Зевс.

— Думаю, ты уже поняла, — спеша поменять тему, быстро проговорила Доркас. — атэморус воплощают собой человеческие чувства, состояния и даже поступки. Все то плохое, темное, что связано с людьми. Они могут наслать болезнь, причинить боль и страдания, свергнуть в пучину печали, гнева и отчаяния, довести до безумия и бешеной ярости, заставить предать друга или даже толкнуть на убийство. Но на подобное способны лишь самые сильные из них.

Чувствуя подкатывающую к горлу тошноту, Деми все же старательно запоминала имена атэморус. Гибрис, Алгеи, Nikeи, Носои, Фонос... О части из них кто-то наверняка когда-то ей говорил, но кто?

Их разговор прервало появление Никиаса. В руках он держал сверкающую сферу.

— О, ты решила овладеть сферами Гелиоса? Я думала, мы обе пришли к выводу, что божественное оружие — не твое. И ты ни разу не воин.

— Спасибо, что напомнила, — буркнула Деми, заморожено глядя на источающий свет колдовской сосуд. — Но я могу все-таки попытаться им стать. В моем мире есть люди, что, обладая телами с дефектами, изъянами, становятся чемпионами. Упорство и сила воли приводят их к победе там, где подводит сама природа. Если они смогли, то и я научусь такой малости, как высвободить из сосуда божественный свет.

— Конечно, научишься! К тому же, пользоваться ими очень просто, — обнадежила ее Доркас. — И безопасно — не порежешься, как мечом или кинжалом, и не обожжешься, как пламенным мечом.

Она кивнула на Искру лет двенадцати. Ее ладони были обожжены, лицо сморщено от боли, но юная Искра изо всех сил старалась не заплакать. Пронзил укол стыда от воспоминания, что на тренировках в начале этого долгого дня Деми была беспомощна, словно котенок.

— Достаточно сжать сферу в ладонях и призвать свет из ее сердцевины, — не давая Никиасу и слова вставить, поучала Доркас. — Как только части сферы разойдутся — ну знаешь, как половины скорлупы разбитого яйца, твоя задача — выплеснуть свет в верном направлении.

Доркас проиллюстрировала свои слова на одном из сосудов, озарив фигуру Деми солнечным светом. Это был не просто свет — божественная сила, воплощенная в жидком золоте.

— Больно, — прошептала Деми, ощущая на коже крохотные искры, что битым стеклом впивались ей в кожу.

Искра Геи рассмеялась.

— Доркас, больно!

— Она не шутит, дура!

Никиас подлетел к Доркас, словно черная молния, и выбил сферу из ее рук. Та со звоном покатила по полу, будто крика было недостаточно, чтобы привлечь к ним внимание всего Гефестейона. Все взгляды сошлись на Деми, будто притянутые магнитом. И они, как и заточенная в сфере магия Гелиоса, обжигали.

Отчаянно хотелось закрыть лицо руками, чтобы спрятаться от этих взглядов и скрыть пылающее лицо. Деми с трудом себя переборола.

— Не понимаю, — пробормотала растерянная Доркас. — Что сейчас произошло?

— Может, вместе с дарами, которыми тебя при рождении наградили боги, они отобрали

что-то еще? Или, напротив, одарили проклятием? Чтобы никакое божественное благословение, никакая, даже самая крохотная искра их магии не смогла больше коснуться тебя?

Искра, которая обращалась к Деми, носила лук на спине, кожаные доспехи на теле и высокомерие на лице. Она даже вспомнила ее имя — София.

На смену тишине тотчас пришли шепотки. Хотела бы Деми выстроить в сознании стену, поднять ментальный щит, но была слишком опустошена. Каждый шепот занозой вонзался под кожу. Каждый оставлял внутри след — не рану, но болезненную царапину.

«Порченная, отвергнутая богами Пандора, наказанная за то, что наслала на людей беду».

Деми трогала щеку, ожидая нащупать кончиками пальцев волдыри. Кожа была гладкой — боль шла откуда-то изнутри и исчезла, как только щеки перестал касаться божественный свет.

— Выходит, и сфер Гелиоса в руках я держать не смогу. И огонь Гефеста, — надтреснутым голосом сказала она. — А от дыхания бога, наверное, и вовсе загорюсь.

Стоило бы спрятать свою горечь, но та уже просто не помещалась внутри, переливаясь через край.

Будь здесь Ариадна, утешила бы. Но Доркас была иной. Она схватила Деми за руку повыше локтя, стиснула своей, таящей внутри божественную силу, а потому крепкой и сильной, как у взрослого мужчины. Прошипела на ухо:

— Не показывай им свою слабость, не позволяй ею упиваться. Иначе придется расплачиваться за каждый изъян. Обнаружат в тебе трещину — будут тыкать своими грязными пальцами, пока не расковыряют до размеров пропасти. В ней и сгинешь. Поверь мне — я, Искра богини земли, знаю толк в щербинках, разломах и трещинах.

Деми медленно, с усилием, кивнула.

Пока не получалось загнать внутрь боль и горечь, залатать червоточину и сделать каменным лицо. Но она будет учиться — у той, что сама прошла через подобное.

— Мне пора. Но я приду к тебе в Гефестейон завтра, ладно? Просто... понаблюдать.

Доркас отстранилась с улыбкой сытого кота и наконец отпустила ее руку, которая уже понемногу начала неметь.

— Разумеется. Мне есть, что тебе показать.

В пайдейе Деми оставила самой себе записку (если можно назвать так послание, выведенное в зачарованном дневнике) — навеститься к Доркас. Искру Геи она вспомнит, едва увидев ее имя. С этим ее память еще справлялась.

С обреченность поднимающегося на эшафот Деми ждала, когда в пайдейю вернется Кассандра. Подступала полночь, и чары забвения понемногу стирали из ее памяти следы прожитого дня. На сей раз она, пожалуй, совсем не против забыть и жутковатую горгону, и гекантохейра с эриниями... и, в большей степени, жалящие, пусть и правдивые, слова и открывшуюся о ней правду.

И пускай это походило на акт мазохизма, Деми в подробностях записала все. Завтра будет тяжело. Будет больно. Но она должна помнить о себе все. Должна. Чтобы и дальше внутри разгоралась решимость стать другой. Непохожей на ту глупую, импульсивную Пандору, разгневавшую богов и ими же проклятую. Содеянного не изменить, но *она* может измениться.

Деми перечитала старые записи, и на глаза навернулись слезы. Элени Ламбракис,

красивая женщина и безутешная мать, вторые сутки ищет свою исчезнувшую дочку. Ей так отчаянно хотелось успокоить Элени, сказав, что ее дочь жива... и просто увидеть ту, которую она называла мамой, а потом, наплакавшись вволю, все ей рассказать. И все эти желания были невозможны. Или?..

С болью, грызущей ее душу, она, пожалуй, справится. А вот с преследующим ее чувством вины...

Деми обнаружила Ариадну в ее покоях, в которых находился и Фоант. Не Искра, но носитель частицы силы Диониса, что лежал на клинии[4] и пощипывал виноград из чаши, улыбнулся Деми лучезарной улыбкой. Как бы ни было пасмурно на душе, она не смогла не улыбнуться в ответ.

— Ну и переполох ты здесь устроила! Давно Акрополь так не сотрясало!

— Фоант! — ахнула Ариадна.

— Так это же комплимент, — отмахнулся он. Взглянув на Деми, лукаво ей подмигнул. — О скучных и ничего не представляющих из себя людях не говорят. А как по мне, так лучше уж дурные слухи за спиной, чем полное забвение.

— Не все, Фоант, жаждут внимания к себе.

— Говорю же — скучные люди, эти ваши «не все», — небрежно отозвался он, закидывая в рот крупную виноградину.

Ариадна только головой покачала.

— Я хотела тебя попросить кое о чем, — торопливо, будто подсознательно боясь, что ее в любой момент прервут, начала Деми.

Ариадна, посерьезнев, выпрямила спину.

— Я знаю, Харон отказывается переносить меня обратно. Я об этом себе написала. Но я подумала... — Деми так сильно стиснула пальцы, что они заныли. — Магия ведь может дотянуться в Изначальный мир? Отсюда, из Алой Эллады? Может, Элени Ламбракис, мою маму... — С губ сорвался долгий прерывистый вздох. — ... Может, ее можно заставить обо мне забыть?

Лицо Фоанта вытянулось — казалась, для него непостижима сама эта мысль. И Деми не хотелось, чтобы ее забывали, но...

— Так будет лучше для Элени. Она не будет страдать по дочери, которая никогда уже к ней не вернется.

— Ты не вернешься в Изначальный мир? — изумленно спросил Фоант. — Конечно, даже со всей этой отвратительной войной Алая Эллада без труда выиграет состязание. Только подумай — танцующие со смертными хариты[5], прелестные музы, чудесное вино... А ты пробовала когда-нибудь нектар и амброзию?

— Фоант, — простонала Ариадна, — ради богов!

Едва слыша их, Деми резко мотнула головой.

— Пусть свет обжигает меня, пусть мне не дается благословленное богами оружие, пусть во мне нет и толики божественной силы... Возможно, силу мне может дать только Элпис. Не знаю, как, и может, это просто иллюзия, мираж, за который я цепляюсь из последних сил... но мне нужна эта надежда. Я хочу найти способ одолеть атэморус. Я хочу посвятить свою жизнь тому, чтобы бороться с ними, чтобы уничтожить так много этих тварей, как только смогу. Знаю, звучит смешно для той, которая ничего не умеет, но... Я знаю, я научусь. Этого недостаточно... что бы я ни сделала, ничего не будет достаточно, чтобы искупить мою вину, чтобы искупить весь тот вред, что я причинила людям, миру... Но

это хоть что-то. Потому да, в Изначальный мир я не вернусь.

Повисла острая, будто нож, тишина.

— Мне жаль, Деми... Вряд ли это возможно. Даже воды из реки Леты способны заставить забыть обо всем лишь одного человека. Но в том мире, так или иначе, останутся твои следы. Люди, которые видели тебя, которые тебя знали. Фотографии. Документы. И если однажды эти следы всплывут наружу...

— Маме станет еще больней, — прошептала она. — Ладно, забудь. Спасибо, что... что не посмеялась.

— Ну что ты, — сдавленно произнесла Ариадна.

— Пандора?

Деми резко обернулась. Как давно Никиас стоял за ее спиной? Как многое услышал?

Голос его был непривычно тихим, даже... неуверенным. Твердость потерял и взгляд синих глаз.

— Кассандра вернулась. Она ждет тебя.

Деми не заметила в глазах Кассанды и тени разочарования. Казалось, ничего другого, кроме трусости и бегства из родного, обреченного мира, от нее пророчица не ждала. Деми стиснула зубы. «Терпи. Ты это заслужила. И жди шанса все исправить».

И она ждала.

— Цирцея уже сплетает заклинание, — прохладно сообщила Кассандра. — Но на него потребуется время.

Цирцея... Колдунья, что однажды опоила спутников приплывшего к ней Одиссея, превратив их в свиней. Она славилась и другим, но именно этот факт из ее биографии первым ожил в памяти.

— Она где-то здесь, в Акрополе?

Кассандра покачала головой.

— Она отказывается покидать свой остров. Тебе придется отправиться туда.

С этими мыслями Деми и засыпала. Верней, лишь пыталась заснуть. Сил не осталось ничего не осталось — она была словно хрупкая скорлупа от яйца.

Рассвет принесет забвение, а с ним мимолетное, но все же облегчение. Правда, и оно растает как дым. В ней нет божественных искр, ее не наградили особым благословением, и от магии богов ей теперь бежать как черту — от ладана. Она не боец и не колдунья, а значит, сейчас ничем не может помочь тем, чью жизнь века назад и разрушила.

«Я придумаю что-то. Я что-нибудь придумаю».

Деми проговаривала эти слова мысленно, а затем и вслух — словно заклинание или мантру. Готовилась повторять до тех пор, пока ее не накроет пологом забвения, пока на смену словам не придет недоумение: а что и с чем она, собственно, должна придумать? Готовилась к тому, что Морфей заберет ее в спасительные объятия.

Не случилось.

Деми не знала, сколько пролежала без сна. Стук в дверь, пусть и был негромким, заставил ее вздрогнуть. На пороге стояла Ариадна. Руки стиснуты, на лице — сострадание.

— Я знаю, что такое быть женщиной, потерявшей свое дитя. Я не хочу, чтобы Элени через это прошла... чтобы хоть кто-то проходил через подобное.

Деми закусила губу. Порой она забывала, что перед ней инкарнат. Душа в очередном — десятом? сотом? — своем воплощении. Душа, многократно проходящая через тернии, что

зываются жизнью.

— И не хочу, чтобы ты страдала еще больше. Поэтому я придумала кое-что. Кое-что рискованное, даже отчаянное, но... Если ты согласишься, останется только убедить Харона.

— Убедить его в чем? Ненадолго отправить меня домой? — встрепенулась Деми.

Как же живуча эта надежда... Не та, что на дне пифоса Пандоры. Та, что на дне человеческой души.

— Извини. Кассандра права — это невозможно. Я предлагаю вернуть твоей матери дочь. Другую версию тебя.

В горле Деми разом пересохло.

— Как? Как это возможно?

— В Алой Элладе есть человек, наделенный силой самой Афродиты и способный оживлять то, что создал. Пигмалион.

[1] Обол — мелкая монета, которую клали под язык покойнику. Предназначалась она Харону в качестве уплаты за то, что перевозил умерших через реку Стикс.

[2] Άτα, также Άτэ, (др. — греч. Ἄτη, «преступление», «беда, несчастье, ослепление») — богиня бедствий, злой дух раздора и проклятия, единственной целью которой является нанесение вреда людям.

[3] Морус, также Морос (др. — греч. Μόρος, «погибель», «возмездие») — дух рока, безнадежности и обреченности, олицетворение надвигающейся гибели.

[4] Клиния (лат. klinē — диван) — разновидность античной мебели, ложе, на котором возлежали древние греки и римляне во время трапезы и бесед.

[5] Хариты (др. — греч. Χάριτες от χάρις, «изящество, прелесть») — в древнегреческой мифологии три богини веселья и радости жизни, олицетворение изящества и привлекательности.

Глава шестнадцатая. Пигмалион

Пигмалион.

Легендарный, невероятно талантливый скульптор с острова Крит, что создал статую из белой слоновой кости и... полюбил ее всем сердцем. Истинный творец, влюбленный в свое дело, он работал над статуей целыми днями, отшлифовывая каждую деталь и доводя ее до совершенства. Очарованный чудом, что рождалось в его руках, он наряжал статую в лучшие одежды и одаривал подарками, будто она была живой. Она и казалась таковой — прекрасной девушкой, застывшей на постаменте, со вздохом, готовым вырваться из груди.

Принеся дары Афродите, Пигмалион страстно попросил ее подарить ему жену столь же прекрасную, как созданная им каменная Галатея. Растроганная его чувствами, богиня красоты и любви наградила его даром, что позволил ему оживить статую, в которую он имел неосторожность влюбиться.

Такая странная, противоестественная любовь — человека к камню, — казалось, могла существовать только в мифах. Но Ариадна, что дала зачарованный клубок нитей Тесею, помогая ему выбраться из Кносского лабиринта, стояла напротив Деми как немое доказательство того, что «древнегреческие мифы» были лишь древнегреческой историей.

— Ты предлагаешь мне стать второй Галатеей? — выдавила Деми, сама не веря, что это говорит.

Ариадна просто кивнула. Ее глубокие, словно полноводная река, глаза смотрели на Деми без тени сомнения.

— Только не второй... Сама увидишь. Беда в том, что ночь уже наступила. — Ариадна тяжело вздохнула, на мгновение спрятав голубую радужку за светлыми ресницами. — Кассандра убьет меня, если узнает, что я подвергла опасности твою жизнь, жизнь самой Пандоры. Но я не могу так просто...

Деми неожиданно порывисто сжала руку плетельщицы нитей.

— Я понимаю. И очень тебя за это благодарю.

— Так ты согласна?

У нее было не так много времени, чтобы принять решение. Впрочем, из него она взяла на сомнения лишь несколько секунд.

Пойти на создание собственной копии — значит, расписаться в том, что она остается в Алой Элладе навсегда, и окончательно с этим смириться. Решиться на подобный шаг оказалось бы куда сложнее, если бы Деми *помнила* свою любовь к маме. Однако она помнила лишь Элени Ламбракис — красивую гречанку, чью-то маму и чью-то жену. Те нити, что сплетались с сердцем, обрубил тупым топором. Там, где должна быть дружба, привязанность и любовь — пустота.

«Но сейчас так ведь проще, верно?»

А нет. Сердце, даже не помнящее, что такое любить, все равно предательски ныло.

— Значит, решено, — тихо сказала Ариадна, прочитав ответ по взгляду. — Едем к Пигмалеону.

Никем не замеченные, они покинули пайдейю.

— Если верить Овидию, Пигмалион ненавидел женщин, — вполголоса говорила Ариадна, пока они спускались вниз. — Он проклинал их грехи и пороки и дал себе клятву, что не женится никогда. Считал, что семью и любимую ему заменит искусство.

Деми удивленно взглянула на Ариадну.

— Как же, в таком случае, ему удалось создать статую, которая стала известна не только среди людей обоих миров, но и среди богов?

Плетельщица улыбнулась.

— Пигмалион хотел воплотить в ней свой идеал женщины лишь для того, чтобы показать жителям Эллады, как далеки они от истинного совершенства. Но, вероятно, не может выйти уродливым то творение, которому великий мастер отдал весь свой гений. Возможно даже, его любовь к ней стала своеобразной... карой за его слова. Судьба, знаешь ли, весьма капризная дама.

Романтичный флер всем известной истории после рассказа Ариадны чуть поблек — словно с безделушки смыли позолоту. И все же финал этой сказки остался неизменным, и виной всему — любовь.

Выйдя на площадь Акрополя, Ариадна нервно взглянула на небо. В памяти всплыли чужие слова: «Ночью настает пир химер». К счастью, их, уродливых и устрашающих, сейчас нигде не было видно. Там, наверху, их ждал настоящий пиршественный стол. Здесь — лишь жалкие объедки и крохи.

И все же стоило быть начеку.

Ариадна подвела ее к чудесным крылатым коням из металла, подобного белому золоту, что были запряжены в сверкающую колесницу.

— Они механические, хоть и выглядят как живые, и созданы по подобию Пегаса — увы, единственного в своем роде. Изобретение Дедала, — с гордой улыбкой сказала она, садясь в колесницу. — Ты наверняка встречала и другие. Более приземленные приспособления вроде душа, в котором вода льется из ниоткуда, словно по воле самого Посейдона, или плиты, в которых сам по себе зажигается Гефестов огонь, принадлежат его многочисленным ученикам. Они начиняют их божественными искрами, силой богов — с их, разумеется, милостивого дозволения. Сам же Дедал занят куда более значимыми изобретениями. Он один из тех инкарнатов, кто снова и снова наследует свою память о прошлых жизнях — чтобы ничто не мешало ему творить.

Как только Деми устроилась в колеснице, пегасы расправили механические крылья и... взмыли вверх. Ахнув, она схватилась за высокий борт обеими руками.

— Не волнуйся, не упадешь, — рассмеялась Ариадна. — Но лучше держись крепче. Барьер Эфира защищает эллинов от всех ужасов войны: алого дождя, льющегося из пропитанных кровью облаков, праха, пепла и небесного огня. Но иногда молнии Зевса пробивают защитную пелену, иногда это делают самые упорные из химер Ареса.

— Да, мне, кажется, это уже говорили, — выдавила Деми.

— Пегасы знают, сколь опасно приближаться к Эфиру, и летают так низко над землей и так стремительно, как только могут.

От земли, проносящейся за бортом, захватывало дух. Высота... завораживала. Деми попыталась вспомнить — понять, — летала ли она когда-то прежде, *знакомо* ли ей это чувство полета. Одно могла сказать точно — ей оно нравилось.

Тройка запряженных в колесницу пегасов донесла их до острова Крит. Дом Пигмалиона, величественное сооружение из белого камня, больше походил на дворец. Неудивительно, ведь его владелец — известнейший на всю Элладу скульптор и зодчий, к которому порой обращались даже полубоги. По просторным залам сновали слуги и их

хозяйева, от мала до велика. Оказалось, Пигмалион испокон веков жил здесь, умирая и перерождаясь, как и все его многочисленное потомство. Иронично для того, кто отрицал семью как главную человеческую ценность.

По длинным коридорам прохаживались изящные, словно изваяния, юноши с тонкими чертами лица, девушки, что могли посоперничать в красоте с самой Афродитой, необычные звери — ожившее воплощение чужой фантазии.

Глава рода с выпачканными в глине ладонями предсказуемо обнаружился в мастерской. Сейчас Пигмалион находился в теле молодого юнца с мягкими руками и безвольной ямочкой на подбородке, но вряд ли для людей, что стекались на остров Крит со всей Алой Эллады, была так важна его личина. Куда важнее и его прирожденный талант, и отточенное с годами мастерство, и дар, которым его наградила Афродита.

Прекрасная Галатея, сидя рядом с мужем в плетеном кресле, читала книгу, пока он творил. В отличие от Пигмалеона, чья душа возрождалась в новом облике снова и снова, она, по словам Ариадны, была бессмертна, а значит, неизменна. Все та же точеная — причем некогда буквально — фигура, все та же кожа цвета слоновой кости, все те же каштановые волны волос.

Хотя сама Деми никого еще не испытывала к кому-то столь сильных чувств (с ее *особенностью* сделать это непросто), она не могла не восхититься историей вечной любви, которую сквозь года проносили они оба. Смертный Пигмалеон и бессмертная Галатея.

— Мастер Пигмалеон...

При виде Ариадны он расплылся в улыбке. А затем Деми заметила, как меняется его взгляд, становится оценивающим... профессиональным. Так он смотрел на нее, пока еще незнакомку. Так будет смотреть до тех пор, пока не услышит имя ее души.

Деми мысленно укрыла себя непроницаемым щитом. Пусть косые взгляды и ранящие слова лишь скользнут по нему, в душе следа не оставив. Ей придется пережить все это еще не раз. Не раз придется защищаться от чужой ненависти и презрения.

Ариадна тихо сказала Пигмалиону о том, кто стоит перед ним. Улыбка исчезла, поджались тонкие губы.

— Просто дайте ей шанс, — горячо попросила Ариадна.

В глазах Деми застыла мольба.

— Чего вы обе хотите? — резко спросил он.

— Создать копию инкарнации Пандоры, Деметры Ламбракис, чья мать ждет ее по ту сторону завесы. Чтобы она сама могла остаться в Алой Элладе. Чтобы могла все исправить.

Ариадна умолчала о том, что выбора у Деми, в общем-то, нет. Хватит уже бежать от последствий. Она в любом случае останется здесь. От решения Пигмалиона зависит лишь то, вернется ли к Элени Ламбракис ее дочь.

В душе великого скульптора сейчас шла борьба, которую Деми отчетливо читала по его лицу. Смешалось и неприятие к той, что вложила оружие в руки Ареса, и, быть может, сострадание, что не позволяло отказать в помощи сразу, и наверняка — профессиональный интерес. Пигмалион разрывался на части между желанием и нежеланием пойти ей навстречу. Однако все это время за Деми наблюдал не только он. Отложив книгу, со своего места грациозно поднялась Галатея. Подошла к Пигмалиону, опираясь на плечо супруга, поднялась на цыпочки босых ног и что-то шепнула на ухо. Ее слова стали заклинанием, которое выстлало перед Деми дорогу.

Когда Пигмалион взглянул на нее снова, с плеч упал тяжелый груз. Он не останется в

стороне. Он все-таки ей поможет.

— Мои творения оживают потому, что я вкладываю в них частицу своей души. Я сотворю новую статую и вдохну в нее жизнь. Она будет выглядеть как Деметрия Ламбракис, но будет ли она тобой? Нет. Увы, нет. Потому что в ней не будет ничего от тебя.

— А если вы возьмете частицу *моей* души?

Пусть Деми не была близка с Элени так, как это принято между матерью и дочкой, она должна была сделать все возможное, чтобы своим уходом в Алую Элладу не причинить ей еще большую боль. Потому что Элени — ее мама.

— Это не так просто... Нити своей души вытянуть мне труда не составляет — в этом и заключается ниспосланный мне Афродитой дар. Но чужой... не думаю, что получится. Просто не знаю, за что зацепиться.

— Я знаю, что делать, — хрипло сказала Деми. — Но для этого мне надо вернуться домой. В Каламбаку.

Отправиться к Харону Ариадна согласилась не сразу. Лишь после того, как Пигмалион подтвердил: возможно, идея Деми — единственное, что способно вдохнуть ее душу в безжизненный камень.

— Разговор будет непростой, — со вздохом предупредила Ариадна.

Сложила ладони ракушкой и держала так, пока меж пальцев не пробилось серебристое сияние, а на ее ладони не появился сверкающий клубок. Схватившись за кончик нити, Ариадна намотала ее на указательные пальцы обеих рук и развела в стороны, чтобы мгновенно потемневшая нить натянулась.

— Цвета нитей людей, которых я ищу или вызываю, всегда разных цветов и даже оттенков.

Деми ничуть не удивилась, что у перевозчика душ оказалась черная нить, что неизбежно ассоциировалась у нее со смертью.

— А какого цвета моя?

Ариадна ответила, пряча глаза:

— Алого.

В желудке Деми что-то застыло. Алый... Кровь. Вечная война. Умиравшая Эллада.

Она не знала, как работают *эти* чары, но Харон появился в доме Пигмалиона, будто пройдя по следу Ариадны. Вошел, озадаченно хмурясь — густые брови едва не сходились на переносице.

— Что ты... — Харон осекся, увидев Деми. Угрожающе протянул: — Ариадна...

— Я знаю, что прошу о многом. Прошу пойти против воли Кассандры... Но ты бессмертная сущность, Харон, не бессердечная. Ты помнишь, что такое семья. Души, которых ты перевозил через Стикс, те, что еще не успели выпить воды из Леты, о многом тебе рассказывали. Ты помнишь самую главную их боль?

Он прикрыл усталые глаза.

— Что, потеряв их, продолжающих жить, пусть и в ином воплощении, их близкие все же будут страдать.

— То, через что проходят родные и любимые умерших, справедливым не было никогда. Для них, не для мира. Но цикличность жизни и смерти относится к иным, вселенским категориям, которые простым смертным порой не постичь. Однако нить Деметрии Ламбракис еще не перерезали мойры. Она исчезла из Изначального мира насильственным

путем. И то, что будет страдать ее мама, на сей раз действительно несправедливо.

Деми кусала губы, чтобы прогнать влагу из глаз. Ариадна была словно Гефестово пламя, защищая совершенно чужого ей человека — двух чужих ей людей, один из которых безраздельно принадлежал Изначальному, а значит, иному миру. Защищая семейные узы, любовь — священные для нее истины. Ариадна пылала изнутри, и сопротивляться горячей страсти, что звучала в ее голове, было невозможно.

Харон не смог. Шагнул к Деми, взял ее за руку и провел по открывшемуся перед ними темному коридору напрямик в Изначальный мир.

— Я даю тебе час.

Сам он остался за пределами ее дома, в окутывающих стены ночных тенях — здесь, в отличие от Алой Эллады, безобидных, беззубых. Лицо его было бесстрастным — так сразу и не поймешь, что творится в голове. Порой Деми ловила себя на мысли, что они с Никиасом отлиты из одной формы. С той лишь разницей, что Никиас прятал за маской лицо, Харон — чувства.

Элени, конечно, оказалась дома и, несмотря на очень поздний час, не спала. Сидела перед распечатанными листовками «Пропала девушка», «Вы видели мою дочь?» Сердце Деми от боли готово было остановиться. Она должна была убедить эллинов вернуть ее домой еще в прошлую ночь. Но что толку сожалеть о прошлом...

Это Элени Деми помнила только эти долгие — бесконечно долгие — сутки. И то лишь потому, что выткала ее из не потревоженных чарами воспоминаний. Элени же вместе с Деми переживала каждый ее день. Каждое, даже самое незначительное, событие. Первый плач — тот, что звучит еще в родильной палате, первый смех. Первое слово, первый шаг, первые крохотные достижения.

Увидев Деми, Элени вскочила из-за стола. Листовки разлетелись в разные стороны, словно потревоженные ветром осенние листья. Деми шагнула к матери, порывисто ее обняла. Уткнувшись лицом во вкусно пахнущие волосы, молчала. Ничего не хотелось говорить.

Но пришлось.

Пришлось солгать, сбивчиво рассказав о том, что заблудилась, что, уже потерявшая память, наутро обнаружила дневник. И по нему, каким-то чудом, отыскала дорогу к дому.

Неправдоподобность в ее рассказе Элени искать не стала. Она просто была счастлива, что Деми жива.

Выторгованного у Харона часа как раз хватило на то, чтобы дождаться, пока Элени, обессиленная эмоциями и слезами, не уснет. Чтобы провести последние минуты с матерью, которая была рядом семнадцать лет. Если все получится, то, когда Элени проснется, порог их дома перешагнет идеальная копия Деметрии Ламбракис. Своя, но все-таки чужая дочь.

В комнате Деми собрала все свои дневники. Скрепленные вместе белые листы, на которые она чернилами выплеснула собственную душу. Безликие для кого-то слова, что отражали ее переменчивую натуру, что свойственна юным и тем, кто каждые сутки, теряя свою память, теряет, обнуляет самого себя. В них — ее сиюминутные желания и высеченные в граните времени мечты, которые так или иначе находили путь к ее сердцу или и вовсе никогда его не покидали.

Элени будет удивлена, обнаружив ящик комода пустым, но в море прочих странностей исчезновение дневников — такая малость... Появился соблазн напоследок их прочитать, но делать этого Деми не стала. Завтра она начнет все сначала. Завтра снова будет себя узнавать,

по кирпичику строить свой собственный образ.

Пигмалион принял ее странный дар с благоговейным трепетом. Деми обнажала перед ним свою душу, которая оставалась загадкой даже для нее самой.

Ожидала, что придется позировать, но все, что ей оставалось — лишь терпеливо ждать. Пигмалион ваял ее лицо и тело из цельного куска мрамора. Его руки порхали в воздухе с удивительной, почти нечеловеческой скоростью и... красотой. С мимолетной улыбкой Деми подумала: это та ступень мастерства, которую достигаешь, когда можешь посвятить любимому делу целые века.

Пигмалион вырывал из ее дневников целые страницы и, зажимая их в ладони, зубилом лепил статуе лицо. Выжатая досуха, Деми уже почти — почти — не удивлялась тому, насколько живым, одухотворенным становился под его пальцами камень.

— Неидеально, — в то же время недовольно хмурился он. — Слишком мало времени.

Смеясь, Галатей успокаивала супруга. С ней, вечной музой Пигмалиона, работа спорилась.

Деми ждала, когда финальным аккордом Пигмалион вдохнет в камень жизнь. Проникнувшаяся магией Алой Эллады, ждала плетения чар или особого ритуала. А потому не сразу поняла — весь процесс творения и был его ритуалом. Кроша камень, придавая ему форму, Пигмалион наполнял его жизнью своими прикосновениями.

И с каждой выточенной на лице статуи чертой, что приближала ее к человеку, память Деми по крохам себя теряла. Будто ее собственный скульптор отсекал от нее ненужные куски.

Утро минувшего дня потонуло в туманной дымке. Как она просыпалась, что думала, что говорила... ничего этого уже нет. Стерто, вытравлено, выскоблено. Следующим исчез полдень. За ним — спуск в подземный мир, о котором пришлось рассказывать самой Ариадне. А после — странное прощание с мамой. И с Изначальным миром заодно.

Она еще цеплялась за свое «я» — как утопающий за брошенную ему соломинку. Пока еще помнила, что она — Деметрия Ламбракис, очередная инкарнация Пандоры, что века назад откинула крышку пифоса и наслала на Землю полчища атэморус. Но что-то важное она безвозвратно потеряла. В конце концов не осталось уже ничего, кроме Пигмалиона с его Галатеей, Ариадны и Харона, которые одним своим присутствием напоминали о себе; потери памяти, о которой с печальными глазами напоминала Ариадна, Алой Эллады и странной, безликой цели — сотворить статую, чтобы... Чтобы, собственно, что?

Деми не задавала вопросов — слишком устала. В глазах Харона — ни толики сочувствия. Он казался высеченным из камня, словно очередное создание великого творца. Но он был рядом и ничего не говорил, и сейчас этого оказалось достаточно. Рядом, конечно, была и Ариадна. В ее глазах сочувствия — целый океан.

Статуя, которая была похожа на Деми, словно отражение, тихо вздохнула и открыла глаза.

— Она заменит тебя в Изначальном мире, — прошептала Ариадна, сжимая ее ладонь.

Пигмалион был доволен своим творением. Деми — счастлива, что теперь, когда до рассвета оставалось не больше часа, может наконец поспать. И может заснуть до того, как забудет, кто она такая. До того, как забьется в панике, потому что не сможет себя вспомнить.

Харон исчез вместе с ожившей статуей Пигмалиона. В буквальном смысле — просто перейдя невидимую для Деми завесу, перестал существовать в этом мире, чтобы проявиться

в другом. Вернулся, чтобы отнести их в пайдейю. Уже без него Ариадна проводила Деми в комнату и, улыбнувшись на прощание, оставила ее.

Она была вымотана, опустошена. И все равно казалось, что так просто не уснет — рой мыслей в голове не позволит. Но стоило смежить веки, возникло ощущение, что ее затягивает в баюкающий темный омут.

Последней в голове мелькнула мысль: «Интересно, в Элладе до сих пор за сны отвечают боги?»

Часть третья. Дочь солнца и царица чудовищ

Глава семнадцатая. Цирцея

«Кто я?»

— Привет, Пандора, помнишь меня?

Он сидел на ее кровати, облаченный во все черное. Правую сторону его лица закрывала полумаска. Львиная голова, но среди темной гривы закручивались вверх черные рога.

Мантикора.

Она запуталась в вихре чувств и образов, что наслаивались друг на друга. Он — *Никиас*, кажется, ее ненавидел. Он был холоден и ко всему безучастен... Или... нет?

А еще, кажется, под его маской пряталась тьма. Или тьму он призывал себе в помощники?

«Но кто я? Не могу же я быть *той самой* Пандорой?»

— Так и знала, что ты придешь, чтобы снова ее напугать, — раздался со стороны двери укоризненный голос.

На нее дохнуло теплом, словно из-за туч выглянуло яркое солнце. Облако золотых волос, румянец и ласковая улыбка... Ариадна. Ее имя всплыло в голове без малейших усилий, оттого ощущение неправильности происходящего лишь усилилось. Почему она знает ее, незнакомку, но совершенно не знает себя?

— Я лишь хотел рассказать ей правду.

— Или воспользоваться случаем в очередной раз ее обвинить.

Он собирался что-то ответить, но она не позволила:

— Ты — Никиас, а ты — Ариадна. Но кто... я?

Ариадна смущенно комкала в руках ниспадающий с плеча край пеплоса. Отчего ей так трудно ответить на этот простой вопрос? Она кашлянула и, пряча взгляд, произнесла:

— Ты — Пандора. Очередная ее инкарнация, и сейчас ты зовешься Деми.

— Пандора, — плохо слушающимися губами повторила она. — Та, что открыла ящик с бедами?

— Пифос. Да.

Она — Пандора. Та, что дала ход разрушительной, дрящейся веками войне. Деми помнила и сам осколок войны — битву, что развернулась в Эфире, между землей и верхушкой неба. Как помнила и алое небо над головой.

Этого не может быть. Но глаза Ариадны, ее отчаянное нежелание причинить своими словами боль говорило: сказанное — чистая правда. Деми прикрыла глаза, пытаясь свыкнуться с тем, с чем свыкнуться невозможно.

— Почему я сделала то, что сделала?

Они ответили одновременно.

— Этого никто не знает — ни люди, ни боги, — прошептала Ариадна.

— Хотел бы я знать, — глухо сказал Никиас.

Деми медленно обвела взглядом пространство. К горечи, вспухшей под кожей, примешался яростный протест. Она не могла этого сделать. Не могла.

— Почему я успела все это забыть?

— На твой рассудок наложены чары, которые стирают твои воспоминания каждый рассвет.

Паника захлестнула Деми. Как многое она позабыла? Как много мелочей, деталей

прошлой жизни, оставшейся за порогом ночи? Как много важного — того, что должна была или хотела помнить?

Ариадна рассказала Деми все, что произошло — с того самого момента, как они втроем отыскиали ее в Изначальном мире. Река ее памяти подернулась рябью, озвученные имена и события прошлых дней стали кругами на воде. Воспоминания о других — будто вещьца, запорошенная снегом. Ветер дунет, сбросит белую пыль, и обнажит то, что прежде было скрыто.

«Я — Пандора. Я открыла пифос и выпустила мириады бед...» Ужас вонзил ледяные пальцы в живот, забрался в пересохшее разом горло.

— Я знаю, как непросто слышать подобное... — тихо сказала Ариадна.

«Не знаешь», — беззлобно подумала Деми.

— А что с моей семьей?

— Она осталась в Изначальном мире. Куда ты больше не вернешься, — отрезал Никиас.

Деми чувствовала, что задыхается от переизбытка эмоций и недостатка слов.

— Но я... Так нельзя... Я знаю про Изначальный мир, его люди даже не знают про Алую Элладу! Как я объяснила родителям то, что... остаюсь здесь? Или меня похитили?

Бросив косой взгляд на Никиаса, Ариадна тихо сказала:

— Все в порядке, Деми. Ты, пусть и не сразу, сама приняла решение остаться здесь. Что же до твоей семьи, твоей мамы... Я попросила Пигмалиона создать твою копию — статую, которая ожила и стала тобой. Теперь она, прости, тебя заменяет. Ты хотела этого, чтобы не причинять маме боль своим исчезновением.

— Ты сделала... что?! — Из позы Никиаса ушла расслабленность. Он подался вперед, вперив взгляд в Ариадну.

— Ты слышал, — спокойно отозвалась она.

Деми выдохнула, чувствуя, как легчает на сердце.

— Ты бы предпочел, чтобы невинный человек страдал, потеряв своего ребенка? — стараясь, чтобы голос звучал ровно, бросила Никиасу.

Она сумела выдержать его взгляд. Не ожидала ответа, но он все же глухо сказал:

— Нет. Не хотел бы. Если Изначальный мир не расплетет магию Пигмалиона... может, оно того и стоило. Но чтобы мать твоей инкарнации не заподозрила неладное, тебе придется раз в пару-тройку лет забирать свою реплику в Алую Элладу, чтобы подправить ее черты, сличить с твоими собственными. Чтобы она выросла и старела вместе с тобой.

Его слова на мгновение выбили почву из-под ног. Деми отчего-то подспудно ждала, что буквально каждое ее слово Никиас будет принимать в штыки. Не ожидала, что он признает ее план неплохим и даже даст что-то вроде совета. Подскажет то, что и сама Деми, и Ариадна, судя по ее реакции, явно упустили из вида. Она растерялась, не зная, как ко всему этому отнестись. Казалось, она с куда большей готовностью ждала ненависть и злобу, чем проявление понимания.

Воцарилось неловкое — со стороны Деми уж точно — молчание, которое нарушила Ариадна.

— Я буду напоминать тебе о том, чтобы... м-м-м... подновлять реплику.

— Спасибо, — озадаченно отозвалась Деми.

Ее благодарность предназначалась двоим. Никиас пробормотал что-то неразборчивое, и вышел из комнаты. Ариадна проводила его долгим, задумчивым взглядом.

Деми сидела на кровати, сжимая ладонями виски.

— То, что ты сказала... Я могу как-то...

— Исправить содеянное? Да. Тебя ждет встреча с Цирцеей, которая уже готовит нужный ритуал. Тот, что позволит тебе вернуть память.

— Что ты знаешь о ней? — заинтересованно спросила Деми, подразумевая: кроме того, что из легенд и мифов знала она сама.

— Цирцея — дочь Гелиоса и нимфы-океаниды. Она будто соткана из противоречий. В ней течет божественная кровь, но она не бессмертна. Однако тело ее не меняется — на всех картинах она изображена одинаково. Кто-то говорит, что, благодаря тесной связи с Хроносом, Цирцея подчинила себе само время. Кто-то — что она рождает дочерей, похожих на нее как две капли воды, а потом переселяет свое сознание в их тело. Цирцея добра и готова оказать любую посильную людям помощь, но при этом она — коварная соблазнительница, умело использующая в своих играх мужчин.

В голосе Ариадны не было осуждения — она просто пересказывала все, что знала. А после промелькнула и теплота, причину которой Деми поняла не сразу.

— Она относится к своим заклинаниям, как Дедал — к своим творениям. Не просто сплетает их, как другие — кует их.

Деми помолчала, обдумывая ее слова.

— Выходит, все, что мне остается сейчас — ждать, пока Цирцея не сплетет заклинание? И сидеть в башне, как ждущая спасения принцесса?

— Я в детстве любила такие сказки, — рассмеялась Ариадна.

Улыбка ее увяла, когда Деми бросила:

— А я — нет. — Она поморщилась. — Верней, сейчас понимаю, что мне не нравится эта идея. Я... мне нужно к Кассандре.

Зачем, Ариадна спрашивать не стала. Ждала, пока Деми соберется — вероятно, чтобы провести ее к провидице, хотя к тому времени Деми и вспомнила, куда ей нужно идти.

— Ты всегда меня сопровождаешь? — полюбопытствовала она, расчесывая волосы, что чуть волнились после наспех принятой ванны.

Ариадна потерла кончик носа.

— Не всегда, но часто. Я... даже не знаю. Я не смогу при случае тебя защитить, как Никиас, и очевидного смысла постоянно находиться рядом с тобой для меня нет. Просто... наверное, я приняла твою историю слишком близко к сердцу. Я хочу, чтобы она закончилась твоей — и нашей — победой. Хочу, чтобы ты открыла пифос с *надеждой* и выплеснула на Алуию Элладу ее ослепительный свет. И хочу быть рядом, когда это случится. — Она смущенно рассмеялась. — Я та еще, наверное, честолюбивая эгоистка.

Деми покачала головой.

— Нет. От тебя самой исходит такой свет... Ты ощущаешься как что-то правильное. Родное. Как человек, которому я действительно могу доверять.

Она отвернулась к зеркалу, чтобы избавить Ариадну от необходимости отвечать — и чтобы скрыть свое собственное смущение. Деми не знала, что их связывало, и возникало чувство, будто она признается в симпатии совершенно чужому ей человеку. Но Ариадна не была для нее незнакомкой.

От хитросплетений ее разума начала раскалываться голова.

После громкого, бодрого стаккато в дверь в комнату вошел парень с золотистыми упругими кудрями, которым позавидовала бы любая девушка. Он держал руки за спиной, не позволяя увидеть, что в них.

— Фоант? — удивилась Ариадна. — Что ты здесь делаешь?

— Я решил проводить больше времени со своей семьей, — пропел он, целуя ее в щеку.

Деми замерла с гребнем в руках. Потом с расширенными глазами указала им поочередно на Ариадну и Фоанта.

— Вы — мать и сын, верно? В первой своей инкарнации?

— Да, только я даже не знаю — гордиться мне этим родством или...

— Она шутит, — осуждающе сказал Фоант. — Мной невозможно не гордиться. Я безупречен, словно Аполлон. Только еще умнее.

Ариадна улыбнулась, впрочем, не торопясь подтвердить его слова.

— По правде говоря, я хотел проведать нашу Пандору. И, как верный сын Диониса... — Имя бога виноградарства, веселья и удовольствия Фоант выделил особенно, если вдруг Деми, не дай боги, вдруг позабыла об этой линии родства. — ...Я принес с собой чарочку вина.

Она наконец смогла увидеть эту «чарочку» — огромный закрытый крышкой кувшин.

— Фоант, — простонала Ариадна. — Эос-Заря едва проснулась, а Гемера еще даже не вознеслась на небо!

Он с независимым видом пожал плечами.

— Олимпийских богов подобные мелочи никогда не волновали.

— Спасибо, Фоант, — посмеиваясь, сказала Деми. — Но я, пожалуй, все-таки откажусь. Для разговора с Кассандрой мне нужна ясная голова.

— Ох, — поморщился он. — Кассандра. От ее строгости у меня изжога.

— Потому что ты слишком часто пренебрегаешь своими обязанностями, — укорила Ариадна. — А она этого не любит.

— Если ты намекаешь, что я ленив, то я категорически не согласен. Я просто ценитель хорошего отдыха... и хорошего вина.

— Это, дорогой сын, — передразнивая его, сказала Ариадна, — просто красочное определение праздности и безделья.

Деми, не выдержав, рассмеялась. Понимали ли они, насколько похожи на самую обычную семью? И не важно, как много поколений и прожитых жизней их разделяло. Эта мысль породила другую: насколько же сильной бывает человеческая любовь. Если она достигнет такой высоты — высоты самого Олимпа, — ни расстояние, ни время помешать ей не смогут.

— День вчера выдался не из легких, — сочувственно сказал Деми Фоант. — Вот я и решил...

Он покачал в воздухе кувшином. Ариадна сделала страшные глаза.

— Что? Слухи в Акрополе, благодаря пташкам Ириды, распространяются как пожар.

Деми отложила гребень в сторону, медленно развернулась к Фоанту.

— Что за слухи?

Ариадна нехотя рассказала о произошедшем в Гефестейоне — о том, что божественный свет причинил ей невыносимую боль. Плетельщица зачарованных нитей говорила мягко, словно оборачивая ватой каждое слово, которое могло ее ранить. А боль и горечь все равно были тут как тут.

Деми вонзила ногти в ладони.

— Мне нужно к Кассандре, — уже тверже повторила она.

— Я пас, — скривился Фоант. — Подожду тебя и любимую матушку здесь. А ожидание,

пожалуй, скрашу...

— Дай угадаю, — вздохнула Ариадна, — чарочкой предназначенного Деми вина?

Фоант наградил ее улыбкой. Ослепительной, словно свет, что прежде вез в небесной колеснице Гелиос.

Рядом с Кассандрой в ее кабинете застыли Никиас и Харон. Все трое горячо что-то обсуждали.

Теперь Деми, пожалуй, немного понимала опасения Фоанта. Сейчас (или же по обыкновению) в лице Кассандры не находилось места для улыбки, в глазах — места для тепла. Но рядом с обернутым в черное Никиасом ее некий строгий шарм казался не таким... строгим.

Харон — грубый, необтесанный камень, Кассандра — самоцвет в скромной, но притягивающей взгляд оправе, Никиас — осколок обсидиана с острейшим сколом.

— Как долго Цирцея будет сплетать заклинание? — после приветствия спросила Деми.

— Быть может, дни, быть может, недели.

Деми покусала губы, принимая решение.

— Я хочу отправиться к ней.

— Зачем?

Ариадна и Кассандра спросили одновременно. В голосе одной звучало удивление, в голосе другой — недоумение.

— Она — колдунья, владеющая невероятной магией. Возможно, она сможет меня научить.

— Ты уже пила эликсир, созданный Цирцеей.

— Да, и он не выявил скрытый во мне божественный талант. Но что, если внутри меня есть хотя бы крохи силы, что дала мне сама Эллада?

— Ты помнишь? — изумилась Ариадна. — Помнишь тот разговор?

— Какой разговор?

— О магии, которую... Неважно. Эти слова, вероятно, вшиты в твое подсознание. Что до колдовской науки... Цирцея — сильная колдунья, но чтобы она могла чему-то тебя научить, в тебе самой должно быть хоть что-то. И если это «что-то» — не божественный талант... Крох этой магии может быть слишком мало.

— Чтобы сражаться в Эфире — да, но, возможно, этого будет достаточно, чтобы противостоять агэморус. Вы ведь и сами не знали, на что я способна, иначе не отправили бы меня к Искрам.

Кассандра ее скромный протест не оценила. Взгляд еще на несколько градусов похолодел. Деми выдохнула, сказала устало:

— Мне нужна магия. Мне нужна сила. Хоть какая-нибудь. Если я смогу помочь хоть одному человеку...

— Не играй в благородство, Пандора. — В устах Никиаса ее имя звучало как оскорбление. — Все, что заботит тебя — твоя собственная защита. Особенно когда по твоим пятам ходят эринии.

Лучше бы он этого не говорил. Память Деми тут же подбросила в костер новые, пробирающие до дрожи воспоминания. А ведь еще пару мгновений назад она и знать не знала, что нос к носу сталкивалась с богинями мести и ненависти.

Саму встречу сломанный диск, что представляла собой ее память, не сохранил. Зато

образы были весьма запоминающиеся: сотканые из теней эринии во главе с прекрасной и смертоносной Алекто. Перед ее внутренним взором предстала сцена сражения: Харон, Кассандра... и сторукий гекантохейр. Он что, и впрямь помогал им?! И Деми была прямо там, и видела все это собственными глазами?

Разубеждать Никиаса она не стала. Следующим утром этот разговор она даже не вспомнит, так какая разница, что он думает о ней? Завтра, когда Деми проснется, она столкнется с правдой, что ее ненавидит едва ли не весь мир, едва ли не вся Алая Эллада. Одним человеком больше, одним меньше...

— Хорошо, — царственно кивнула Кассандра. Кому еще так кивать, как не ей? — Завтра утром отправишься на Ээю.

— Это слишком рискованно, — отрывисто бросил Никиас.

Деми круто развернулась.

— Какое отношение моя жизнь вообще имеет к тебе?

— Самое прямое. Я не могу позволить, чтобы ты умерла. Чтобы нам пришлось ждать еще несколько лет, пока нить Ариадны тебя отыщет. Каждая минута промедления измеряется в человеческих жизнях, Пандора. — Он чеканил слова, словно монеты, а в глубине его глаз горел огонь.

Она вспыхнула под этим взглядом.

— Ты хоть представляешь, каково жить тому, кто совершил столь чудовищную ошибку, за чьим плечом — не одна загубленная жизнь? Я не меньше тебя хочу отыскать пифос, не меньше всех вас хочу все изменить. Все исправить. Так помоги мне в этом... Поиски пифоса могут быть долгими, но если во мне есть что-то, что позволит не остаться в стороне, если Цирцея сможет хоть чему-то меня научить...

Они смотрели в глаза друг другу несколько биений ее взволнованного сердца. В глазах Деми была мольба, в глазах Никиаса — затухающее пламя. И... что-то еще. Это не жалость, точно не она. Быть может, толика сочувствия? Деми словно подцепила краешек его изменчивой маски и увидела тень того, что под ней скрывалось. Под слоями ткани и кожи, в самой глубине души. Увидев, пока не распознала, но проблеск понимания в глазах Никиаса побудил ее сказать:

— Пожалуйста.

То неуловимое, что приоткрылось ей, исчезло, но и огонь, затерявшийся в синеве, погас.

— Хорошо. Но если ты отправишься на Ээю, я отправлюсь с тобой.

Деми смотрела на него, все еще настороженная. Отчего Никиас взял на себя роль ее телохранителя — роль, что вряд ли была для него приятна? Почему именно он? Быть может, ответ остался где-то там, за пределами островка ее памяти, который медленно погружался в Лету.

Конечно, Ариадна тоже отправилась с ней.

Харон никогда прежде не приходилось бывать на Ээе, а значит, построить к нему свой похожий на длинную черную реку или столь же длинный и черный тоннель маршрут. Им пришлось плыть кораблем. Обычно путь занял бы несколько дней, но по приказу Кассандры — не просто пророчицы, но еще и архонта, о чем забыла Деми — с ними на борт поднялись Искры Борея, Зефира, Нота и Эвра — северного, южного, восточного и западного ветров.

Они надували паруса и управляли теми ветрами, что встречались им на пути, словно течениями. Перевесившись через борт, Деми высматривала в воде спрятанных в ней богов и

монстров: Посейдона и сердцеда Главка, Сциллу с Харибдой, которые, погруженные в сон, по рассказам моряков, находились неподалеку от морского пути, которым шли они.

И вот он, прекрасный остров, ставший домом Цирцеи — последней надежды Деми на новую, *нормальную*, полную воспоминаний жизнь.

Здесь царил тишина, что нарушало лишь ненавязчивая трель птиц. Не боясь незваных гостей, по острову бродили животные. Деми хотелось бы верить, что Цирцея приручила их... а не превратила в них, как гласили легенды, оскорбивших ее людей. Спокойствие и умиротворяющую красоту Эи портила лишь алая пелена над головой.

Цирцея... Она царствовала здесь, среди зеленых холмов и исполинских деревьев, среди гор и скрытых под землей пещер. Они с Никиасом и Ариадной обнаружили колдунью неподалеку от роскошного дворца. Она собирала в саду дивные, диковинные цветы на тоненьких, словно хрустальных, стеблях.

— Гости, и на Эе, — усмехнулась она, выпрямляясь.

Один этот голос — властный, хорошо поставленный, с легкой, а может, и нарочитой, хрипотцой, многое рассказал Деми о его обладательнице. Добавить еще черные, словно беззвездная ночь, волосы и такие же глаза, алебастровую кожу и кошачью, от бедра, походку, когда Цирцея прошла к корзине, чтобы сложить в нее цветы с длинными нежно-фиалковыми лепестками.

Грозный вид Никиаса ее ни пугал, ни настораживал. Колдунья вообще едва скользнула по нему взглядом, остановившись на Деми. Она представилась, мысленно готовясь обороняться.

— Надо же, кого я вижу, — насмешливо протянула Цирцея. — Выходит, мое заклинание — для тебя?

Элегантным движением откинув волосы за спину, она опустилась на резную скамью. Белый с серебром пеплос соскользнул в сторону, обнажая ногу почти до самого бедра. В каждом ее жесте сквозил некий магнетизм. Находишься Деми сейчас в Египте, решила бы, что перед ней — ожившая Бастет. Мужчины без ума от таких женщин. Сами женщины или не находят себе места от ревности или готовы на все, чтобы хоть немного походить на них. Ревновать Деми было не к кому, а потому она лишь восхитилась красотой и грациозности Цирцеи и поймала себя на подспудном желании ей подражать.

Лишь одну мысль она поспешно прогнала. «Интересно, что Никиас думает сейчас о Цирцеи? Смотрит ли на нее так, как в свое время смотрел Одиссей?»

— Для меня. Но почему вы решили мне помогать?

Колдунья пожалала плечами: и тем, что был прикрыт складками легкой, воздушной ткани, и тем, что был соблазнительно оголен, демонстрируя золотистую, безупречную кожу.

— В Алой Элладке гремит война, что еще недавно казалась бесконечной. Я хочу выбрать верную сторону. Видишь ли... Чтобы там ни говорили, предателей и перебежчиков не любят. Я хочу быть с победителем с самого начала и до самого конца — чтобы там, на Олимпе, вкусить все блага сполна. Методы Ареса слишком прямы и порой даже вульгарны, и мне столь грубая жестокость не по душе. Но он — превосходный кандидат на звание победителя, в отличие от Зевса, который в последнее время, кажется, все свои силы тратит лишь на то, чтобы не проиграть. С твоим появлением, Пандора, все может измениться — во всяком случае, все мы этого ждем. Я не знаю, действительно ли ты способна переломить ход войны. Пока я вижу лишь потерянную девчушку, утратившую воспоминание о прошлом. Так, дорогая моя, не пойдет. Но не волнуйся, я — именно та, кто тебе нужен, чтобы сломать

печать на твоей душе.

Честность Цирцеи, разом выложившей карты на стол и не прячущейся за туманными формулировками и высокопарными разговорами о мире... подкупала. Однако Деми все же не спешила всецело ей доверять.

— И раз уж мы начали откровенничать... Я уже сказала Кассандре, что прибуду в пайдейю, как только заклинание будет готово. Так зачем ты здесь, юная душа? Уж точно не для того, чтобы дожидаться его на чужой земле.

— Я хочу научиться магии.

— Верней, ты надеешься услышать, что способна ею обладать, — словно кошка, прищурилась Цирцея.

Деми спорить не стала.

— Можно сказать и так.

Колдунья улыбнулась самым краешком губ, в глазах заплескалось довольство.

— Что же, тогда добро пожаловать на Ээю.

Глава восемнадцатая. Проклятие Пандоры

— Почему заклинание еще не готово?

Это было первым, что произнес Никиас с начала прибытия на остров.

Деми не могла понять, отчего, но от него волнами исходило отчуждение. Мог бы, еще плотнее закутался бы в свою черноту, чтобы еще сильнее от них отгородиться. Но в его формуле новый элемент — Цирцея. К Ариадне он наверняка привык, а с присутствием Деми, несмотря на запутанный (для нее самой) клубок чувств, похоже, примирился. Чем же колдунья, которую он прежде не видел, умудрилась ему не угодить?

— Я жду ответа от гонца, Искры Гермеса, — спокойно отозвалась Цирцея. Бросила взгляд на вечно грозное небо над их головой. — Афина слишком занята войной. Ирония в том, что она сейчас проливает кровь, которая мне и необходима. Я могла бы просто попросить одного из своих помощников собрать ее ихор[1], но делать что-то за спиной богини — себе дороже.

Деми, что шла следом за ней, споткнулась на ровном месте.

— Вам нужен ихор Афины?

И пусть с недавних пор она жила в мире среди богов, полубогов и Искр, отмеченных божественным благословением, думать о том, что гонец отправился к Эфиру, чтобы озвучить просьбу Цирцеи, было странно.

— Да, но сила самой Афины для заклинания бесполезна. Не поможет тебе ни ее мудрость, ни военные навыки, ни мастерство в ткачестве или гончарном деле.

— Тогда зачем?..

— Ради Метиды, что составляет сущность Афины Паллады. — Видя, что Деми не понимает, Цирцея объяснила: — Метида была первой женой Зевса, но помнят о ней немногие. Однажды богу неба, грома и молний предсказали, что Метида родит ему дочь, такую же мудрую, как он сам, и сына, настолько сильного телом и духом, что он сможет свергнуть Зевса с трона. Тогда он убаюкал Метиду сладкими речами и... поглотил ее. Не правда ли, элегантный выход из положения?

Деми ошалело смотрела в землю. Казалось, или Цирцея насмехалась над самым верховным богом? Ну а что до него самого... Она передернула плечами. Верно говорят: смертным богов никогда не понять. Даже если разделять их будет одно только небо.

— У Зевса вскоре ужасно разболелась голова. Гефест по просьбе отца отсек ему верхушку головы — словно скинул крышку от кувшина. Оттуда вышла дочь Зевса, Афина-Паллада — в боевом облачении, со сверкающим копьём в руке, будто уже готовая сражаться. Но многие — и я среди них — верят, что сущность Метиды навсегда в ней осталась. И ее — крохотную ее частицу — я смогу выщедить из ихора Афины. Сила Метиды, богини разума, поможет очистить твой собственный. Это важная составляющая моего заклинания, без него оно и вполтину не так действенно.

— Значит, — медленно подытожила ошеломленная Деми, — ждем божественный ихор.

Во дворце Цирцеи на самой вершине холма было очень просторно и светло (насколько это возможно для вечно тонущего в алой дымке пасмурного дня). Глядя на высокие, от пола до потолка, многочисленные окна, Деми невольно вспомнила, что Цирцея была дочерью Гелиоса, самого бога солнца. А значит, воспринимая ее колдуньей, Деми разговаривала с полубогом. И если Ариадна забрасывала Цирцею вопросами о Ээе, на которой, вероятно,

прежде не была, но говорила, если не благоговейно, то учтиво, Никиас особого пиетета к колдунье не выказывал, и по обыкновению держался в стороне.

Пока Цирцея ставила собранные цветы в высокие, с узким горлышком, вазы, Деми выплескивала на нее все то, что знала о себе.

— Кассандра говорит, я не Искра, и после того, что произошло в Гефестейоне, я склонна ей верить...

— То, что сила Гелиоса причинила тебе боль, означает лишь то, что ты — не дитя света, — пожалала плечами Цирцея.

Скользнула на шаг назад, полюбовалась своим творением — погруженным в заговоренную воду букетом.

— А если в тебе есть тьма, — продолжала она, — но тьма божественная — это нам, сторонникам Зевса, лишь на руку.

Сосуд некой силы и ценных воспоминаний — вот кем Деми была для них всех. Для кого-то их отношение к ней — как к ключу к победе над Аресом — мог бы показаться оскорбительным. Но ей-то что? Тепла ни от кого из эллинов она не ждала. Быть может, только от Ариадны, от Доркас и от Фоанта, который поддерживал ее так, как мог. Например, принес ей «чарочку» вина.

Да и имела ли она право себя жалеть? В их новой философии — выискивать в каждом инкарнате малейший проблеск божественного дара — отчасти виновата она сама. Не дай Пандора силу Аресу, война могла закончиться столетия назад. И тогда Кассандра, Зевс, Цирцея и вся Алая Эллада не столь отчаянно нуждалась в воинах, кузнецах, лекарях и колдунах.

Не будь войны, Эллада бы не была Алой.

— Вы правда верите, что я могу стать колдуньей? — с волнением, которое не удавалось заглушить, спросила Деми. — Но разве не нужно родиться с этой силой внутри? Способностью изменять мир магией и собственной волей?

— Ничего не берется из ничего, — туманно отозвалась Цирцея. — Я выпиваю магию из несущих божественный отпечаток явлений и сил природы, а затем сплетаю из нее заклинание. Это что брать воду из колодца и переливать ее в хрустальный графин. Магия пронизывает все пространство Алой Эллады, я лишь управляю ее потоками. Направляю их туда, куда нужно мне.

Деми нахмурилась. Звучало не слишком... волшебно.

— Но да, подобной силой — впитывать в себя магию — тоже необходимо обладать. Без нее даже пропитанные колдовством Эгида[2], Кадуцей[3], Рог изобилия[4] или Золотое руно[5] останутся лишь красивыми безделушками, а божественный ихор — странной на вид кровью.

— Значит, вы не сможете научить меня заклинаниям, если колдовской силы внутри меня нет?

— Не верь тем, кто говорит, что заклинания порождают особые — магические — слова, что боги или демоны шепчут тебе в уши. Слова, бесспорно, имеют силу, но магия их иная, чары из них не сплести. Пламя страсти или ненависти словами зажечь ты можешь, но не превратишь человеческие кости в пепел или тлеющий уголек. То, что другие называют чарами или заклинанием — это долгий, продуманный до мелочей ритуал, во время которых я вытягиваю силу из окружающего пространства, явлений или стихий. Магия идет или снаружи, или изнутри. Потому она так сложна и едва постижима для обычных, не

обладающих божественным благословением людей.

Деми помрачнела. Однако сдаваться так просто была не намерена.

— Но вы ведь можете научить меня вытягивать магию из окружающего мира? — Она ступевалась. — Или, для начала, помочь понять, способна ли я вообще на подобное.

— Могу.

— Когда мы начнем?

Цирцея одобрительно рассмеялась.

— Раньше бы я сказала — как только мой отец вслед за Эос взлетит в небо на своей колеснице. Что значит, с самого утра.

Деми выдохнула. Кто бы подсказал ей, как говорить с дочерьми богов, чтобы не оскорбить их своей настойчивостью? Однако Цирцея — прямолинейная, даже дерзкая, на избалованных — в представлении Деми — богов, что пировали на Олимпе в окружении харитов и муз, среди танцев и песен, была совсем не похожа. Впрочем, и для самих богов с началом войны пиры и танцы на роскошном Олимпе остались в далеком прошлом.

— Я не могу ждать так долго. — Деми решила говорить прямо. — Каждый день стирает из моей памяти новые воспоминания. Пока я помню... я хочу сделать хоть что-то.

Она не была уверена, что Цирцея ее поняла, но лучше подобрать слова не сумела бы.

— Почему это для тебя так важно? — задумчиво глядя на нее, спросила колдунья.

— Потому что если я смогу спасти хоть одну жизнь вместо того, чтобы только наблюдать, как последствия моего поступка их рушат... Возможно, мне будет легче, просыпаясь по утрам, слышать ответ на вопрос: «Кто я?». Возможно, я буду чуть меньше саму себя — пусть и прежнюю — ненавидеть. Возможно, мне будет проще доказать, что я — не она. Не *та* Пандора.

Никиас отвернулся от окна и теперь, как и Цирцея, смотрел на Деми. И, пусть полубогом он не был, от его пронзительного взгляда ей становилось не по себе.

— Я знаю, что такое — расплачиваться за свои ошибки. Что такое — гадать, достоин ли ты прощения. — Заметив взгляд Деми, Цирцея объяснила столь непринужденным тоном, словно говорила о погоде: — Сцилла... То устрашающее чудовище, что кормится морьяками и, будто игрушечные, топит корабли. Она не всегда такой была. Сцилла пала жертвой моего заклятья.

Деми подалась вперед, не успев стереть с лица ужас.

— Но... почему?

Уголки пурпурных губ Цирцеи едва заметно дрогнули.

— Любовь толкает людей на странные поступки.

— Вы влюбились в одного мужчину? — поняла Деми.

— О, не просто в мужчину. В Главка.

И она замолчала, прикрыв за пушистыми ресницами черные глаза. Казалось, вовсе пожалела, что начала говорить. Помогла, как всегда, Ариадна.

— Он был простым рыбаком, но притом неотразимым юношей, не уступающим в красоте самому Аполлону. Однажды он, отведав волшебную траву, почувствовал непреодолимое желание окунуться в воду. Реки омыли тело Главка и превратили его в морское божество. Вместо ног у него появился хвост, волосы его удлинились и окрасились в цвет морской волны, но в остальном он остался все тем же красивым юношей...

«Конечно, ведь появление рыбьего хвоста — это такая малость», — мысленно хмыкнула Деми.

— Красивым юношей с добрым сердцем, что стал покровительствовать рыбакам. За это, наверное, я его и полюбила, — хрипло произнесла Цирцея. — За то, что, даже став богом, не забыл о том, кем когда-то был. Но он... он влюбился в Сциллу, прекрасную нимфу, пришедшую однажды к его берегу. В один из дней Главк признался ей в любви, но она не захотела ответить ему взаимностью. И тогда он пришел ко мне — за любовным зельем, что способно растопить лед в сердце Сциллы. Я же своими чарами попыталась отвоевать его сердце.

Черноокая колдунья повела пальцами, и воздух, проходящий через них, заискрился. Сформировавшуюся вокруг ладоней то ли дымку, то ли пыльцу, Цирцея послала в сторону Деми. Первым ее желанием было чихнуть. Вторым — сделать все, что бы колдунья ни приказала.

— С мужчинами работает даже лучше, — нараспев произнесла Цирцея. — Есть в них... некая слабость, уязвимость, которую моя магия лишь приумножает.

Никиас нахмурился, с вызовом складывая руки на груди. Всем своим видом показывал: чарам Цирцеи его уж точно не пронять. Однако колдунье не было дела до чужих гримас.

— Вот только Главк был божеством, пусть и не по рождению, не по крови. Что-то в нем леденило его кровь, делало устойчивым к моим чарам. А может, это и есть та сила любви, которую так часто воспевают рапсоды[6] и аэды[7]. И я... разозлилась. Сказала ему: будет тебе зелье, а сама отравила воды, в которых обычно купалась Сцилла. Раз Главк и сам однажды был изменен, пусть попытается обрести счастье с тем, кто изменится тоже. Так, прекрасное, юное тело Сциллы взбурлило, словно вода, взбугрилось. Белая, словно морская пена, кожа обратилась жесткой чешуей, из тела вылепились змеиные и собачьи головы. Сциллу обуздал невыносимый голод, и утолить его она могла лишь человеческой плотью.

Деми, содрогнувшись, смотрела на красивое лицо колдуньи, замечая, как пылают черным пламенем ее глаза. В голосе Цирцеи не было торжества, но и сожаления не было тоже. Выходит, совершенную однажды ошибку она приняла?

Однако в ее арсенале — лишь одна разрушенная жизнь. Хорошо, если верить слухам — несколько. Но не тысячи, десятки, сотни тысяч загубленных душ.

— Я слышал, что это сделала колдунья по имени Кирка.

Цирцея обезоруживающе улыбнулась Никиасу.

— Так некоторые меня зовут.

— Вы пытались исправить содеянное? — тихо спросила Деми.

Ее пронзил взгляд пылающих черным огнем глаз.

— Пыталась. Не вышло. Проклятье намертво впиталось в душу Сциллу. Она и умереть не может, но и не может жить, как прежде. Как обычный человек.

Раздался хруст. Что-то темное обьяло вазу перед Никиасом. По стеклу зазмеились трещины, разбивая его на части, в разные стороны хлынула вода. Лишенные сосуда, цветы упали на стол... и завяли, почернев.

Деми смотрела на Никиаса расширенными от ужаса и изумления глазами, но он, конечно, не торопился ничего объяснять. Стоял, сжимая руки в кулаки.

Цирцея выглядела так, словно ничего необычного не случилось. Из ниоткуда появилась тоненькая, словно тростинка, служанка, и принялась убирать воду. Не двигаясь с места, колдунья притянула друг к другу осколки, заростила трещины, будто Искры Асклепия и Гигиен — раны, и снова сделала вазу цельной.

Повернувшись к Деми, как ни в чем не бывало произнесла:

— Как насчет того, чтобы прямо сейчас начать твоё обучение?

Деми, как и Ариадну, вымотала долгая морская прогулка. Один только Никиас не выказывал усталости, но кто его знает, что пряталось там, в его закрытой ото всех душе. Но от мысли, что полубогиня будет обучать её колдовскому мастерству, в кровь будто впрыснули адреналин. Усталость словно морской волной смыло.

— Иди пока поспи, — тихо сказала Ариадне Деми. Улыбнулась через силу. — Уверена, это надолго.

Бледная с тех самых пор, как спустилась с корабля, Ариадна спорить не стала. Устроилась в отведенных для неё покоях и, кажется, уснула, как только голова коснулась подушки.

По гулким коридорам своего дворца Цирцея провела Деми в комнату без окон. Возникло странное, ничем не обоснованное ощущение, что колдунья заделала окна намеренно — чтобы никто из богов не мог подглядеть за её ритуалами. Никиас неотступно следовал за Деми, заставляя её постоянно ощущать на себе его взгляд.

Комната была уставлена высокими шкафами с приставленными к ним лестницами, только вместо книг — многочисленные колдовские атрибуты и ингредиенты. Деми не удивилась бы, узнав, что таковыми являлись даже камни, которых здесь было в изобилии. Что уж говорить о травах, загадочных порошках и зельях в хрупких флаках.

Цирцея подошла к стоящему в сердцевине комнаты круглому столу, на котором лежала отрезанная голова змеи. Усмехнувшись, сказала:

— Это для твоего ритуала. Одна из тех змей, что украшают волосы горгон.

В памяти всплыла жутковатая Сфено. Деми помнила, что горгона обладала гипнозом и, вероятно, должна была загипнотизировать её, вытянуть на поверхность сокрытые воспоминания. Видимо, не вышло, раз пришлось обращаться к самой Цирцее. Видимо — потому что Деми не помнила свой со Сфено разговор, ни единого из него слова. Но это не мешало ей отчетливо, до мельчайших деталей, помнить её саму.

— Заклинание Гипноса. — Цирцея, лукаво взглянув на Деми, сунула кончик пальца в стоящую рядом пиалу, и провела им под глазами и по губам. Повернувшись к Никиасу, велела: — Представь себя гарпией[8], летящей навстречу ветру.

К изумлению Деми, он послушался. Раскинул руки, одна из которых была закрыта черной перчаткой, и... замахал ими, будто крыльями. Развевающийся за спиной плащ как нельзя лучше довершал образ. И все это диковинное действие сопровождалось затуманенным взглядом ярко-синих глаз. Действие чар длилось недолго, как *наверняка* и было задумано.

Деми не знала, что заставляло её считать дочь Гелиоса на редкость сильной колдуньей — быть может, исполненные уверенности манеры Цирцеи, быть может, её горделивая стать...

— Никогда больше так не делай, — шагнув к Цирцее и нависая над ней, процедил Никиас.

— А то что? — спокойно спросила та.

Он промолчал, хотя что-то подсказывало, ему было чем ответить. Даже Цирцее. Деми ожидала, он выскочит из комнаты, но Никиас, переборов себя, остался. Неужели считал, что во дворце колдуньи ей может что-то угрожать?

— Начнем с простых вещей — и с уже приготовленных мною зелий. Пользоваться ими, поглощать их силу — тоже мастерство. Вот, возьми.

Деми послушно глотнула из флакона темного стекла, и почти тут же закашлялась.

— Это еще что за гадость?

— Если я скажу тебе, что мы с тобой опробуем заклинание Арахны, догадаешься? — развеселилась Цирцея. — Или подсказать?

Деми смотрела на флакон расширенными от ужаса глазами. Арахна была дочкой ремесленника и умелой ткачихой, что вздумала бросить вызов самой Афине и потягаться с ней в мастерстве. Арахна, говорят, ничуть ей не уступала, вот только сотканное ею полотно оскорбило богов — оттого, что показала их в неприглядном свете, выставив на обозрение все их грехи. Страсть к вину и распутству, распрям и прелюбодеяниям, бесконечным пиршествам... и умение легко, играючи ломать людям жизнь.

И гадать не стоило: победу в состязании присудили Афине. Не выдержав позора, Арахна свила веревку и затянула ее вокруг шеи. Умереть ей, однако, не дали — Афина желала, чтобы она жила. Жила и ткала, ткала, ткала целую вечность.

Потому богиня превратила ее в паука.

— О боже, — чувствуя подступающую к горлу тошноту, простонала Деми. — Там...

— Дети Арахны, — невинно улыбнулась Цирцея. — Есть у меня темная, запущенная кладовая, где я их и вывожу.

Прикрыв рот ладонью, Деми старательно дышала через нос. В конце концов, в сказках колдуньи и ведьмы часто готовили отвары из жаб и пауков. Правда, предназначались они обычно отрицательным героям...

— Как насчет заклинания? — слабым голосом спросила она.

Цирцея понимающе усмехнулась.

— Как я и говорила, не существует особенных, специальных слов. Ты можешь не произносить их вовсе, и тогда рычагом послужит мысленный импульс. Но в тебе сейчас — сила паучихи-Арахны. Все, что тебе остается — приказать мирозданию (и собственному телу) сплести паутину. Ею, к слову, очень удобно опутывать врагов. А если вложить в чары толику света моего отца, получится сеть, которая не просто остановит, но уничтожит атэморус.

Глаза Деми сверкнули. Забыв о содержимом флакона, она представила, как ее ладони опутывает липкая вязь. «Вейся, ниточка», — закрыв глаза, чтобы сконцентрироваться на мысленном призыве, подумала она. Прошло немало времени, прежде чем что-то и впрямь щекоткой коснулось ее пальцев. Сердце затрепетало: она призвала магию! Хоть и заслуга в том большей частью принадлежала Цирцее, и сотворившей колдовское зелье.

Голос Никиаса стал холодной водой, что выплеснулась на разгоряченную кожу.

— Что за чертовщина?

Деми открыла глаза, чтобы увидеть, как по кончикам ее пальцев вьется черная нить. Совсем не похожая на обыкновенную паутину, которую она рисовала в воображении, нить сочилась чем-то остро пахнущим и... жгучим.

Она закричала, затрясла рукой, пытаясь стряхнуть с пальцев ядовитую паутину. Та жглась и бугрила волдырями кожу. Глаза Деми закатились, она была в шаге от того, чтобы потерять сознание от боли. Никиас оказался быстрее. Подлетел к ней, голой и обьятой черной кожей руками стянул паутину и бросил на пол. Крик Цирцеи — и *верная* магия внутри нее — превратила черную сочащуюся ядом массу в пепел.

Деми ошеломленно разглядывала вспухшие, покрытые волдырями руки.

«Порченая», — стучало в голове.

[1] Иخور (от древнегреческого ἰχϝρ, то есть нетленная кровь, сыворотка) — кровь богов, несущая в себе частицу их сил.

[2] Эгíда — мифическая накидка из козьей шкуры, принадлежащая Зевсу и обладающая волшебными защитными свойствами.

[3] Кадуцéй (лат. caduceus) или керикион — жезл, обвитый двумя обращенными друг на друга змеями, часто с крыльями на навершии жезла. Обладает способностью примирять людей или (по другой версии) — исцелять больных и раненых.

[4] Рог изобíлия (лат. cornu copiae) — рог козы Амалтеи, кормилицы Зевса, способный дать своему владельцу всё, чего бы он ни пожелал.

[5] Золотое рунó — золотая шкура барана, обладающая целительными свойствами.

[6] Рапсоды (греч. rapsodoa, от rhapsodia рапсодия) — древнегреческие кочующие певцы, распевавшие отрывки из Гомера и др. эпическ. писателей.

[7] Аэды (от греч. αοιδός певец) — древнегреческие профессиональные исполнители эпических песен под аккомпанемент щипкового инструмента форминги (наподобие лиры).

[8] Гарпии (др. — греч. Ἄρπυιαι «похитительницы», «хищницы») — полуженщины-полуптицы, персонификации различных аспектов бури.

Глава девятнадцатая. Слетевшая маска

Деми не помнила неудач, которые настигали ее в день минувший, и каждый начинала с чистого листа. Не знала, сколько раз Цирцее пришлось бережно смазать ее пальцы целебными мазями, чтобы потом аккуратно перебинтовать, прежде чем они зажили. Для той, что не помнит себя, время — весьма странная вещь.

Однако в день, который еще не стер по кусочкам ее израненную память, Деми знала главное: любая магия в ее руках искажалась. Она устала видеть подтверждение собственным мыслям, записанным, увековеченным в дневнике — тому, что в ней, как в хрупком механизме, что-то сломано.

— Я должна понять, почему это происходит.

— Проклятие богов? — предположила Цирцея.

— Я об этом думала. И наверняка не раз. — Деми вскинула голову, с надеждой глядя на нее. — Вам известно куда больше моего. Что вы знаете о божественном проклятии?

Колдунья в задумчивости покусала нижнюю губу.

— Боги обидчивы и злопамятны, и истории многих людей тому в подтверждение. Например, охотника Актеона, которого Артемиды превратила в оленя за то, что наблюдал за ней, купающейся, вместо того, чтобы в священном страхе уйти. Судьба Актеона печальна: он стал добычей собственных же охотничьих собак. Что до Нарцисса... его история наверняка тебе знакома.

Деми кивнула. Сын речного бога и нимфы, он был невероятно хорош собой, но очень холоден и высокомерен. Он отверг каждую женщину, что добивалась его любви. Среди отвергнутых им оказалась и нимфа Эхо. От горя ее тело увядало, она таяла, словно вчерашний снег под лучами солнца, пока от нее не остался только голос, способный лишь повторять за кем-то другим. Узнав историю Эхо и иных отвергнутых Нарциссом женщин, богиня возмездия Немезида решила его наказать. Она заманила полубога в лесную чащу, обманом подвела к источнику с чистой и спокойной, словно зеркало, водой, на поверхности которого он увидел свое отражение. Нарцисс влюбился в собственный образ, но страдал, как и Эхо, от неразделенной любви. Как и она, он истаял, а на его месте вырос прекрасный цветок — нарцисс.

— Но наказание богов обычно преследует человека на протяжении одной прожитой им жизни. И Актеон, и Нарцисс, насколько мне известно, пройдя через Аид, через безрадостную жизнь мертвых, получили свой шанс на новую жизнь, хоть и не получили — что ожидаемо — божественного благословения. Как и другим, им подарили шанс прожить новую жизнь, и они начали все с чистого листа.

— Но Арахна ведь осталась пауком на века.

— Это скорей исключение. Ты — девушка не совсем обычная, необычна и твоя история. А потому... Да, это возможно.

Деми до боли закусала губу, невидяще глядя поверх плеча безмолвного Никиаса, что замер у окна.

— Божественное проклятие можно как-то распознать?

— Прежде делать этого мне не приходилось. Но даже если и так... что ты с ним сделаешь? Его не вытравишь из тела.

В Деми, словно в колдовском котле, закипала решимость. Она не исправит содеянного,

если останется... такой. Если любое проявление божественных сил в ее руках будет превращаться в тьму, что полнится ядом. А значит, остается последнее средство, последний отчаянный шаг.

— Я буду просить о милости бога, который меня проклял.

Никиас фыркнул, но Деми на этот раз даже не удостоила его взглядом. Цирцея все в той же задумчивости смотрела на нее, и было трудно понять, прочесть ее мысли.

— Я не знаю подобных ритуалов. Но о том, что тебя волнует, попробую узнать у богов.

— А до тех пор, пока не поймешь, что с тобой не так, — подал голос Никиас, — пока ты не избавишься от... что бы это ни было... тебе нельзя касаться пифоса.

— Никиас... — протянула Цирцея.

В ее голосе читался укор, но это было скорее игрой, кокетством, нежели искренним сопереживанием. Казалось, колдунья просто оттачивает свое, схожее с актерским, мастерство — умение примерять разные маски.

Никиас резко отвернулся от окна. Его глаза блеснули.

— Вы хоть понимаете, к чему это может привести? Что, если *надежда* в руках Пандоры превратится в гибель всему живому?

— Он прав, — хрипло сказала Деми.

Правда жалила хлеще роя ос, хлеще ядовитой паутины, но быть правдой от этого не переставала. Она отчаянно хотела доказать Алой Элладе, что может не только разрушать, но и созидать, и для этого ей нужна была Элпис. Но не этими руками из пифоса ее вынимать. Не теми, что искажали все, чего касались.

В ожидании ответа Цирцеи — и ее посланца к Афине — Деми помогала колдунье, как могла. Никаких проявлений магии она больше не касалась. Собирала и толкла травы, чтобы рассовать их по мешочкам, ловила в кладовой пауков, вместе с Никиасом и Ариадной отправилась к ореадам[1], чтобы отщипнуть кусочек от их каменной кожи.

Она не собиралась становиться служанкой Цирцеи и — пока — не считала себя чем-то обязанной ей. Деми просто нужно было занять чем-то голову и руки. Ариадна говорила: для мыслей — горьких, разрывающих душу — достаточно и бессонных ночей.

Цирцея меж тем колдовала над ритуалом, сверяла свои записи, что-то правила, смешивала травы и порошки, варила зелье за зельем. Каждое пробовала и после каждого утверждала: слишком слабое. Печать на душе Деми ему не сломать.

Им нужен был божественный ихор.

Деми не могла сказать, что за проведенное на Ээе время так уж сблизилась с Никиасом, но верила Ариадне, когда та говорила, что лед между ними треснул... пусть до его таяния еще далеко. Глаза Никиаса при взгляде на Деми больше «не метали молнии», что, если верить дневнику, случалось в прошлом. Они по-прежнему не испытывали друг к другу особой привязанности, но, быть может, примирились с присутствием в их жизни друг друга.

На Ээе, подконтрольной Цирцее территории, царило спокойствие, не свойственное Алой Элладе. Во всяком случае, той ее части, память о которой Деми смогла сохранить. Порой в калейдоскопе ее воспоминаний, воскрешенных невзначай брошенными кем-то словами, мелькали эринии во главе с Аллекто, атэморус, нападающие на людей, забирающие души керы... На Ээе главными врагами Деми были дикие звери и оцетинившиеся шипами мысли в голове.

Однако Никиас все равно сопровождал их с Ариадной. Не от великой, конечно, симпатии и искренней заботы о Деми — лишь потому, что счел себя обязанным оберегать ее

до самого конца. До момента, когда Элпис ее рукой будет выпущена на свободу. Однако долгие путешествия по горам, холмам и долинам невозможны без разговоров. Во время них Деми, как мозаику, собирала его образ. Там — оброненное в гнев слово, там — яростный или уничижительный взгляд. Внутри Никиаса жила страсть и тревога. Что-то до стиснутых кулаков, сжатых зубов и побелевших костяшек беспокоило его.

Наедине с Цирцеей Никиас по обыкновению молчал. Тем неожиданней оказался спор между ними, который Деми, отлучившись за травами, застала уже разгоревшимся. Не нужно было прислушиваться, чтобы понять недоверие Никиаса к колдовству Цирцеи. Или же, что верней, к любому колдовству.

— Я не буду переубеждать тебя, — насмешливо говорила Цирцея, — но колдовская наука создана людьми, что были одержимы мечтой приблизиться к богам по силе. Что лучше любых слов говорит о ее могуществе.

— Ни о чем это не говорит. Лишь о вечном неудовлетворении людей своей сутью. К тому же есть вещи, недоступные самим богам.

Цирцея бросила толочь травы в ступке, которые собиралась соединить с каплей крови нереид[2]. Внимательно вгляделась в лицо Никиаса.

— Колдовство не помогло тебе в прошлом, верно? Но то лишь потому, что ты не был знаком со мной.

Деми замерла, напряжение сковало тело. Даже Ариадна, сидящая в уголке, оторвалась от книги — что всегда делала с большой неохотой. Если Деми на Ээе зачаровывала близость магии, что творилась человеческими руками, и создание зелий из трав и порошков, то Ариадну было не оторвать от библиотеки Цирцеи, которую та собрала из книг с разных уголков Алой Эллады. По большей части, они были посвящены колдовству, но, кроме того, еще и истории мира. Среди них попадались книги настолько древние и редкие, что Ариадна за все свои жизни никогда их не встречала. Там, среди хрупких страниц, плетельщица зачарованных нитей с удовольствием и терялась. Однако теперь она смотрела на Никиаса во все глаза. Выжидающе, как и Деми.

Тайна, что запеленали в черные ткани, готова была просочиться наружу, через брешь, которую нащупала в Никиасе Цирцея. Но он снова закрылся наглухо, залатал — для видимости — все свои изъяны. Прочитав это в потяжелевшем взгляде, Цирцея мягко сказала:

— Я могу помочь. Дай мне хотя бы попытаться.

— Нет.

Слово тяжелое, будто Сизифов камень. Неумолимое, словно кандалы.

Деми внезапно разозлилась. Люди многое отдали бы, чтобы избавиться от боли и страданий. И многим (особенно людям мира Изначального, о котором в ее памяти остались лишь разрозненные клочки), приходилось справляться самим. Потому что нет в их мире волшебных зелий, нет таких близких, за небесной завесой, богов и отмеченных божественной силой колдуний.

И теперь, когда перед Никиасом стояла, быть может, самая могущественная из них, ключ к избавлению от той напасти, что делала злыми его речи и глаза, в нем вдруг проснулось упрямство. Гордость. Или демон знает что еще.

Злость на него заставила Деми произнести:

— Может, тебе стоит прислушаться к Цирцее?

— А тебе-то что? — холодно осведомился он.

Ответ на этот вопрос был соткан из десятков лоскутков. Ей безумно интересно, что

прячется у Никиаса под маской, что заставляет его так тщательно скрывать и лицо, и тело. Но отчего-то ей интересно и то, что у него внутри — в душе, непостижимой, словно космос.

— Может, я волнуюсь за тебя? — выпалила Деми.

Правда это? Неправда? Она толком не знала. Ее эмоции были перемешаны, сплетены в тугой клубок, подобный тому, что умела призывать Ариадна.

— Я для тебя — чужак.

— Неправда. Ты приходишь ко мне почти каждый рассвет, чтобы напомнить, кто я. Вернее... — Деми запнулась, нахмурилась. — Раньше приходил.

Потом «просвещать» ее по утрам начала Ариадна, и, судя по записям в дневнике, делала это куда мягче, деликатнее, чем Никиас. Но почему он перестал приходить? Могла ли Деми надеяться, что он больше не желал жалить ее словами?

Ведь и сейчас он торопливо отвел глаза.

— Ты постоянно рядом. Сначала ты защищал меня против своей воли, потом вызвался защищать мою жизнь сам ... и при этом я ничего ровным счетом о тебе не знаю. Так помоги мне. Позволь мне тебя узнать.

Деми была уверена: Никиас откажется, снова закроется за щитом из молчания или едких слов. Но он лишь сложил руки на груди, прожигая ее взглядом.

— И что же ты хочешь узнать?

Многое. Очень многое. Но первой вырвался отчего-то самый незначительный из вопросов, что ее занимал.

— Почему ты называешься Никиасом? Почему не носишь имя своей души, как Ариадна, Фоант или Кассандра?

— Имя моей души ни о чем тебе не скажет. Ты не найдешь меня в своих мифах... в древней истории. Как обычные смертные, я ношу имя, данное мне новой матерью.

— Но ведь ты — не обычный смертный, — вырвалось у Деми.

Губы Ариадны сложились в идеально круглую «о», Цирцея, хмыкнув, отвернулась. Даже не читая дневник, нетрудно догадаться, что все окружающие усиленно делали вид, что никаких странностей в Никиасе не замечают. Разумеется, исключительно при нем. Однако Деми решила идти до конца. Выпытывать у других, что с ним случилось, казалось неправильным — все равно, что уподобляться сплетницам, шепчущимся у других за спиной. И все же ореол окружающей Никиаса тайны ее тревожил.

— Никто из обычных смертных непрерывно не носит перчатки и маску, полностью закрывающие руки и лицо.

— Еще что-то? — ледяным тоном спросил Никиас.

— Почему ты носишь маски чудовищ? Почему выбираешь именно их?

Мантикора, Василиск, Лернейская гидра, Минотавр — если верить дневниковым записям. Маски, принадлежащие древним монстрам — и еще живым, и уже упокоенным. Деми и сама не знала, для чего отмечала каждую из них.

— Потому что я сам чудовище.

Деми сглотнула. Сбывались самые худшие ее опасения.

— Тогда я должна знать... Ты опасен?

Никиас подлетел к ней и, наклонившись к самому ее лицу, зарычал:

— Я защищаю твою жизнь.

Деми могла гордиться тем, что даже не отшатнулась. После всего, с чем ей довелось столкнуться, вспышка чужой ярости уже не могла ее испугать.

— А я говорю и не о себе, — спокойно отозвалась она.

В прорези маски промелькнуло что-то... до безумия похожее на боль. Даже не так, ведь боль имеет разные оттенки и грани. Мука — вот что было в его глазах. Желая докопаться до неудобной правды, Деми все же перешла черту.

Никиас не сказал ни слова. Просто швырнул находящийся рядом табурет в стену, заставив Ариадну вжать голову в плечи, и размашистым шагом вышел из комнаты.

— Неудобно получилось, — без толики смеха заметила Цирцея.

Ариадна ободряюще улыбнулась Деми.

— Он остынет. Просто дай ему время.

Вопрос жег язык, но Деми была уверена, что поступает верно, не задавая его. Когда-нибудь разделяющая их с Никиасом стена дрогнет. И когда он будет готов, сам ей обо всем расскажет.

Если, конечно, вообще теперь когда-нибудь взглянет в ее сторону.

Посланник Цирцеи — Искра Гермеса — наконец вернулся на Ээю. И не с пустыми руками, а с бесценным ихором Афины Паллады. Воодушевленная, Цирцея рьяно принялась смешивать зелье. Никиас — молчаливый, еще более показательно сторонящийся остальных, пристально наблюдал за колдуньей, будто желая разоблачить в том, что она все делает неправильно.

— Что именно за ритуал вы готовите? — с волнением в голосе спросила Деми.

Глаза Цирцеи заблестели. Она ждала этот вопрос.

— Я назвала его Кносский лабиринт.

— Т-тот самый? С Минотавром в конце?

— Минотавра убил Тесей, — посмеиваясь над ее дрогнувшим голосом, заметила Цирцея. — И блуждать мы будем по лабиринтам твоей памяти.

Запузырившееся зелье перекочевало в тонкостенный стеклянный флакон.

— Готова?

К изумлению Цирцеи, Деми покачала головой.

— Я не выпью зелье.

— Какого... — Никиас мгновенно начал закипать.

Деми взглянула ему в глаза.

— Пока ты не примешь помощь Цирцеи.

Может, она и не имела права выдвигать Никиасу ультиматум, но... Вряд ли его неприязнь к ней сможет посоперничать с той чистой ненавистью, что он испытывал к Деми в самом начале их знакомства. А если и так... Не маленькая, как-нибудь переживет.

— Ты смеешь ставить мне условия? — прошипел Никиас. — Отказываться от ритуала, зная, что стоит на кону?

Именно это знание и дало Деми решимость. Он слишком ценил воспоминания, запертые внутри ее души. Слишком отчаянно в них верил. Потому он, пусть и будет ненавидеть ее потом — за то, что манипулировала им, — сделает так, как она хочет.

Может, каждый из них сейчас думает, будто Деми пошла на такой шаг из любопытства. Что желанием помочь прикрывала жажду выведать его тайну. Пускай думают. Правда объемнее, шире, и сопряжена с ощущением, что она поступает верно... пусть Никиас в корне не согласен.

Они смотрели в глаза друг другу добрые несколько минут. Мир застыл вокруг них,

подернулся льдом. Цирцея и Ариадна при всей своей значимости на время стали лишь статичными фигурами. На сцене царили Никиас и Деми.

Чутье подсказывало — он мог все же отказаться, прекрасно зная, что от ритуала Цирцеи не посмеет отказаться она. Понимая, что для нее это так же важно, как и для остальных. Нет. Все-таки важнее.

Но там, под черной тканью и полумаской, скрывались изъяны. Те, что даже время не смогло залатать.

— Хорошо, — стеклянным голосом сказал Никиас.

Ариадна выдохнула. Цирцея едва заметно улыбнулась.

— Ты сильна, знаю, — сказал он колдунье. Его взгляд больше не колол острыми иглами лицо Деми. — Ты превратила прекрасную нимфу в чудовище, но способна ли ты превратить монстра в человека?

Цирцея распрямила плечи.

— Сначала я должна знать, что за монстр передо мной.

И тогда Никиас снял маску.

Деми не ожидала этого. Не так скоро. Думала, он даст ей обещание, а свою личину покажет только Цирцее. А ведь там было, что показать.

Больше прежнего взгляд приковывала проявившаяся в лице Никиаса дуальность: одна сторона ласкает глаз совершенными чертами, другая отмечена пугающим уродством, и никаким иным словом увиденное не назвать. Правую сторону лица Никиаса испещрили трещины, словно он был расколовшейся от удара вазой или камнекожей ореидой, исполосованной мечом, освященным божественной силой. Откуда-то изнутри, будто из самого сердца или очерненной отчего-то души пробивалась тьма.

Стоило только маске слететь, тьма через трещины на коже тут же ринулась на свободу. Жадная, ищущая что-то. Что-то теплое, что-то дышащее, что-то... живое. Никиас яростно мотнул головой, и сотканный в щупальце шлейф тьмы втянулся внутрь, спрятался под его кожей.

Став свидетелем чужого изъяна, непросто сохранить лицо, скрыть, насколько увиденное ужасает, насколько — невольно, ведь люди слабы — притягивает взгляд. Деми это, кажется, не удалось. На лице Цирцеи же не дрогнул ни единый мускул. Она приблизилась к Никиасу, ничуть не страшась тьмы, что лилась наружу из прорех.

— С каждым годом трещин все больше, они все глубже, а тьма во мне, что рвется наружу, все голодней. Пока я еще способен контролировать эту неутолимую жажду. *Пока*. Но она опасна. *Я* опасен для окружающих меня людей.

— Как это случилось? — тоном человека, что не привык оставлять нераскрытыми тайны, спросила Цирцея.

Никиас снова мотнул головой. *Не скажу*.

Они у той черты, за которой его откровенности наступал предел. Этот секрет был куда более личным, чем тьма, заполняющая трещины, тьма, которую он всю свою жизнь прятал от посторонних глаз.

— Мне нужно знать, что это за колдовство, — вкрадчиво сказала Цирцея. — Чтобы попытаться его обуздать.

— Я не знаю, — сжав руки в кулаки, процедил Никиас. — Не знаю.

Не страшно — главное уже сделано. Колдунья вцепится в возможность помочь ему, как собака — в кость. Цирцея была жадной до магии, до всего колдовского, что было ей еще

неизвестно. И все неизвестное, дикое, неукротимое она стремилась подчинить.

Деми слабо улыбнулась. Незаметно для самой себя она выбрала себе пример для подражания. Почти кумира, человека — полубога, — на которого хотела бы равняться. Какой для Ариадны была Мнемозина.

Никиас приложил полумаску чудовищного змея Пифона к щеке, и та, подвластная неким чарам, впилась в кожу, слилась с его лицом. Деми развернулась к Цирцее.

— Я готова к ритуалу. Давайте начинать.

[1] Ореады (от греч. *horos* — гора) — в греческой мифологии нимфы гор. Могли называться также по горам, где они обитали — Киферонидами, Пелиадами и т. д.

[2] Нереиды (др. — греч. *Νηρηίδες*) — морские нимфы, дочерьми Нерея, старца моря, и океаниды Дориды. Богини богатой щедрости моря и защитницы моряков и рыбаков.

Глава двадцатая. Кносский лабиринт

Деми поймала себя на мысли, что завидует людям, которые за маской твердокаменной решимости ловко прячут страх. Для Цирцеи она — словно открытая книга, и даже Ариадна с легкостью ее раскусила. Подошла поближе, сказала тихо, чтобы остальные не услышали:

— Все будет хорошо.

Волнение казалось клубком холодных змей, что шевелились в желудке, вызывая изжогу.

— Просто... Если ритуал сработает — а я верю в силу Цирцеи, то я вспомню все. Все даже самую первую мою жизнь. Вспомню, как открывала проклятый пифос, вспомню, как убегала из Алой Эллады в ужасе от содеянного. И снова саму себя возненавижу.

Ариадна коснулась ее руки.

— Я знаю, что говорю банальности, и все же... Люди порой совершают ошибки, и многие их даже не признают. Ты не только признала — ты делаешь все, чтобы это исправить. И знаешь... меня это восхищает.

— Я? — поразилась Деми. — *Тебя* восхищаю я?

Ариадна тихо рассмеялась — журчащий среди камней ручеек.

— Ты никогда не сдаешься. Когда тебе сказали, что ты открыла пифос, ты решила отыскать его, чтобы освободить томящуюся внутри *надежду*. Знаю, все от тебя этого ждали. Однако сама ты имела полное право желать лишь того, чтобы тебя оставили в покое. Когда сказали, что внутри тебя нет божественной искры, ты вознамерилась стать колдуньей. Когда стало ясно, что вместо божественного благословения тебя наградили проклятием, ты решила, невзирая на гордость, просить милости у богов.

Деми слушала Ариадну, вся во власти странного смятения. Ее и впрямь такой видят? Слушали и Цирцея, и даже Никиас, но мысли обоих по разным причинам ей тяжело было понять. И так же сложно было принять сказанное Ариадной как похвалу. Человек, о котором та говорила, был для Деми чужим, незнакомым.

— Я бы связала наши запястья своей нитью или, как Тесею, дала бы тебе в руки клубок — чтобы там, в лабиринтах своего сознания ты не затерялась. Если бы...

— Если бы не риск, что я превращу твою прекрасную серебряную магию в сочащееся ядом нечто, — глухо продолжила Деми. Улыбнулась через силу. — Но я и без того многим тебе обязана. И за многое благодарна.

Ариадна была первой, кто протянул ей руку — искренне, не ожидая чего-то взамен. Деми не помнила этого дня. Дневник помнил. Пусть там, в темных глубинах разума теплота Ариадны будет ее маяком, ее путеводной звездой, ее спасительным светом.

Они как будто прощались. Но, быть может, так оно и есть? Прощая жизнь, сшитая из лоскутов, вскоре останется позади. Ее сменит нечто чуждое, новое.

Влив в себя остро пахнущее зелье с ихором Афины, Деми терпеливо ждала, пока Цирцея красящими травами нарисует на теле знаки, что изображали лабрис. Этой обоюдоострой секирой с двумя лезвиями в виде лунных серпов Гефест разрубил Зевсу голову, из которой и вышла Афина. Лабрис стал символом, сакральным знаком лабиринта, где был заключен чудовищный сын Пасифаи Минотавр.

По велению Цирцеи Деми закрыла глаза. Чернота, разлившаяся под веками, развеялась не сразу. А когда это случилось, она обнаружила себя посреди самого что ни на есть настоящего лабиринта. Ошеломленно коснулась стен, ударила в них кулаком — холодные,

твердые, каменные. Как колдунье удалось создать столь реалистичную иллюзию внутри ее головы?

Цирцеи здесь не было, как и Никиаса, и Ариадны. Шумно выдохнув, Деми направилась вперед.

Первый же поворот закончился тупиком. Вернее, слишком ранним воспоминанием, которое никого, кроме нее, не интересовало. Однако Деми задержалась, чтобы увидеть на стене лабиринта, будто на экране проектора, маму. Элени — теперь она ее вспомнила. Элени Ламбракис.

По-прежнему известный на всю Элладу Пигмалион создал и оживил статую, которая теперь носила ее имя. Эту, довольно позднюю, запись она прочитала сегодня — как и каждое утро до того — в своем дневнике. Достойной ли дочерью стала для Элени выточенная из камня Деми? Во всяком случае, она стала той, что уже не будет забывать. У ожившей статуи нет души, есть только сущность Деми, в которую вдохнул в нее Пигмалион. А значит, нет и печати забвения.

После всего, через что Элени пришлось пройти — долгие часы в больницах и клиниках, огромное количество исследований, усталость и непонимание, что творится с ее дочерью... Она это заслужила.

Там, в тупиках лабиринта, прятались и иные ее жизни. Не Деми, но Пандора выглядела по-разному, была женой и матерью, сестрой, возлюбленной и музой. Но, даже сошедшие с каменных стен, бывшие воспоминания ни следа в ней не оставляли. Словно истории из художественных книг — прочитанные, но не пережитые. С этими сестрами, женами и матерями отождествлять себя Деми не могла, и через их глаза, что бы ни говорили, не могла разглядеть собственную душу.

Она не знала, сколько времени провела в лабиринте, сколько исходила каменных дорог, сколько тупиков на своем пути встретила. Казалось, время исчислялось вечностью, хотя нигде Деми не задерживалась надолго.

И вот он, конец. Не тупик, на стене которого отражался осколок ее давнего прошлого. Выход из лабиринта, откуда пробивался ровный дневной свет. Один взгляд на виднеющийся клочок неба, и стало ясно: по ту сторону — не нынешняя Алая Эллада, растерзанная бесконечной войной. Небо чистое, голубое, как во многих воспоминания про ее прошлую жизнь в Греции, в мире Изначальном.

Но если все воспоминания Пандоры были рекой, которая текла меж каменных берегов лабиринта, то исток ее — здесь. Потому что прекрасная, благословленная самой Афродитой, девушка, облаченная в ниспадающий с плеч белый пеплос, стояла перед пифосом, а в глазах ее сияло любопытство.

«Что же ты натворила, глупая...»

Деми приблизилась, чтобы получше разглядеть воспоминание, изменившее не только ее судьбу, но и судьбу целого мира, впитать в себя каждую его деталь. Но, шагнув за пределы лабиринта, в нем растворилась. Частицы души, разметанной по полотну времени и пространства, слились, воссоединились.

Она была Пандорой — любимицей богов, женой титана Эпиметея и первой женщиной, сотворенной Гефестом. Обычной девушкой, которая обнаружила в себе — возможно, впервые — один из человеческих грехов. Любопытство.

Рукой сосуда своей истинной души та, что в этой жизни звалась Деметрией, открывала данный ей Зевсом пифос, измученная загадкой: что внутри? Она, Деми, была там, когда из

пифоса черной волной хлынули атэморус. Захлопнула крышку в ужасе, но было уже поздно. Неистовые, они вились вокруг нее стаяй дымчато-черных воронов, водоворотом из полупрозрачных фигур, лишь отдаленно напоминающих человеческие или не напоминающих их вовсе.

Она была там, когда голодные тени-атэморус впились в ее плоть.

В горло словно влили холодную воду, что застаивалась на дне колодца на протяжении веков. Пандора или Деми — теперь и не разобрать, кто из них — сжала рукой горло. Внутренности сковал лед. Страх бился под натянувшейся кожей.

Атэморус прошли сквозь нее, оставляя тело нетронутым, а душу — покрытой темными ранами, что даже годы спустя не превратятся в рубцы. Оставляя ее с расширенными от ужаса глазами наблюдать, как они распространяются по Древней Греции — тогда еще просто Элладе.

Пандора отчаянно взывала к богам — ко всем, чьи имена смогла вспомнить. Ко всем «крестным», что приложили руку к тому, чтобы ее создать: Гефесту, Афине, Гермесу, Афродите. И, конечно, к Зевсу.

Никто из богов не откликнулся. Никто не помог. Эпиметей и вовсе сбежал от жены, страшась гнева Зевса. Проснувшись, Пандора не обнаружила ни его, ни малышку Пирру свою новорожденную дочь. Искала ее, призывала богов, но они были глухи к ее молитвам и возваниям. Но однажды, когда мир раздирали на части атэморус, а Арес пошел войной на Олимп, в дверь дома Пандоры постучались. На пороге стояла некрасивая, но статная женщина с орлиным — больше римским, нежели греческим — носом и темными соболиными бровями.

Медея... Не просто колдунья, но и прорицательница, она или знала, что должно произойти, или узнала в тот миг, когда тонкие руки откинули крышку пифоса. И пусть Деми, нынешняя инкарнация Пандоры, была куда моложе той, в чьих воспоминаниях сейчас блуждала, глядя на Медею, она видела хищницу, что пришла за лакомым куском. Та, рожденная богами Пандора, видела в ней спасительницу.

Напрасно.

Медея сказала, что знает обо всем, пообещала помочь. Пандора, которую снедало чувство вины за боль, которую она причинила людям, ухватилась за этот шанс, словно утопающий — за соломинку. И первое, о чем она попросила — забвение. Любимый муж бросил ее, боги от нее отвернулись. Знала бы она, что позже они и вовсе ее проклянут, отобрав у нее все дары.

Потом был путь через врата Аида, где Медея зачаровала Цербера, пополнив список тех, кому удалось его обмануть. Затем — дорога к Лете и ритуал, который заклеил душу Пандоры печатью забвения. Медея держалась в стороне, имя свое Мнемозине не называла. Но как только Пандора окунулась в Лету, увела ее из царства Аида прочь. Умерев, она родилась уже с печатью на душе. Обычная девочка, девушка, женщина с провалами в памяти, не знающая, что она — самая первая, что она — Пандора.

Судьба пифоса в воспоминаниях Пандоры не отразилась. Однако голодный блеск в глазах Медеи, который она — потерянная, со следами слез на лице — не замечала, настойчиво говорил: у колдуньи на него были свои планы. Пыталась ли Медея открыть пифос? Знала ли, что осталось там? Знала ли об Элпис, духе надежды? Как бы то ни было, она была последней, кто видел пифос.

Деми отыскала к нему, утраченному, если не ключ, то тропу.

Вьющиеся вокруг нее прохладными ветрами воспоминания истаяли, осели на каменном дне лабиринта туманным пеплом. Она сделала последний шаг — нетвердый, почти вслепую, — и вынырнула из Кносского лабиринта в ритуальную комнату во дворце. Обращенные на Деми взгляды трех пар глаз едва не заставили ее горько рассмеяться. Вот же она, спрятанная на дне пифоса надежда. В ваших она глазах.

Они не видели воспоминаний Пандоры. Как же велик был соблазн обмануть — сказать, что и ее саму обманули! Опутали ложью и колдовством и заставили открыть пифос, который ни в коем случае — таков был наказ Зевса — нельзя было открывать. Но однажды Пандора уже скрыла содеянное, и вот к чему это привело.

— Медея, — выдохнула Деми. — Это она помогла мне стереть память. Она сама ко мне пришла, явно не из бескорыстных побуждений. Жаль, тогда я этого понять не смогла.

Благословленная богами, Пандора к тому времени прожила очень долгую жизнь — не вечность, которой славились боги, конечно, но и не короткую вспышку, чем для них, для богов, являлась жизнь обычного смертного. В Элладе успели появиться и другие женщины — царицы, пифии, колдуньи, простые горожанки. Но она, самая первая, еще не знала о женском коварстве. «Наивная, глупая, любопытная... вот какой я была», — с горечью, которую даже время не смягчит, думала Деми.

Но никогда не поздно измениться — вот что она отчаянно пыталась доказать. Не знала, сможет ли она, последняя инкарнация, изменить совершенное первой, но... Она хотя бы попытается.

Слушатели жадно впитывали каждое ее слово. Прокручивали их в голове, вертели, словно интригующую головоломку, рассматривали со всех сторон, чтобы разглядеть и запомнить малейшую деталь. И пусть Деми не смогла рассказать, где именно находится пифос, увидела в их глазах воодушевление вместо разочарования. Своими воспоминаниями она смогла дать им хоть что-то. Конец ниточки, которая вытянет за собой весь клубок.

— Моя любимая племянница, — вздохнула Цирцея. — Она себе не изменяет.

О Медее Деми знала не так много. Внучка Гелиоса, бога солнца и отца Цирцеи, возлюбленная Ясона, предводителя аргонавтов[1], что отправился в Колхиду за Золотым руном. И, конечно, колдунья, как и ее полубожественная тетушка. Вот, пожалуй, и все. Однако недаром Цирцею совсем не удивило, что Деми, пусть и не имея никаких доказательств, намекала на вину Медее в исчезновении пифоса.

— Плохая репутация? — догадалась она.

Цирцея, запрокинув голову, хохотнула.

— Можно, конечно, выразиться и так. Но я скажу прямо — она лгунья и убийца. Сколько жизней она сгубила, не счесть. Как кошка влюбленная в Ясона, Медея помогла ему похитить Золотое руно и сбежала из Колхиды вместе со своим маленьким братом Апсиртом. Когда ее отец Ээт помчался за ней, она убила Апсирта и бросила в воду части его тела, чтобы заставить Ээта прекратить погоню. На этом Медея, конечно, не остановилась. Она вообще не умеет и не желает останавливаться на полпути. В Иолке, захваченном Пелием, племянница устроила для его дочерей грандиозную мистификацию, заставив их поверить, что овладела ритуалом бессмертия. На их глазах Медея разрубила барана на куски и бросила его в кипяток, а вынула из котла живого и невредимого ягненка. Дочери Пелия, желая вернуть молодость отцу, повторили ее ритуал, но, разумеется, успеха не достигли.

Деми, побледнев, покачала головой.

— Зачем ей понадобился пифос?

— Узнаем, когда я ее найду, — с твердой решимостью сказала Ариадна.

Меж пальцев ее серебрились колдовские нити.

— Пошлите ко мне гонца, когда найдете Медею. — Не просьба — приказ. — Хочу знать, что она задумала.

Деми кивнула, скрывая огорчение. Она многое бы отдала, чтобы наблюдать за колдовством, которое Цирцея творит своими руками, но ей придется вернуться в Акрополь вместе с Никиасом и Ариадной. Да и к тому же, лишенная колдовских способностей, Цирцея она не интересна.

— Вы можете исправить совершенный мной и Медеей ритуал? — осмелев, спросила Деми. — Сделать так, чтобы память о минувшем дне оставалась при мне?

Цирцея коснулась тонкими пальцами ее висков, а показалось — тронула душу. Заглянула внутрь, исследуя, изучая.

— Печать забвения мне не снять. Не моей — сплетенной с божественной — магией.

А значит, после перерождения Деми не вспомнить свою прошлую жизнь. Не вспомнить, кем она была когда-то.

— Те трещины, что разбежались от нее в разные стороны, что затронули твою память, исцелить мне под силу. Я подготовлю все необходимое для ритуала, но на это уйдет время. Если не передумаешь... возвращайся.

— Если не передумаю?

Цирцея помолчала. Стояла, опираясь о стол с искусной резьбой, воплощая грацию даже в этой бесхитростной позе. Лицо колдуньи оставалось спокойным, почти безучастным, пока она говорила:

— Я даю тебе шанс взвесить все и понять, действительно ли тебе это нужно.

Ариадны с Никиасом больше не было в покоях Цирцеи — они, наверное, уже поднимались на борт корабля. А потому Деми могла спросить прямо:

— Вы не верите, что я смогу исправить содеянное? Что я отыщу пифос?

— Люди, — улыбаясь почти ласково, протянула колдунья. — Вы считаете неоспоримым благом безграничную веру в лучшее будущее. Я же считаю правильным не отвергать ни один из возможных исходов. Мойры плетут свои нити, и неизвестно, какие из них сложат твою судьбу. Какие будут вплетены в полотно, а какие — безжалостно оборваны. Ты должна быть ко всему готова. Именно это умение отличает победителя и просто неглупого человека. Человека, которого никому и ничему не сломить.

Цирцея предлагала Деми оставить лазейку: если пифос не будет найден, если они проиграют, если Зевс проиграет по ее вине, она сможет забыть обо всем. Вернуться в Изначальный мир и жить как прежде, не обвиняя, не кляня себя. Не помня былые ошибки.

Права ли колдунья, что оставляла шанс на плачевный исход?

Часть Деми — та, что была очарована силой духа и воли Цирцеи, или же просто была труслива — признавала ее правоту, приветствовала ее холодную практичность. Другая — упрямая, порывистая, несговорчивая — требовала, что бы ни случилось, починить сломанный механизм, который представляла собой ее память. Деми не знала, не помнила, какая из соперничающих друг с другом сторон души была с ней постоянно, а какая заявила о себе лишь сейчас. Но прислушалась к той, что убежденно говорила:

— Я вернусь.

На обратном пути на корабле, который все это время поджидал их на берегу омывающего Ээю моря, Ариадна без конца плела и расплетала нити. Деми до рези в глазах вглядывалась в сверкающий узор, но ничего, конечно, не понимала.

— Ты видишь что-то? — осторожно спросила она.

— Не вижу, скорее чувствую. Своими нитями, невидимыми для остальных, я опутала все места, куда моя нога хоть раз ступала. Оплела ими едва ли не всю Алую Элладу.

«Как Арахна», — мысленно улыбнулась Деми. Однако паутина Ариадны источала свет, и когда-то отыскала ее даже в мире Изначальном. Арахне такое колдовство не по плечу.

— Если я трону нити, почувствую, как земля отзовется или откликнется нужный мне человек. Зная меня, и он почувствует мое касание.

Вспышкой — воспоминание: прекрасные, как статуи, девушки и юноши, причудливые звери, Ариадна с натянутыми между пальцев нитями, а затем — появившийся в доме Пигмалиона Харон.

— Но разве ты оплетала своими нитями Медею?

— Нет. Конечно, нет. Встречать ее мне не доводилось. — Потемневший взгляд Ариадны договорил за нее: и не хотелось бы. — Однако человек, которого я ищу, ходит по опутанной моими нитями земле и невольно, даже не ведая о том, их задевает. Так я его и нахожу.

Впечатленная, Деми оставила Ариадну.

Никиас, опершись о борт корабля, вглядывался вдаль. Деми не знала, смогла ли колдунья хоть чем-то ему помочь, а от расспросов останавливал и тяжелый взгляд Никиаса, и весь его пугающий облик, но в большей степени — его неприкрытое желание отгородиться ото всех. Казалось, он прорисовал в своем собственном мире четко очерченные границы, проведя черту между собой и остальными. От нее Никиас отдалился еще больше — если это вообще возможно.

Но одно то, что он поднялся на корабль в полумаске и перчатках, о многом, увы, говорило.

Услышав за спиной ее шаги, Никиас обернулся. Меньше всего Деми ожидала, что он заговорит.

— Когда мы с Цирцеей остались наедине... Она кое-что мне рассказала. О тебе. То, что когда-то давно она узнала от самого Гелиоса.

Деми замерла на полпути. Черты лица Никиаса словно заострились. Он подался вперед, глухо роняя слова:

— Первую женщину — Пандору — Зевс создал не как подарок человеку, а как наказание за то, что Прометей похитил для людей огонь Олимпа. Что принес его им. И все беды, всех темных духов он заточил в пифос...

— Я не...

— Помнишь дары, которыми наградили тебя боги? Красноречие, ум, красота... От Зевса тоже был дар. Он наделил тебя... Пандору любопытством, чтобы однажды она стала причиной обрушенных на людей бед. Вот только Зевс не предугадал, что его желанием наказать человечество воспользуется Арес.

Деми закрыла глаза, не слыша больше ничего, кроме оглушительного шума крови в ушах. Пандора была буквально предназначена для того, чтобы открыть пифос.

Это не умаляло всей ее вины. Она могла пойти против судьбы, не следовать предназначенному ей богами пути, но оказалась слишком слаба... Однако Деми ничего не

могла подделать с затопившим ее волной облегчением.

— Почему люди никогда не задумывались, зачем вообще был создан этот пифос? Зачем заключать нечто столь темное и смертоносное в столь хрупкий, ненадежный сосуд? — воскликнула она. — Я тебе скажу, почему. Людям проще поверить в предательство и слабость духа смертной девушки, чем заподозрить в верховном боге коварство и желание им навредить.

Никиас, помрачнев, молчал.

— И почему Цирцея сказала об этом тебе, а не мне? Она должна была понимать, насколько это для меня важно.

Он поморщился, отводя взгляд.

— Цирцея умна и коварна, как кошка. И плетет свои сети, словно паук. Знала, что я не смогу не передать это тебе. Не смогу не сказать.

От абсурдной мысли, что полубогиня хочет их помирить, Деми едва не рассмеялась. Неужели Цирцея может быть не все равно? Или тех, кто вошел в ее жизнь, она воспринимает резными фигурками на шахматном поле? И двигает их, развлекаясь?

Но чем бы ни были продиктованы действия Цирцеи... Деми чувствовала возникшее между ними с Никиасом хрупкое доверие. И, как бы ни ошеломительна была правда, не могла эту возможность упустить.

— Как прошел ритуал? — осторожно спросила она.

Никиас мрачно усмехнулся.

— Как ты уже поняла, помочь мне Цирцея не сумела. Это колдовство куда сильнее, чем ее собственное. Неудивительно, если за все мои жизни меня никто не сумел исцелить.

— А как же Асклепий? Ариадна говорила...

— Я знаю, что о нем говорят. Вот только он способен исцелить тело, но не душу, а эта скверна разъедает именно ее. Против подобного даже он бессилён.

Деми шагнула ему навстречу.

— Что-то еще, верно? Было что-то еще?

Она видела это в его потухших глазах. В них плескалось то, что порой она ловила в своем отражении. Не боль даже — мука.

Затянувшаяся пауза, и страх, что он не ответит. А за ней — невидимый, но такой важный слом... Будто по вековому льду зазмеилась трещина.

— Я, как и ты, прошел через Кносский лабиринт собственной памяти. Как и ты, видел свои прошлые жизни. Видел мать, которая отказалась от меня сразу после моего рождения. Десятки матерей, которые от меня отказались. Потому я, несмотря на свое желание избавиться от тьмы, избавился от памяти от прежней жизни. Не хотел помнить, как раз за разом от меня отрекаются. Знать, что в каждой из жизней во мне видели лишь чудовище. Что в каждой я был отшельником и не был никем любим.

Деми чувствовала одиночество Никиаса так остро, что говорить было больно — горло кололи те же шипы, что вонзались, острые, в сердце.

— Никто не заслуживает такой судьбы.

Боялась, что он закроется, как всегда закрывался. Даже показалось, что она ослышалась, когда Никиас тихо произнес:

— Спасибо.

[1] Аргонавты — группа героев греческой мифологии во главе с Ясоном, совершившие

поход в поисках Золотого руна. Их название происходит от корабля «Арго», на котором они и отправились в Колхиду.

Глава двадцать первая. Поиски Медеи

На другом берегу Ариадна потянула за ниточки, что опутывали Харона, и тот появился, чтобы перенести их в Акрополь. Вместе с ним Ариадна отправилась на поиски Медеи. Говорила, так будет проще слышать эхо ее шагов — потому что ее души нигде на земле отчего-то не видела. Не видела ее и Кассандра.

— Морок? — хмурясь, спрашивала саму себя она.

Деми с ними не пустили — слишком опасно. Да и Никиасу, наверное, надоело всюду ее сопровождать. Она не спорила — ей было о чем подумать в четырех стенах.

Впрочем, одной она оставалась недолго. Не прошло и пары часов, как в комнате появились сразу двое: Доркас с немного растрепанной, но несомненно идущей ей прической — высоким, перетянутым в нескольких местах хвостом, и Фоант с подозрительно блестящими глазами.

— Мы — отряд по борьбе с твоей скукой, — заплетающимся языком сообщил он. — Вино будешь?

Кувшина в его руках на этот раз не было, но Деми не удивилась бы, если бы сын Диониса просто материализовал его из воздуха. Доркас закатила глаза.

— Слава богам, ты не Искра, а лишь божественный потомок.

— Я был бы лучшей Искрой, дитя Геи, — лукаво подмигнул Фоант. — Притом, любого из богов.

— Могу себе это представить, — хмыкнула Доркас. — Фоант в роли Искры Танатоса: «Ох, простите, я ошибся, вы не должны были умирать. Кажется, я перепутал вас с соседом. Каюсь, был немного пьян». Фоант-хирург и по совместительству Искра Асклепия. «Что вы говорите? У вас раньше было две почки? Я точно видел две... А, это просто в глазах двоилось».

— Очень смешно, — пробурчал он и подчеркнуто обратился к Деми: — Так ты будешь вино?

— Нет, спасибо, мне и так неплохо.

— А было бы еще лучше, — убежденно сказал Фоант. — Ну как хочешь. Мне же больше достанется.

— Больше, — хохотнула Доркас. — Деми, а ты знаешь, что на тринадцатилетие Фоанта его божественный родитель подарил ему ма-а-хонький такой божественный подарок: кувшин, всегда полный вина из лучших виноградников Алой Эллады?

Деми фыркнула от смеха, ничуть, впрочем, этому не удивляясь. Ее внезапно пронзила мысль о том, что Фоант — полубог, как и Цирцея. Однако такого благоговейного пиетета перед ним, как перед колдуньей Ээи, она не испытывала. Может, дело в том, как держался с ними Фоант — будто закадычный старый друг, этакий свой в доску рубаха-парень. А может, в том, что он держался рядом с Ариадной — отмеченным божественной печатью инкарнатом, но все же смертной.

Они еще несколько минут отпускали шпильки в адрес друг друга, но смеяться Деми уже не хотелось. Да и Доркас в конце концов это надоело. Глядя на Деми, она оживленно осведомилась:

— Так что произошло на Ээе?

— Вы знаете?

— Все знают, что ты отправилась туда, — пожал плечами Фоант. — К слову, некоторые Искры Ириды — жуткие сплетницы. Потому люди, которые хотят оставить в тайне свои... тайны, обращаются к Искрам Гермеса.

— Хочешь сказать, только потому, что он — мужчина, его Искрам стоит доверять? — мгновенно ощетинилась Доркас.

— Нет, я хочу сказать, что Ирида благословляет лишь девушек, а Гермес — лишь юношей. И да, *им* в вопросах секретности я доверял бы больше.

— Ой, мужчины — те еще сплетники...

— Я отказалась от помощи Цирцеи, — обрубая на корню их перепалку, призналась Деми. — Не вернула себе память, хотя могла. Я так долго об этом думала, чтобы потом отступить в самый последний момент. Это малодушие, да?

Фоант, сделавшись непривычно серьезным, покачал головой.

— Нет, Деми. Ты — человек, а человеческая память порой становится проклятием.

— Я не хочу сбегать, — горячо сказала она. — Я хочу остаться в Алой Элладе. В спасенной Алой Элладе. Но...

— Но не хочешь и сжигать за собой мосты, — кивнул Фоант. — Это говорит лишь о том, что время ритуала еще не пришло.

Доркас звонко хлопнула в ладоши.

— Так, заканчиваем грустить. А ты, Деми, идешь с нами.

— Куда?

— Гулять.

— Гулять?!

Столь будничное слово звучало почти насмешкой.

Ее дневник полнился событиями, встречами — чаще всего с не самыми дружелюбными к ней созданиями и людьми. С самого первого появления Деми в Алой Элладе ее все время вела куда-то та или иная цель. Или другие ее вели. Узнать, что случилось с ее памятью, вернуть ее, отыскать ту, что забрала пифос, отыскать его... И ни одной записи о том, как она... гуляла. Только, разве что, когда направлялась в Гефейстейон или во дворец Пигмалиона.

Имела ли она вообще на это право? Развлекать других и саму себя, пока будущее тонет в чернильной неизвестности, а мир алым пологом накрывает разрушительная война?

Доркас уловила сомнение в ее глазах, подалась вперед с присущей ей пылкостью.

— Во имя богов, Деми, ты прибыла из чужого мира! Неужели тебе не хочется узнать хоть немного наш?

«Немного? Немного?! Боюсь, некоторых жителей Алой Эллады я предпочла бы и вовсе не знать», — поежилась Деми, вспоминая Аллекто и эриний, гекантохейра и горгону.

И все же она понимала, о чем говорила Доркас. И сидеть в четырех стенах, когда ее окружает огромный мир, в котором ей предстояло жить, если пифос будет найден.

Когда пифос будет найден... и открыт. Ею.

— Идем гулять, — решившись, с улыбкой сказала Деми.

Их путь вниз пролегал мимо очередных украсивших стены росписей. На одной ее части был изображен смутно знакомый ей старец с седыми волосами и бородой. Узнать его помогли лишь детали. Мертвое, сумеречное место, которое Деми признала с полувзгляда. Царство Аида. Лодка, плывущая по еще не высохшей, не выжженной реке, и в ней — он. Харон, с все тем же хмурым и неприветливым лицом, только на десятки лет постаревший.

— Он здесь... другой.

— Еще бы, — подал голос Фоант. — В те времена, когда Стикс была рекой, а не только ее воплощением, нашего очаровательного весельчака вряд ли занимал окружающий мир. Вряд ли он вообще толком его замечал. Только представь: сотни и тысячи душ приходили к нему одна за другой, и каждую нужно было переправить на другой берег. Когда воды Стикс вскипели от жара Гефеста, Харон стал частью Алой Эллады. И как бы он это ни отрицал, он привязался к людям — обычным людям, а не бессмертных созданий. Во всяком случае, чувства смертных он решил пощадить.

— То есть? — не поняла Деми.

— Видишь ли... Художник, чье творение приковало твой взор, несколько преувеличил былой облик Харона. Сын Эреба и Нюкты, он никогда не отличался особой красотой, а слухи твердят, что и вовсе был страшен, как Тифон[1]. Потому и укутывался в черное рубище с глубоким капюшоном, чтобы души, прибывшие к его берегу, не отпугнуть. Потому никто и не заметил, как Харон — создание, которому даровали бессмертие, но не силу, равную богам, понемногу истлел... Как от него ничего не осталось, кроме костей, в клетке которых парила душа и сияли потусторонним светом глаза. Этого легко не заметить в вечном сумраке Аида, особенно когда ты — оглушенная ужасом душа, которой предстоит путешествие в мир мертвых. Которая осознала, что ее ждет посмертие, а привычная жизнь осталась на той стороне. Однако переместившись из подземного мира в Алую Элладу, Харон решил сменить облик на тот, что не вызовет у какого-нибудь добропорядочного эллина сердечный удар. Ведь если бы он выглядел сейчас так, как выглядит на самом деле, мы бы созерцали разве что скелет.

— Ненавижу скелетов. — Доркас смешно сморщила нос.

— Как мило с его стороны, — передернув плечами, пробормотала Деми.

— Он вообще душка, — заверил Фоант. — И не смотри на то, что он всегда мрачен как туча и вообще тот еще ворчун. Это у нас, одаренных божественным благословением инкарнатов, есть возможность выбрать — сохранить себе память о прошлых жизнях или же отказаться от этого дара после очередной из смертей. А такие, как Харон — бессмертные — помнят все. Только подумай, сколько дурного он видел за минувшие века... Наверное, это не могло на нем не отразиться.

Два образа наложились друг на друга: мрачные патологоанатомы, санитары морга с их черным юмором и довольно циничным взглядом на жизнь и Харон, большую часть своей жизни, что исчислялась веками, просидевший в лодке и не видящий ничего, кроме волн за бортом и... мертвецов. Стало ясно, почему в сознании Деми Харон прочно ассоциировался с тучей, осенью и пасмурным небом.

«Записать бы эту мысль на будущее, чтобы потом не удивляться, почему он... такой».

И снова это странное выражение лица Фоанта и изменившийся голос, из которого ушла беспечность. И снова тогда, когда речь зашла о памяти. Что-то подсказывало Деми, эта тема волнует не только ее.

— Ты помнишь все свои жизни? — тихо спросила она.

— К сожалению, да. Я думал... Думал, это сделает меня мудрее. Позволит возвыситься над остальными. Знать больше языков, козырять перед другими знанием недоступного многим Изначального мира, с легкостью завоевывать девичьи сердца своим блестящим интеллектом. — Он горько усмехнулся. — Но есть и обратная сторона медали. Слишком много разочарований — в богах, что должны оберегать нас, и в людях, столь несовершенных

божественных созданиях.

Не все ли эти разочарования, что преследовали его десятилетиями, не свою ли память Фоант так старательно и рьяно топил в вине?

Видеть его таким — серьезным, погруженным в себя — не просто было непривычно, это ломало весь нарисованный в сознании Деми образ. Но нет, это не слом — глубина. Уходящие в землю корни дерева. Показавшаяся на мгновение часть айсберга, что обычно скрыта под водой.

Фоант откашлялся, отводя взгляд. Прежде, чем Деми успела сказать хоть что-то, он заговорил сам.

— У моей сверх меры романтической матушки, правда, другое объяснение чудесной трансформации Харона.

Деми не сразу поняла, что Фоант говорил об Ариадне. Воспринимать эту прекрасную девушку матерью юноши, не расстающегося с вином, непросто, особенно если вспомнить, что его матерью она была в одной из своих прошлых жизнях.

— Если верить ей, после того, как обратилась паром и пеплом ее река, Стикс впервые явила миру свое человеческое воплощение. И Харон...

— Решил от нее не отставать? — предположила Доркас.

Фоант шумно фыркнул.

— Я бы назвал это иначе.

— Он хотел ей понравиться, — улыбнулась Деми.

Сын Диониса торжествующе наставил на нее указательный палец.

— Во-о-т.

— Но они находились бок о бок друг с другом на протяжении десятков лет, — недоумевала Доркас. — Уж Стикс-то наверняка знала, как выглядит Харон. Видела, как он постепенно дряхлеет, как желтеют его кости под рубищем...

Фоант притворно вздохнул.

— Ничего ты не понимаешь. Не романтическая ты натура.

— Кажется, Ариадну «сверх меры романтической» называл именно ты, — сощурила глаза Деми.

— У нас разные понимания романтичности, — назидательно сообщил он.

Деми фыркнула, но промолчала.

— Выходит, бессмертные могут по собственной воле изменять свою личину?

— О, не все, далеко не все, — вклинулась Доркас. — Иначе Сцилла не была бы обречена на такие муки.

— А я думал, ее страдания связаны с тем, что она, ведомая голодом, была вынуждена поглощать плоть созданий, к которым и сама недавно принадлежала.

— Да, но то, что Сцилла при этом страшна как грех, вряд ли улучшает ситуацию.

— Некоторым бессмертным доступна магия изменения, иллюзии. Разумеется, в первую очередь столь полезной привилегией обладают боги. Так, Геба вечно юна, хотя ей, богине юности, наверное, и положено. Деметре и Гестии больше по душе обличье женщин зрелых и, м-м-м, породистых. Персефона навеки сохранила тот облик, в котором впервые спустилась в царство мертвых. Посейдон и вовсе соткан из воды и как таковой личины не имеет. Дионис бесконечно меняет лица — ему нравится эта игра. Его любимая забава — притвориться обычным жителем Эллады, затесаться в круг его знакомых и напоить их до полусмерти, а девушек до полусмерти затанцевать. Афродита, напротив, бесконечно исправляет то губы, то

носик, хотя, как по мне, она — совершенство.

Деми покачала головой, представляя крутящуюся перед зеркалом Афродиту. Голова шла кругом от такой близости истинных богов.

— Кстати о богах... Кто сейчас сражается на стороне Зевса?

— Дочери и сыновья Стикс всегда были верными союзниками Зевса, со времен битвы с Титанами, — нараспев произнес Фоант. — С ними Ника, крылатая богиня победы, Зел, бог соперничества, Бия, богиня могущества и насилия, Кратос, бог господства и силы. Их называют стражами трона Зевса, а потому немудрено, что именно они всегда на передовой. Они — его главные воины.

— Еще, конечно, Афина Паллада.

— Но она ведь тоже богиня войны? Почему она не на стороне Ареса? Почему не считает его своим... м-м-м... единомышленником?

— Потому что Арес был рожден богом коварной, вероломной войны, тогда как Афина — богиня войны честной и справедливой, — объяснил Фоант. — Она, превосходный стратег и воин, командует армиями смертных и полубогов вместе с Атлантом.

— Тем, что поддерживает небесный свод? — оживилась Деми.

— В этом больш нет необходимости. Наверняка ты знаешь, что когда-то Атлант вместе с братьями-титанами воевал с олимпийскими богами.

— Титаномахия[2], да, — кивнула она.

— Но перед лицом такого грозного врага, как Арес, Зевс позабыл былые обиды и освободил сверженных титанов из Тартара, а с плеч Атланта снял небесный свод. Теперь титаны и сторукие великанами-гекатонхейры, как и Зевс с Атлантом, бок о бок сражаются с химерами Ареса.

Обойдя весь Акрополь и часть нижнего города, в пайдейю они вернулись уже под вечер. Фоант заявил, что после такого «насыщенного и тяжелого дня» ему просто необходима «чарочка вина». Неутомимая Доркас отправилась в Гефестейон, оттачивать дар укрощения земли и навыки владения благословленным богами оружием.

Деми поднималась к себе, когда увидела в коридоре замершего у окна Никиаса. Воздух вокруг него готов был заискриться от напряжения, руки были сжаты в кулаки. Однако смотрел он не на вечно алое небо. Тогда что так его беспокоило, что так злило?

Его рука потянулась к стальной черной маске Минотавра... и с тихим скрежетом провела по ней ногтями. Пальцы изогнулись дугой, словно птичья лапа, и задрожали.

— Мне жаль, — вырвалось у Деми.

Она не хотела ничего говорить, хотела и вовсе оступить в тень, и в ней же раствориться, пока Никиас не заметил ее присутствие. Но эта дрожащая рука, эта переполняющая его ярость... Теперь она, уже куда более очевидная, плескалась в синих глазах — Никиас порывисто развернулся к ней всем телом.

— Цирцея тебе не помогла.

Не вопрос — утверждение.

— Почему?

— Что? — растерялась Деми.

— Почему тебе жаль? Разве ты не писала в своих дневниках о том, как я обращался с тобой, какие слова тебе говорил?

Она помолчала, кусая губы. Прощение — странная вещь. Жить без него тяжело — слишком уж несовершенны люди... и даже боги. А вот злоупотреблять им не стоило, иначе

можно забыть о такой хрупкой вещи, как уважение к самому себе. Однако глядя на Никиаса, Деми видела красивого молодого юношу с ужасным уродством, которое ему приходилось прятать всю свою жизнь... Все свои жизни. Каково жить так, ненавидя самого себя? Каково годами искать — и находить — в чужих глазах жалость, отвращение и страх?

Может, потому Никиас никого не подпускал близко? Потому так сильно замкнулся в себе? Редкий человек на его месте не обозлился бы на судьбу, не впустил ярость в свою душу. А она подпитывала любую эмоцию, раздувая искру в яркое, жаркое пламя.

Однако было и кое-что еще...

— Я могу понять твою боль, ярость и ненависть. Я и сама ненавижу ту, которой когда-то была. Пандору. И никто не заслуживает такой участи — вечно жить с чем-то, что нельзя изменить.

Никиас шагнул к ней со сжатыми кулаками. Деми подавила желание отступить на шаг, чтобы не показать свою слабость. Вскинула подбородок, готовая не принять очередной ядовитый укол в свою сторону, но ответить на него.

— Надеюсь, у тебя выйдет, — со странной, горячей решимостью сказал Никиас. — Надеюсь, хоть один из нас способен переломить собственную судьбу.

Обескураженная его словами, Деми так и не нашлась с ответом и молча смотрела, как он уходил.

Когда Ариадна влетела в ее комнату — лицо бледное, с лихорадочными пятнами румянца, золотые волосы разметались по плечам, — сердце тревожно кольнуло. Следом вошли мрачные Харон с Никиасом, что подтвердило опасения Деми: хорошие новости ее не ждут.

— Я нашла Медею, — выпалила Ариадна. — Ее... ее заключили в Тартар.

— Тартар... — Она заглянула в омут собственной памяти в поисках ответов. — Глубочайшая бездна мира, самое жуткое место в царстве Аида...

— И самая страшная тюрьма.

— Тюрьма? Ах да, Зевс же низвергнул титанов в Тартар.

— Не только Зевс, и не только их, — подал голос Никиас.

Деми вопросительно взглянула на него, но ответила всеведущая Ариадна:

— Первым, кого заключили в Тартаре, был Тифон, сын Геи, которого она породила, чтобы отомстить Зевсу за то, что он сделал с ее детьми-титанами.

Деми мысленно улыбнулась, подумав: в какой-нибудь школе Изначального мира каждая инкарнация прекрасной царевны наверняка была бы любимицей всех учителей.

— Боги спокойно жить не умеют, да? — со вздохом поинтересовалась она.

Ариадна мягко улыбнулась, словно прося прощение за весь пантеон богов.

— Зевс своими молниями отрубил Тифону всю сотню его драконьих голов, но это не помогло уничтожить сына Геи. Потому Зевсу пришлось отправить его вслед за титанами.

— Мсть не удалась, — мрачно усмехнулся Харон.

— За ним последовали и другие монстры и создания. Все монстры и все... создания, включая самих богов, которых нельзя убить, в наказание отправляют в вековечную тьму Тартара.

— Но разве Медея неуязвима? — удивилась Деми.

— Нет. В ней, внучке Гелиоса, течет божественная кровь, но ее недостаточно, чтобы стать бессмертной.

— Тогда почему ее заключили в Тартар?

— Порой смерть — слишком мягкое наказание, — сухо сказал Никиас. — Убьют Медею — переродится, с памятью о прошлой жизни или же без. Первое хорошо для нее тем, что она вспомнит все свои колдовские фокусы. Второе — тем, что не вспомнит, что натворила, сколько сгубила душ.

— Выходит, кто-то хочет, чтобы Медея жила и... помнила, — медленно сказала Деми.

— В Тартаре она такая не одна, — объяснила Ариадна. — Есть еще Данаиды — пятьдесят дочерей царя Даная, убившие своих мужей в брачную ночь[3]. Иксион — первый человек на Земле, умышленно убивший своего близкого родственника[4]. Тантал, который убил собственного сына и подал его в качестве главного блюда на пиршественный стол для богов Олимпа[5].

— 3-зачем? — выдавила Деми.

Никиас пожал плечами.

— Тантал отчего-то решил, что это лучший способ проверить, действительно ли боги знают обо всем на свете. В Тартаре заперт и Сизиф[6], история которого наверняка тебе знакома.

Деми помолчала, размышляя.

— Вот почему Медея не объявилась, когда в Алой Элладе появилась я.

Она прикрыла глаза на мгновение. Последние страницы ее дневника были посвящены пронизанным теплом словам Ариадны — о ее настойчивости, решимости идти до конца. Деми не имела права ее подвести, не могла обмануть ее ожидания.

— Значит, в Тартар?

[1] Тифон (др. — греч. Τυφῶν, Τυφωεύς, Τυφῶς, Τυφάων) — чудовищный великан с сотней драконьих голов, человеческим торсом и змеями вместо ног, называемый Отцом всех монстров.

[2] Титаномáхия (др. — греч. Τίτανομαχία) или Войны Титанов — битва богов-олимпийцев с титанами, серия сражений в течение десяти лет между двумя лагерями божеств (горой Офрис и горой Олимп) задолго до существования человеческого рода. Олимпийские боги с помощью циклопов и гекатонхейров одержали победу над титанами.

[3] За свое преступление Данаиды были обречены вечно наполнять в Аиде водой бездонную бочку; отсюда выражение «работа Данаид» — бесплодная, нескончаемая работа.

[4] В качестве наказания Иксион после смерти был распят на огненном колесе, которое вечно вертится с невероятной быстротой.

[5] Его кара — вечно страдать от голода и жажды, будучи окруженным пищей и водой. Отсюда пошло выражение «Танталовы муки» — тяжкие мучения из-за близости желанной цели, которую невозможно достичь.

[6] Сизиф — царь Коринфа, приговоренный богами катить на гору подземного мира тяжелый камень, который, достигая вершины, скатывался вниз. От его имени и пошло выражение «сизифов труд», что означает тяжелую, бесконечную работу, которая, будучи безрезультатной, приносит человеку страдания.

Глава двадцать вторая. Тартар

Теперь, когда правда оказалась прямо у них под ногами, Кассандра решила сопровождать Деми. Наверняка не только из-за важности встречи с Медеей, но и из-за вероятности стать свидетелем события, о котором в будущем будет говорить вся Алая Эллада. Пифос, который пророчица искала все свои жизни, был близок к ней как никогда.

За Ариадной, к огорчению Деми, прислали гонца, Искру Гермеса — кому-то из высокопоставленных особ немедленно требовалась помощь плетельщицы зачарованных нитей. Харон и Кассандра... их отношение к Деми сложно обозначить одним-единственным словом. Но чего не было в этом клубке эмоций, так это симпатии и тепла. Никиас... с ним еще сложнее.

Однако их прохладное (или просто запутанное и с трудом поддающееся объяснению) отношение к ней — меньшая из зол, что ее окружали. Чтобы увидеть большую, достаточно обратить взор к небу. Как только пифос будет найден, всему этому наступит конец. Что придет следом, Деми не знала. Нечто новое, нечто совершенно другое.

Как только Харон перенес их в царство Аида, и сумрак сомкнулся вокруг них, Кассандра вынула что-то из подвешенного к поясу мешочка. На первый взгляд показалось — мелкие рубины, на деле же — зерна граната, лишь недавно вынутые из свежего плода. Пророчица закопала их в землю.

— Есть путь в Тартар и иной, но путь этот обходной, долгий, — объяснила она. — А времени на поиски пифоса мы и без того потратили... немало.

Слово «немало» едва ли могло вместить в себя все века, потраченные Кассандрой, Ариадной и другими инкарнатами на поиск Пандоры, все пройденные ими пути, но подбирать другое она не стала. В сознании Деми сложился образ человека, который не любит тратить время зря. Который ценит его, даже невзирая на уже прожитые жизни и те, что еще предстоит прожить.

Кого вызывала Кассандра, Деми догадалась сразу. Трепет внутри наверняка был ей знаком и уже пережит однажды, пускай и не мог отпечататься в памяти. Она удивилась тому, что Кассандра вызывала Персефону гранатовыми зернами, и ставшими когда-то в прошлом ее капканом, и связавшие ее с царством Аида нерушимыми узами.

Зарытые в землю гранатовые символы то ли власти Персефоны, то ли ее неволи — а может, обеих сторон ее новой жизни — призвали богиню к берегам мертвой, в отличие от самой Стикс, реки.

— Зачем ты вызвала меня, пророчица?

На Деми Персефона едва взглянула. И то, как она держалась, отчего-то расходилось с представлением Деми о ней. Холодный тон, равнодушное лицо, больше похожее на маску, некая царственная надменность во взглядах и жестах... Истинная богиня подземного царства, далекая от того легкомысленного, даже игривого образа, что запечатлела память Деми.

Выслушав Кассандру, Персефона нахмурилась.

— Ты думаешь, пифос у Медеи? Впрочем, не объясняй. Если существует хоть малейшая возможность ослабить Ареса... Я сделаю для этого все. Любой бы сделал.

И пусть движения Персефоны были плавны, утонченны и выверены, а жизнь — бессмертна, временем она, как и Кассандра, дорожила. Не стала тратить его на слова, но

сплела для них заклинание.

Земля содрогнулась — казалось, оставшаяся в Акрополе Доркас выплеснула дар, которым поделилась с ней богиня Гея. А потом земля обрушилась вниз, открывая ряд уходящих вниз ступеней. Вот он, короткий путь в Тартар. В самую бездну по прямой.

Деми спускалась вниз, старательно подражая во всем Кассандре: в прямой спине, в четких движениях и обманчиво спокойном взгляде. Вот только все мысли пророчицы были заняты пифосом. Мысли Деми — тем, что они спускаются в Тартар.

Темница для самых страшных тварей, для проклятых, бессмертных и неугодных богам. В прошлом — тюрьма для титанов, циклопов и гекантохейров. Черным саваном пространство Тартара укрыла вековечная тьма. Кто прятался там? Деми не знала — не видела. Кассандра, используя сферу Гелиоса не как орудие, а как источник света, ей показала.

Череды тонущих в полумраке лиц и фигур слилась в бесконечный поток, в сплошную черную стену. Людей и монстров роднило лишь выражение глаз — застывшее в них жадное отчаяние, глухая, приглушенная временем и чувством безысходности, мольба.

Бездна голодных глаз, окружающая Деми, устрашала.

Порой Тартар содрогался от чьих-то тяжелых шагов. От того, чтобы поддаться искушению и взглянуться во тьму, останавливала мысль: ее память сохранит это жуткое воспоминание и будет воскресать его всякий раз, стоит только подумать о Тартаре.

Но порой бездну сотрясала дрожь иного рода. В те моменты Деми едва могла удержаться на ногах.

— Что происходит?

— Тифон пытается вырваться из своей клетки, — небрежно бросила Кассандра, будто речь шла о домашней собаке, что сорвалась с поводка.

— Никогда не сдастся, — одобрительно усмехнулся Харон.

Деми с трудом подавила собственную нервную дрожь.

— Вы знаете, куда идти?

— Ариадна рассказала, — сухо отозвалась Кассандра.

Деми прошла путем, проложенным пророчицей... и светом в ее руке, который заставлял пленников Тартара держаться от них подальше. Прорезавшая и разбившая мрак дорога в виде полосы света привела их к странному сооружению — дворцу из камня сродни обсидиану. Черному, гладкому, ловящему блики от света Гелиоса.

— Медея коварна и опасна, но силы духа и упрямства ей не занимать, — заметил Харон. — Даже в Тартаре, самом жутком, самом мрачном, самом темном месте на земле, она отвоевала себе свое собственное место, свой островок спокойствия и тишины. Пока остальные бродят, неприкаянные, по бездне, и ссорятся друг с другом за каждый клочок темноты, она восседает на троне своего собственного дворца.

Почудилось, или он и впрямь питал симпатию к темной колдунье?

— Это дворец Медеи? — поразила Деми. Не такой она представляла себе тюремную клетку в царстве мертвых. — Но из чего он сотворен?

— Из того единственного, что можно отыскать в Тартаре, — обронил Никиас. Как всегда немногословный, сосредоточенный, погруженный внутрь себя. — Из костей монстров или из тьмы. А может, и из того, и из другого.

Можно ли придать тьме твердость камня? Если ты колдунья... почему бы и нет? Пусть истинных возможностей Медеи Деми не знала, подозревала: от нее всего можно ожидать.

Они вошли под своды дворца, в широкие ворота высотой в два человеческих роста. Когда они открылись сами собой, впуская гостей, раздался странный перестук, заставивший Деми вздрогнуть. Свет, принесенный Кассандрой (сам дворец тонул в темноте) озарил колдунью, что восседала на грубо вырезанном из каменной породы троне... в окружении дюжины устрашающих монстров — великанов и тварей со звериными частями тела.

На первый взгляд могло показаться, что они охраняют ее, пленницу Тартара. На второй в глаза бросалась царственная поза Медеи. Обе руки покоились на подлокотниках трона, нога грациозно закинута на ногу. От нее буквально веяло древней колдовской силой.

Хозяйка мрачного замка находилась под защитой обступивших ее монстров.

Будто в подтверждение мыслям Деми огромный двухголовый пес со змеиным хвостом (судя по всему, Орф — старший братец Цербера) положил морду на колени Медеи, и та принялась лениво почесывать ему загривок. Высокая, крупноватая, черноволосая, она не была красивой в привычном смысле этого слова, но породистой. Ярче всего на ее лице выделялся римский нос и антрацитовые глаза под соболиными бровями.

— Какой причудливый зоопарк, — ядовито произнесла Кассандра. — Всех чудовищ вокруг себя собрала?

— Только тех, кто оказался никому не нужным... кроме меня. — Орфа, Лернейскую гидру и Химеру, что и дала имя иным чудовищам, которых Геката взяла под свое крыло, породили Тифон и Ехидна. Не лучшие родители, не находишь? Они забывали о своих детях, едва те появлялись на свет.

— И ты по доброте душевной приютила всех несчастных и обездоленных?

— Учусь у лучших, — Медея вернула Никиасу усмешку. — Если Геката завела себе стаю монстров, почему мне нельзя?

Она скользнула взглядом по Деми, поначалу ее не узнавая. Подалась вперед с резким выдохом, пальцами вцепившись в трон — да так сильно, что побелели костяшки.

— Ты... Я помню твою душу. На ней — мое колдовство.

— По большей части, колдовство Мнемозины.

Медея досадливо поморщилась, откидываясь на спинку трона. Уточнение по вкусу ей не пришлось.

— К демону твоих чудовищ, зачем ты украла пифос? — Кассандре явно надоел этот разговор. — Для этого ты ведь и собрала вокруг себя чудовищ? Чтобы его охранять?

— Хочешь — верь, хочешь — нет, но монстров я люблю как своих детей.

— Раз ты так любезно предоставила мне выбор, я, пожалуй, предпочту не поверить, — холодно отозвалась пророчица. — Пифос, Медея. Зачем он тебе?

Деми выдохнула, чувствуя, как накаляется воздух. Когда в схватку — пусть даже словесную — вступают две сильные женщины, что привыкли главенствовать, повелевать, остальным лучше держаться в стороне.

К ее удивлению, скрывать свои намерения Медея не стала.

— Я думала, что, если у меня будет пифос, я смогу контролировать атэморус.

— Чтобы стать на сторону Ареса или Зевса? — К делу это не относилось, но Деми не могла не спросить.

— Все зависело от того, кто больше предложит. — Медея расхохоталась над собственной шуткой.

Громкая, прямолинейная, она вызывала странные чувства, и одно из них — любопытство.

«Она убийца, — напомнила самой себе Деми. — Не забывай». Мысль звучала почти... иронично. Но она и впрямь не забудет.

— У тебя не вышло, — спокойно сказала Кассандра, — и что тогда?

— И тогда я решила отыскать Пандору. Точнее, дождаться, пока другие — вроде тебя — ее найдут. Видимо, дождалась, пусть и не сумела оказать ей достойный прием.

— Почему Геката тебя не спасла? — нахмурился Никиас, разглядывая тюрьму Медеи. На чудовищ он смотрел без страха и отвращения, будто те были лишь псами на цепи. — Разве она не была твоей покровительницей?

— Боги переменчивы. В одну минуту ты находишься под их заступничеством, в другую — ты уже в немилости у них. У богини колдовства появились другие игрушки на замену смертным. Химеры. И разрушительная война.

— А кто?..

— Хватит вопросов, — резко оборвала Никиаса Кассандра. — Мне нужен ответ лишь на один: — Где пифос, Медея?

Та облизнула полные губы.

— У меня. И я отдам вам его. Но вы должны понимать... У моего бескорыстия есть цена.

Харон фыркнул и отвернулся.

— Ты хочешь освобождения из своей тюрьмы, — кивнула Кассандра.

Медея отчего-то снова расхохоталась. В этом смехе — открытом, искреннем — Деми неожиданно увидела сходство между дочерью Гелиоса Цирцеей и его внучкой.

— И зачем мне это? Там, наверху, бушует война, а мне и без нее находиться в Алой Элладе опасно. Слишком многим не пришлось по вкусу мои действия, слишком многие хотят вырвать душу из моего тела. Здесь я — царица в своем собственном замке. Мне поклоняются, меня любят, мне преданы и благодарны.

Бывшая царевна Колхиды, а ныне — царица чудовищ в замке из костей.

— Мне лишь нужно немного... уюта. Я ведь женщина, пускай и заточенная в Тартар.

— Уюта? — Кассандра захлебнулась изумлением с возмущением пополам.

Впрочем, наглость Медеи поражала не только ее. Или это не наглость, а ясное осознание того, что она хозяйка положения? Обладающая самой ценной из реликвий, она могла позволить себе торговаться. Отказать ей — значит, обречь противников Ареса на поражение, и Кассандра это понимала. Оттого восседающая на троне Медея и смотрела на них свысока.

— Мне нужен кто-то вроде... Дедала, способный превратить это жуткое место из тюрьмы во дворец.

— Дедал, как и многие, сейчас в гуще войны — даже если и не находится на поле боя. Он неустанно трудится над новыми изобретениями, которые помогут нам в войне против Ареса, и ты должна это знать...

— Я знаю.

— И, тем не менее, ты требуешь, чтобы я оторвала его от дела и привела в Тартар, чтобы он построил для тебя роскошную золотую клетку?

— Верно. — Улыбка Медеи доброй не была. Она походила на оскал хищницы, что сжимала в лапах мышь. — Одного золота, правда, будет недостаточно. Хочу еще белый мрамор.

Кассандра прикрыла глаза и стояла так, собирая по крохам самообладание. Обычно она

его не теряла вовсе.

Каждый из них понимал: Медея победила в тот момент, когда Кассандра отправилась на ее поиски. Да и Дедал, при всей важности его дела, пойдет колдунье навстречу.

— Сомневаюсь, что Аид так легко согласится на то, чтобы отданный под его власть Тартар перекраивали, как хотели, — заметил Никиас.

Самому Тартару, судя по всему, безразлично, что творят с его детищем. Сражался ли он, бог глубочайшей во вселенной пропасти и самой страшной тюрьмы, в Эфире с Аидом и его тварями? Или бродил здесь, среди приласканных Медеей монстров?

— А это уже ваша проблема, — напевно сказала колдунья.

Пальцы ее правой руки задумчиво поглаживали каменный трон. Своим ледяным спокойствием и огнем, горящим в глазах, она напоминала Деми сам Тартар. Холодную бездну, под чьим непроницаемым покровом ярились чудовища и пульсировала живая тьма.

Аида Кассандра призывала вынутыми из мешочка на поясе костями. Готовилась к этой встрече заранее или всегда использовала их для ритуалов? От эллинов, тем более отмеченных божественными знаками, Деми уже ожидала всего.

Кассандра выложила костями знак, напоминающий насаженный на крест полумесяц, с круглой точкой на вершине. Аид явился не сразу. Возник из теней, которые отбрасывали ручные чудовища Медеи, ее трон и сам ее дворец. Высокий, в полтора раза выше Деми, и облаченный в темные доспехи и чужую кровь.

— Чего ты хочешь, смертная?

Голос Аида не был подобен грому, что, говорят, присуще Зевсу. Глухой, но сильный, вызывающий невольный трепет. Темные волосы доставали ему до плеч и кое-где были схвачены узкими стальными кольцами. А в глазах темнота, будто в пропасти Тартара.

Аид обращался к Кассандре, но увидел Деми, и зрачки его расширились.

— Я так близка, ближе, чем когда-либо, — прошептала пророчица, припадая на колени и склоняя голову.

Он все понял в мгновение ока. Огляделся по сторонам в надежде увидеть пифос.

— Медея, твоя пленница, хочет награды за то, что она присвоила.

Кассандра не стала произносить слово «пифос» — не оттого ли, что боялась, будто ее услышит Арес?

— Что мне мешает убить ее?

— То же, что мешало другим — и мне — открыть присвоенное, — без тени страха, почти беспечно отозвалась Медея. С трона своего она не сошла и колен не преклонила. Будто не с богом и надзирателем беседовала, а с обычным смертным. — Печать мою не сломать никому.

— Даже Гекате? — изогнул бровь Аид. На узких губах зазмеилась усмешка.

— Разве что ей... — Медея будто задумалась. — Но сколько времени будет потрачено, чтобы разгадать и разрушить мое колдовство? Сколько невинных жизней загублено? И ради чего? Чтобы сохранить Тартар неизменным?

— О чем она? — нахмурившись, осведомился Аид, отчего-то не желая обращаться к Медее напрямую.

— Она хочет себе более роскошную... тюрьму, — поморщилась Кассандра. — И Дедала, который ее построит.

Аид хмурил брови, раздумывая.

Богам присуща жестокость, Деми знала это наверняка. Однако им свойственно и

милосердие. Красноречивее всего об этом говорило божественное благословение, которым они одаривали смертных.

— Я даю свое согласие, — веско сказал Аид.

Улыбка Медеи стала еще шире и хищнее.

— Значит, решено.

Все изменилось в одночасье. Тартар словно дрогнул под натиском невидимых сил. Что-то тяжелое, страшное стягивалось к дворцу колдуньи.

«Арес?» — подумала Деми, слабея.

Но это были титаны. А еще — гекантохейры и циклопы, и даже сам временно освобожденный от службы Цербер. Деми сглотнула, уговаривая себя оставаться на месте. Может, она и чувствовала бы себя польщенной (ведь вся эта устрашающая гвардия явилась сюда ради охраны пифоса и ее самой), если бы могла ощущать сейчас хоть что-то, кроме ужаса.

Как только Тартар перестал сотрясаться, Аид медленно кивнул Медее — та, несмотря на всю пылающую в ней непокорность, терпеливо ждала разрешения. Знала, что Аида гневить не стоит. Колдунья наклонилась к земле, начертила на ней странные знаки. Деми не вглядывалась в них — все равно бы не узнала. Да и львиная доля ее усилий сейчас уходила на то, чтобы уговорить собственное сердце не выскакивать из груди.

И снова дрожь земли, пусть и не такая сильная, как прежде. Неподалеку от трона, воздвигнутого в зале дворца, разверзлась яма, словно беззубый и черный рот.

— Ты, смертная, подчинила себе магию Тартара? — В голосе Аида звучала не злость — восхищение.

— Разве мой дворец тебя в этом не убедил?

Он пожал могучими плечами.

— На Элладе есть колдуньи, способные повелевать иллюзиями, да такими, что от истины не отличишь.

На губах Медеи заиграла змеиная улыбка. Она ответила что-то Аиду, но Деми ее уже не слышала. Весь мир сузился до одной точки — вынырнувшего из недр земли пифоса. Она видела его прежде, касалась его, и готова была коснуться еще раз, пусть едва стояла на ногах от волнения.

Подойти, чувствуя, как весь мир останавливает свое движения. Как гаснут звуки, оставляя только гулкий шум крови в ушах.

Подойти, пока пульс разрывает вены, опуститься на колени, словно перед древним божеством.

И, наконец, коснуться.

Крышка пифоса без усилий скользнула в сторону. Казалось, и не было всех этих веков, в течение которых Медея безуспешно пыталась его открыть, обрушивая на него все свои чары. Пифос открылся легко и естественно, будто так и нужно. Впрочем, почему будто? Она шла к этому все свои жизни, пусть и не подозревая о том. С того самого момента, когда открыла пифос, который года спустя назовут ящиком Пандоры.

Весь мир замер, Деми задержала дыхание. Заглянув внутрь, резко выдохнула и отклонилась назад.

На дне пифоса была пустота.

Глава двадцать третья. Исчезнувшая надежда

— Нет, — прошептала Деми.

Во дворце Таргара царила гробовая тишина.

Может, Элпис-надежда уже рассеялась по миру, словно капли вылитой с Олимпа на землю амброзии? Но, беспомощно обернувшись, по глазам Аида поняла: ничего не изменилось.

На Кассандру было больно смотреть. На Никиаса — просто страшно.

— Простите, — прохрипела Деми, едва проталкивая звуки через судорожно сжавшееся горло.

Не знала, за что извиняется, да это было неважно. Ее все равно не слышали. Ореол света, который она так глупо, так самонадеянно рисовала в мыслях вокруг своей головы, потух.

— Ты говорила, что в пифосе спрятан дух надежды, Кассандра. — Голос Аида жег внутренности, словно каленое железо. — Не зря, выходит, и люди, и боги однажды потеряли веру в твои слова. Зря я тебе, смертной, поверил.

Деми вздрогнула, натолкнувшись на взгляд Кассандры, как на ошетинившуюся ледяными шипами стену. Слов Аида и звучавшего в его голосе презрения ко всему роду людскому пророчица ей никогда не простит.

Наверняка о *надежде* в пифосе говорил и дельфийская сивилла — Кассандра не из тех людей, которые слепо веруют в идею лишь потому, что она дарует шанс изменить их жизнь к лучшему. Иначе зачем ей тратить на поиски Пандоры десятки своих жизней, десятки веков? Но перед богами не оправдываются, а боги и не слышат оправданий.

Медея хмурила соболиные брови. Аид уходил.

— Идемте, — отрывисто сказал Никиас. — Нам пора готовиться к войне.

Деми смотрела на пифос остекленевшим взглядом, с трудом борясь с соблазном провести по дну рукой. Удостовериться, что он ничего под собой не скрывает. Не желая мириться с мыслью, что это конец, все же не удержалась и ощупала дно, чем заслужила насмешку Медеи. Пусть смеется. Не верилось, что ее путь закончился здесь, и закончился так... бесславно. Что имя Пандора ей не обелить, содеянного — не исправить.

Досада, горечь и недоумение скребли душу, оставляя саднящие полосы.

Кассандра исчезла первой. Деми кожей чувствовала ее нетерпеливое желание уйти. Сама она, все еще оглушенная произошедшим, перенеслась на поверхность Алой Эллады вслед за Никиасом. Последний ее взгляд достался не Медее — пифосу, что своим пустым дном будто насмеялся над ней.

Акрополь снова был неспокоен — как и любой другой потревоженный нескончаемыми бедами осколок Алой Эллады. Эллинов окружили целые стаи, своры атэморус. Никиас спешно уводил Деми в сторону пайдейи, хотя спрятанная в нем голодная тьма наверняка жаждала крови. Пусть даже тех существ, что не обладали таковой.

Она помедлила лишь мгновение — бой между атэморус и Искрами заморозил ее своей мрачной красотой. Легконогие Искры Артемиды, что усеивали духов градом огненных стрел. Сильные, крепкие, смертоносные Искры Афины-Паллады, что своими мечами отсекали от атэморус клочки туманных тел, пока ничего от них не оставалось. Доркас,

сотрясающая землю. Под ступнями и ладонями Искры Геи земля вздыбилась, словно выгнувшая спину кошка, чтобы заключить духов в каменные кандалы.

Деми не заметила, как один из атэморус появился в шаге от нее. За ним потянулись и другие, почуявшие ее страх, ее беспомощность и уязвимость. Тот, самый первый, подошел совсем близко. Возможно, лишь игра рассудка, но Деми казалось, что она чувствует на щеке холодное дыхание. Не успела оглянуться, как Никиаса, заключив в плотное кольцо, от нее отрезали другие атэморус.

Он не успеет вырваться, не успеет ее защитить.

Понадобилась вся сила воли Деми, чтобы не закрывать глаза. Чтобы смотреть в глаза своей собственной смерти.

Быть может, случись это в любой другой день, она, как любой человек, так и не научивший сражаться, не обладающий божественным благословением, от страха просто застыла бы на месте. Но сейчас... На смену мысли о том, что ее смерть все равно ничего не изменит, пришла другая. Все это было напрасно. Все те века, что Ариадна, Кассандра, Харон и остальные отдали на ее поиски. Все ее попытки вырваться из порочного круга, сорвать с себя ярлык девушки, что обрекла остальных на погибель.

Алая Эллада продолжит умирать. Только новая Пандора — кем бы она ни была — об этом не узнает. Потому что родится она в Изначальном мире, по ту сторону от войны. И будет проживать свои бессмысленные жизни, пока люди в Алой Элладде продолжают погибать.

Странная волна поднялась из самых ее глубин, обращаясь в пронесшуюся по венам силу. В крови вскипела решимость, в глазах вспыхнула злость. Нечто странное, чуждое, прежде дремлющее проснулось. Горечь, что желчью осела на языке, когда Деми увидела пустой пифос, стыд от того, как далека она от мечты стать спасительницей Эллады, ярость на атэморус, что собирали кровавую жатву для Ареса, на самого Ареса, что менял чужие жизни на силу... все это выплеснулось из нее, словно из переполненного кувшина.

«Слушайте меня, твари. Я вас выпустила. Я вас обратно и заточу».

Воздух завибрировал вокруг нее. А атэморус замер, не торопясь нападать. Он и вовсе будто ждал чего-то. С нарастающим ужасом Деми заметила, как еще один дух разворачивается к ней.

Словно повинуюсь некоему зову, они оставляли своих жертв — эллинов, что так некстати покинули свои дома, — отворачивались, уплывали от Искр, повергая их в недоумение и смятение, и присоединялись к тому, первому, что застыл напротив. Все атэморус, все до единого — а было их не меньше дюжины. В конце концов перед Деми выросла непроницаемая черная стена.

— Что происходит? — крикнула Доркас.

Деми не заметила, как та оказалась рядом. Не заметила бы, наверное, если бы взорвался весь мир. Ее взгляд был прикован к атэморус, а внутри бушевала сила, которую она сама не могла понять.

— Деми, что происходит?!

Она хотела прошептать «не знаю», но голос не послушался.

Искры опускали мечи, кинжалы и луки — их противники покинули поле боя. Доркас трянула землю — будто перину взбивала, — но атэморус не дрогнули. Они застыли перед Деми, словно погруженные в некий транс.

Ее трясло, ей хотелось кричать от переполнявшего ее ужаса. Чего они хотят от нее?

Почему так смотрят?

— Уйдите, — прохрипела она. — Уходите!

И они ушли. Разлетелись в разные стороны черными птицами, взвились в алое небо с бесконечной грозой. Рассеялись, словно кошмары, что с пробуждением растворяются в солнечных лучах.

Ушли, оставив Деми перед ошеломленной толпой.

Уже второй раз за день она ощущала себя так, будто алое небо обрушилось даже не на землю, а на ее собственную голову. Деми не отвечала на вопросы Доркас — ей просто нечего было сказать. Отводила взгляд, чтобы не видеть чужие, но все равно чувствовала их, пытливые, на себе.

На верхние этажи пайдеи они с Никиасом поднимались в молчании. В его глазах полыхало темное пламя. Она даже не пыталась его расшифровать. Тишина царила вокруг Деми — но не в звенящей от мыслей голове, — до момента, пока их не нагнала Доркас.

— Что там произошло?

— Ничего, — бросила Деми. Вот это определенно ложь. *Что-то* все же случилось. — Не знаю.

— Они послушались тебя.

— Чушь, — отрезала она.

— Я была там. Я это видела.

Деми резко развернулась. Не знала, из какого котла взяла решимость, из какого — злость, но вцепилась в локоть Доркас с силой, которую не ожидала от самой себя.

— Ничего ты не видела, слышишь?

Вспышка ярости иссушила ее. Деми разжала пальцы. На коже Доркас остались красные следы.

— Прости, я... Прости.

Она замотала головой и бросилась вверх по лестнице. Доркас за ней не пошла.

Кассандра мерила шагами пространство комнаты, обсуждая с Ариадной и Хароном план дальнейших действий. С помощью пифоса войны не выиграть — теперь это стало очевидно всем. Справляться придется собственными силами. Находить и возвращать больше Искр, ковать больше доспехов и оружия, чтобы посылать в Эфир больше людей, строить больше храмов и святилищ, чтобы собирать, словно росу, благословения богов для сфер и солнечных дисков Гелиоса, пламенных мечей Гефеста, стрел Артемиды.

Больше, больше, больше...

Сквозь ватное облако, в котором плавали мысли Деми, глухо доносились возбужденные голоса. Отмалчивался только Никиас. Сам по себе словно будучи тенью, он стал тенью себя прежнего. Как и Деми, которая весь разговор простояла, невидяще глядя в окно. Смотрела на Акрополь, а видела выстроившиеся перед ней живой стеной атэморус.

Она им сказала: «Уйдите». И они послушно ушли.

Как скоро об этом станет известно Кассандре? Деми должна была сама ей сказать, но не сумела — слова костью встали в горле.

Ее пока не спешили выгонять — ни из пайдеи, ни из Алой Эллады в мир Изначальный. Наверное, им просто было не до нее. Бесталанная, слабая, бесполезная, Деми ничем не могла им помочь. Не дожидаясь конца обсуждений, она не ушла, а сбежала в спальню.

Она выплескивала на зачарованные «страницы» все, что пережила за минувший день. Увековечила в них и Тартар, и Медею, и появление пифоса. Чувствуя, как невидимые когти впиваются в и без того израненную душу, дрожащей рукой запечатлела и миг открытия пифоса, и зияющую внутри него пустоту. Спрятала лишь собственные чувства, которые и сейчас ее душили.

Что-то трусливое в ней — то, что рубцами осталось от той, первой, — просило не переносить в полиптих историю с атэморус. Пусть придет ночь, пусть сотрет все случившееся, пусть станет для нее облегчением.

«Я — не она», — с ледяной решимостью подумала Деми и вывела первое слово.

За письмом ее и застала Доркас. Остановилась в дверях, полускрытая тенями.

— Я понимаю, почему ты отрециваешься от своей силы. Потому что она связана с тьмой и болью.

— У меня нет никакой силы, — глухо проговорила Деми, не отрываясь от дневника.

— Ты приказала атэморус уйти. Они тебя послушались.

— Это случайность. Или... может, Арес отозвал их именно в этот момент.

Доркас вздохнула.

— Ты сама-то в это веришь?

Нет. Не верила.

Деми подняла голову, но на нее не смотрела.

— Ты думаешь... я могу подчинять атэморус своей воле?

Не спрашивая разрешения, Доркас вошла в комнату, присела на край кровати. Строгое лицо смягчал взгляд серых глаз.

— Чтобы удостовериться, что это не было ли случайностью, нужно сделать это снова. Намеренно. Целенаправленно.

Деми отыскала среди записей самые первые. Она трижды становилась свидетельницей жатвы атэморус, но, вероятно, все же находилась к ним недостаточно близко. И каждый раз — кроме последнего — появлялась слишком поздно. Оттого описание духов обрывисты, расплывчаты, кроме тех, что записаны со слов самой Доркас. Того разговора Деми, конечно, не помнила. Дневник помнил вместо нее.

Она отыскала одну из записей, которую сделала на острове Цирцеи.

— Вот, послушай. «Они проходят сквозь меня. Я чувствую, как мои кости становятся полыми, и духи заполняют их своей черной водой». Это мое воспоминание об атэморус. Воспоминание Пандоры. Когда я открыла пифос... они прошли сквозь меня. Они что-то во мне изменили.

Деми в глухом отчаянии отшвырнула от себя дневник.

— Я представляла... — Голос сорвался. Она прочистила горло и начала снова: — Я представляла себя спасительницей, которая держит над головой надежду. И та излучает целительный, колдовской свет, что может померяться силой со светом самого Гелиоса. Что сможет всех нас спасти. А вместо этого мне досталась тьма.

— Ты еще можешь спасти. Если ты сумеешь укротить нападающих на Акрополь атэморус, ты сэкономишь не одну жизнь.

— Но это значит, что тьма так и останется внутри меня. Та тьма, что искажает любую магию, к которой я прикасаюсь. Тьма, которая, вероятно, и связывает меня с атэморус.

— Тьма внутри — не так плохо, если умеешь ей управлять.

Что-то в голосе Доркас заставило Деми пристальнее взглянуть в ее лицо.

— Божественная сила жила во мне с самого рождения, как и в любой Искре. Дары богов дремлют в нас — в наших жилах, в нашей крови, вот только иногда их нелегко заставить пробудиться. Есть Искры, которые, впервые ощутив в себе божественную искру, зажигают ее одним взмахом своих пушистых ресничек. Видела бы ты Софию или Деспину. Кажется, стрелять из лука и орудовать мечом они научились еще в пеленках — настолько легко и естественно у них это выходит. Каждый раз я смотрю на них и люто им завидую. А еще немного их ненавижу.

Доркас не прятала свои неприглядные стороны, прикрываясь добродушием, как Никиас — полумаской. Хотя они оба имели право скрывать живущую внутри тьму. Вздрогнув, Деми подумала о том, что свою она от Кассандры скрыла. И, сложились все иначе, скрыла бы и от остальных.

— Мне понадобилось куда больше времени для пробуждения божественного дара. А когда это наконец произошло, я была совсем не рада.

— Почему?

Доркас сосредоточила на ней взгляд потемневших глаз.

— Потому что когда ты злишься на родную мать за то, что отшлепала тебя за позднее возвращение с прогулки, меньше всего ты хочешь, чтобы от твоего крика содрогнулась земля. И чтобы твою и без того ветхую лачугу разделило напополам гигантской трещиной, которая уходила в самую бездну, в самый Тартар.

— Ох, мне так жаль...

— Мне тоже, но... Пробудись эти силы раньше, когда я была беспокойным младенцем, который целыми сутки (если верить матушке) только и делал, что орал... Не было бы у меня ни ветхой лачуги, ни матушки.

Деми поежилась. Наверняка прежде она ловила себя на мысли, что завидует Искрам — одаренным, а не проклятым богами. Однако теперь понимала, через что им порой приходится проходить. И насколько их дар, их божественное благословение, может быть опасен — для их родных и близких и для них самих.

Она представила себе молнию, что срывается с руки обычного эллина, который вскоре окажется Искрой Зевса. Огонь, вспыхивающий рядом с Искрой Гефеста. Поднявшаяся от гнева Искры Посейдона разрушительная волна. И страх в глазах тех, кто на свою беду оказался рядом с ними.

— Ярость, злость, гнев... вся эта тьма, которая меня переполняла, стала моим оружием и моей слабостью. Именно она и сделала меня одной из самых лучших Искр Кефалонии. Но только после того, как я научилась ей управлять. — Закусив губу, Доркас резко отвела взгляд. — Теперь с этим, конечно, сложнее. Но я продолжаю с собой бороться. Продолжаю укрощать тьму и переплавлять ее в силу.

— Как? — Взгляд Деми жадно искал ответы в ее лице.

Доркас подалась вперед, отчеканила:

— Прежде — я ее приняла.

Деми с усталым стоном откинулась на подушки. Не боялась показаться слабой, уязвимой... только не сейчас, не в присутствии Доркас, которую, по правде говоря, едва знала. В дневнике о ней — всего несколько строк; ощущений, фактов — ненамного больше. Дерзкая, смелая, своенравная, с даром, который с трудом поддается контролю, то и дело норовясь вырваться наружу, точно заточенный в неволе зверь. Но использовать слабость Деми, насмеяться или язвить Доркас не станет, это она знала наверняка.

— Когда будешь готова — мы попробуем. Вместе, — горячо пообещала Доркас прежде, чем оставить ее в одиночестве.

«Принятие, да?»

Деми взглянула на вытянутые руки — обычные, с гладкой золотистой кожей. Будь рядом зеркало, заглянула бы в собственные глаза. Что же крылось в ее душе, кроме печати забвения? Какой именно след оставили в ней атэморус?

Глава двадцать четвертая. Кошмары Фобетора

Немного горько — хотя, наверное, ожидаемо — как быстро все переменялось. Даже презирая Пандору за свершенное, эллины, знающие о ее возвращении в Алуию Элладу, все же видели в ней призрачный, но шанс на спасение. А теперь... Деми больше не была воплощенной *надеждой*. Она была той, что, совершив ошибку, уже никогда не искупит свою вину.

Ее не избегали намеренно, просто люди в Акрополе сейчас были заняты войной — подготовкой к ней или же настоящими сражениями. Большинство — с атэморус, меньшинство (то, что формировало костяк избранных воинов) — с химерами Ареса в Эфире.

Они больше не полагались на Элпис. Надежды в одночасье прекратить войну больше не осталось.

Рядом с Деми оставались лишь Ариадна с Фоантом, который постоянно — и порой безуспешно — пытался рассмешить ее или хотя бы вызвать ее улыбку. Еще чаще, что вызывало неизбежное недовольство Ариадны — напоить.

Кассандра была занята поисками иных способов победить Ареса. Никиас, наверное, был только рад, что ему больше не нужно было всюду сопровождать Деми. Она старалась не думать о горечи, которую порождали эти мысли. Глупо, наверное, но когда она читала дневник — книгу, в которой была главным персонажем, — показалось, что между ними двумя промелькнуло что-то похожее на... Взаимопонимание? Доверие? Симпатию? Даже некую... близость? Деми и сама не знала.

Она списана с их счетов. И хотела бы сказать, что не чувствует ничего ровным счетом, но... Она ведь и раньше наверняка понимала (не могла не понимать), кем была для Кассандры и для остальных — быть может, для всех, кроме Ариадны. Только шансом, только девушкой, чье прикосновение откроет пифос. Теперь, когда в нем не оказалось *надежды*, ее жизнь их больше не интересовала. Однако порой то, что разум считал логичным, правильным, сердце воспринимало совсем иначе.

И пусть Деми спокойней дышалось в отдалении от тех, кого она подвела, груз вины с ее плеч никуда не делся. Видно, она повязана с ней на всю жизнь, как Тизиф — со своим проклятым камнем.

Ну уж нет. Она не сдастся — до тех пор, пока не опробует все. Пока иных вариантов больше не останется.

Чем больше строк в дневнике, тем отчетливее Деми понимала, что человеческое упрямство неискоренимо. Оно сродни вековому дубу, что пустил корни глубоко. Срежешь столб — корни останутся протянутыми в самые недра земли. Отрежешь человеку путь — он будет отчаянно искать другой.

Чтобы отыскать свой собственный, ей пришлось дожидаться момента, когда на Акрополь, словно коршуны, снова налетят атэморус. Долго ждать, впрочем, не пришлось.

Эллин, которого темный дух преследовал до самого нижнего города, обратил на Деми взгляд, полный надежды. Она поборолла желание вонзить ногти в ладони. Надежда — это не по ее части.

— Я не Искра, — тихо сказала она.

— Тогда мы оба, считай, уже мертвы, — выдавил эллин, отступая к стене под натиском плывущего к нему атэморус.

— Я так не думаю. Когда эта тварь отвлечется на меня, бегите.

— Но ты сказала...

— Вы хотите выжить или нет? — яростно перебила Деми.

На короткий миг их взгляды встретились.

— Хочу.

Кивнув, она потянулась к атэморус всем своим существом. Протянула к нему невидимые нити вроде тех, что ткала Ариадна. Ничего не вышло. Увлеченный игрой со своей жертвой, попыток Деми дозваться до него дух даже не заметил. Но внутри нее самой что-то всколыхнулось. Нечто похожее на темную, холодную воду, но в воображении отчего-то пахнущую затхлостью и... гнилью.

Касаться ее, обращаясь внутрь самой себя, не хотелось. Но атэморус уже тянул дымчатую руку к эллину, торопясь высосать, выпить, выжечь из него жизнь. С глубоким, шумным вздохом Деми пробудило в себе это «нечто», его коснувшись. Как должна была пробудить *надежду*, что ждала в пифосе своего часа.

Холод и тьма, волной нахлынувшие на Пандору, когда атэморус прошли сквозь нее... Теперь она знала эти ощущения. Они вернулись.

Будто откликаясь на них, атэморус, что поначалу застыл с поднятой рукой, обернулся к Деми. Миг — и он преодолел разделяющее их расстояние. Возвышался над Деми, призрачный, дымчатый, маревый, дышал смертельным холодом в лицо. Задернув голову, она вглядывалась в него. Вены ее, кажется, заиндевели. Исходящий от атэморус холод заморозил и страх.

— Уходите, — стеклянным голосом сказала она эллину.

— Но ты...

— Не волнуйтесь за меня.

Она за себя не волновалась, так почему он, чужой ей человек, должен?

— Хорошо, я... Спасибо. Я позову кого-нибудь из Искр, ладно?

Деми его уже не слушала.

Внутри нее, очень близко к коже, трепетала холодная темнота.

— Сражайся за меня, — хрипло сказала она.

Неуверенные, слова ничего общего с приказом не имели.

Атэморус не шелохнулся. Не кружил вокруг, а застыл над ней, словно настороженный зверь. Так они и стояли — не друзья друг другу, но враги ли? Деми — Пандора — не создательница атэморус, а лишь та, кто дал им свободу. Так отчего тогда они послушались ее в прошлый раз?

И отчего не слушались сейчас?

Она попыталась снова. И еще. И еще. И так десятки раз — до вконец охрипшего голоса.

— Убей себя, — со всей яростью, на которую была способна, велела Деми.

Этого она хотела куда больше. Атэморус все так же притворялся изваянием, слепком, но не живым (в какой-то степени), способным двигаться существом. Деми развернулась, ощущая озноб в каждой клеточке тела, и направилась в сторону Акрополя. Атэморус за ней не пошел.

Когда Деми в порыве отчаяния вернулась в Гефестейон, единственным человеком, кто оказался рад ее видеть, была Доркас. Нет, ей в лицо не выплескивали оскорбления, но насмешки, казалось, звучали громче с каждым днем, что Деми проводила с Искрой Геи на

боевой арене. Даже имея в арсенале силу стихии земли, всецело Доркас на нее не полагалась. Как и другие Искры, она училась защищаться и нападать, используя и благословенное богами оружие, и то, что было выковано Искрами Гефеста.

Чем дальше Деми находилась в Гефестейоне, тем больше Искры распаялись, распространяя вокруг себя невидимое, но осязаемое пламя: вспышки гнева, патроны из едких слов, порохом для которых служило презрение. Вытерпеть все это оказалось бы куда проще, будь попытки Деми стать воином наравне с одаренными богами инкарнатами не столь смехотворными.

И Доркас день ото дня все сильнее хмурилась.

— Что не так? — отложив в сторону тренировочный деревянный меч, требовательно спросила Деми. — Знаю, как подопечная я не подарок, но...

— Ты бежишь от себя.

— Я не понимаю...

Доркас шагнула к ней, стрельнув взглядом по сторонам, чтобы удостовериться, что их не слышат. Сказала громким, яростным шепотом:

— Ты прекрасно знаешь, что внутри тебя сидит какая-то сила, а вместо этого уже несколько дней торчишь на арене. Понимаю, что на твоём теле ещё осталось достаточно места для новых синяков, но это не объясняет...

— Я пыталась! — вспыхнула Деми.

— Что?

— Я пыталась, — чуть спокойнее и ровнее повторила она.

Разложить сухие факты, словно карты Таро на столе — легко. Куда сложнее объяснить, что происходило внутри нее самой в тот момент, когда она пыталась дотянуться до атэморус.

— Это чувство... Я никогда не испытывала ничего подобного. Оно пугает меня...

Деми ведь здесь — по собственной воле, а не по воле пророков и богов. Вот только легко быть храбрым в собственных мыслях. Быть таковой в реальности среди монстров, духов и богов она еще только училась. В ней плескалась сила, похожая на океанские глубины — такая же пугающая, холодная, темная. И погружаться в нее, прикасаться к ней Деми не спешила.

Доркас молчала, жуя губы. Хотела помочь, да не знала, как.

Семь полновесных записей в дневнике... А значит, семь дней ушло у Цирцеи на то, чтобы подготовить ритуал. Чтобы принять решение, Деми потребовалось куда меньше.

Внутри зрела странная решимость. Деми не хотела, чтобы эта жизнь, все последующие и предыдущие оказались напрасными. Чего она желала по-настоящему, так это понять саму себя. Себя старую — глупую Пандору, себя новую — слепое пятно по имени Деми.

Алую Элладу ей не спасти. Ей не избавить мир от войны, разлив над миром целительный свет *надежды*. Но она могла бы защищать людей от атэморус. Так долго и так отчаянно, как только могла.

Доркас права: убежать от себя невозможно. Деми до сих пор не знала, сможет ли управлять той силой, что дремала внутри и пробуждалась только рядом с духами. Не знала даже, сможет ли ее принять. Но она должна была хотя бы попытаться.

Наверняка не единожды за эти дни Деми задавалась вопросом: подозревала ли Цирцея, что ее ожидает, что пифос окажется пустым? Или просто пыталась подготовиться к худшему,

избавить от напрасных иллюзий и надежд? Гадай, не гадай, выбор остался прежним: помнить все или оставить на своей душе печать забвения, уничтожить дневник и вернуться в Изначальный мир.

Деми почти воочию видела, как уничтожает свою статую, как остается жить в Каламбаке вместо нее. Живет в Греции, вместе с мамой, а не в истерзанной войной Алой Элладе. Видела так отчетливо, будто это уже свершилось.

Она насладилась сладкой грезой и решительно развеяла ее, словно дым.

В путешествии ей нужен был проводник, но друг — в первую очередь. Вот почему на Эю с ней отправилась Ариадна. И, что не так уж и удивительно, Фоант. На усталый вопрос Ариадны, что он делает с ними на корабле, Фоант ответил: «Мне надо отвлечься. Все эти переживания плохо сказываются на цвете моей кожи». Деми воочию наблюдала, как мучительно Ариадна пытается не закатыть глаза. Сын, все-таки.

Война, захватившая всю Элладу, и впрямь словно бы держалась в стороне от Ээи. С алого неба вниз никогда не спускались химеры, атэморус не бродили по песчаному берегу, среди цветущих деревьев, зеленых холмов и скал. В дневнике — ни единой строчки о столкновении с темными порождениями Алой Эллады, а уж подобные встречи Деми наверняка бы записала.

Без колдовства Цирцеи или особой магии самого острова, если она и впрямь существовала, наверняка не обошлось.

Едва увидев колдунью, что срезала перламутровые розы в своем саду, Деми выпалила:

— Я хочу вернуть память. Навсегда. — Смутившись, добавила: — Здравствуйте.

— Почему? — поднеся к носу цветок и вдохнув его аромат, спросила Цирцея.

Не «уверена?», а «почему?».

— Потому что я сшита из страниц и чернильных строчек. А хочу быть цельной. Хочу быть настоящей собой. И узнать в конце концов, какая я. *Кто* я.

Цирцея кивнула, задумчиво глядя на Деми.

— Отдохните пока с дороги. Мои служанки о вас позаботятся.

Пока колдунья собирала все необходимое для заклинания, пока творила из воздуха и магического начала ритуал, Ариадна с Деми исследовали пол-острова, а Фоант осушил с четверть содержимого винного погреба.

Наконец все было готово. Цирцея украсила обернутое легкой простыней тело Деми знаками из травяной пасты, смешанной с водяной кровью Мнемозины. Брошенные колдуньей слова зажгли невидимую искру заклинания. Изменений в себе Деми не ощутила, однако Цирцея разрешила смыть травяные знаки.

— Значит, это все? — еле шевеля пересохшими губами, спросила она.

— Все.

Море встретило Деми белопенной прохладой, умиротворением, разлитым от берега до самого горизонта. Искупавшись, она вернулась во дворец колдуньи. От приглашения поужинать вместе с Ариадной и Цирцеей отказалась. Поднялась в приготовленную ей комнату, чтобы лечь спать еще до заката. Наутро им предстоял обратный путь.

Выспаться не удалось.

Деми долго падала в какую-то чернильную глубь, смутно осознавая, как же сильно успела отвыкнуть от снов. Если она и видела, то не помнила их, безжалостно стертых

наступившим рассветом. Оттого охватившее ее ощущение было таким чуждым, почти нереальным — хотя мерить сны реальностью, конечно, и вовсе не стоило.

Черная мгла рассеялась... и лучше бы этого не происходило. Потому что там были сотни тянущихся к ней рук, сотни людей, что-то отчаянно кричащих. Там были кровь и пепел, чума и голод, и все атэморус, которых Пандора выпустила из пифоса. И все люди, которых она погубила.

Даже получив перерождение, свои мучения они ей не простили.

Она бежала от них, но те, что сами стали ее мучителями, были всюду. Из их тел были сотканы стены, на которые натыкалась Деми, без конца загоняя себя в тупики. Даже под ногами ее вместо земли, вместо пола были искаженные, вытянутые в крике лица.

И тогда она закричала сама.

Деми проснулась в холодном поту, задыхаясь, слепо шаря перед собой руками.

— Все хорошо, это просто кошмар...

Голос сидящей у кровати Ариадны был успокаивающим... но все же не успокоил. Должно быть, кричала она очень громко — в комнате столпились все немногочисленные гости Ээи и сама хозяйка острова.

— Над тобой поработал один из Ониров[1], богов и духов сна.

— Морфей?

— Фобетор, его брат, — поправила Цирцея. — Именно он заведует кошмарами.

Деми обессилено откинулась на кровать. Ирония ли или закономерность, что теперь, когда она могла видеть сны, на ее долю выпали кошмары?

Ее оставили одну, и она смогла забыться коротким, беспокойным сном. Проснулась, казалось, еще более усталой, чем когда ложилась спать. Вышла в сад, залитый светом, что, даже будучи тусклым, алым, резанул по воспаленным глазам.

— Проклятые кошмары. — Она мазнула рукой по лицу.

Ариадна сочувственно вздохнула.

— Ты помнишь их? — оживилась Цирцея. — Великолепно, значит, заклинание подействовало!

Укоризненный взгляд Ариадны колдунья не заметила. Деми застыла. Она помнит. Какими бы пугающими ни были видения Фобетора... она их помнила.

Впервые в своей жизни — своих *жизнях* — она помнила все.

Полиптих, колдовской дневник, что заменял расколотую печатью забвения память, Деми убрала в ящик стола. Ей он больше не пригодится. Она сама начнет строить по кирпичику собственную жизнь. И пускай кем-то особенным она так и не стала, сломанной куклой она перестала быть.

Скорее всего, так теперь будет всегда — бесконечные кошмары, пробуждения посреди ночи в холодном поту. Кара от людей, что потеряли кого-то в войне, что стали жертвами атэморус. Но о принятом решении Деми не жалела. С кошмарами она как-нибудь справится. С чужим презрением справлялась до сих пор.

Она шла по Акрополю и никак не могла поверить, что может вспомнить в деталях весь вчерашний день. А потом были долгие поиски нужных людей, заданный троекратно вопрос и, наконец, путь вниз, в темнеющую пропасть, в самое темное место Алой Эллады... всех когда-то созданных миров.

Обессиленная от долгого пути и грызущих душу сомнений, Деми взглянула в

антрацитовые глаза и выдохнула:

— Вы знаете, как приручить тьму. Научите меня.

[1] Ониры (греч. Ὀνειρος, «сон») — духи снов. Среди них Морфей, Фобетор и Фантаз.

Глава двадцать пятая. Только тьма

— Не ожидала, что в кои веки кто-то обратится за помощью ко мне, — протянула Медея. — Обычно всех очаровывает моя тетушка Цирцея. Елена Прекрасная[1], ни дать ни взять, только кружит головы не одним лишь мужчинам, но и юным неокрепшим сердцам, в ком так сильна тяга к колдовству.

Деми и сейчас не была уверена, что поступает верно. Разные слухи ходили о Медее, и ни одного — хорошего. Взгляд скользил ее по чудовищам, что окружали колдунью.

— Как я и говорила, вы знаете толк во тьме и в том, как приручить монстров.

Медея подалась вперед. В глазах ее плескалось алчное любопытство.

— И кого же ты хочешь приручить?

Открываться перед ней или нет? Но как постигать дар, если наставница-колдунья не будет знать, чему обучать?

— Атэморус. Мне кажется... Похоже, я могу иметь над ними какую-то власть.

Порывистым движением Медея поднялась с трона и шагнула к Деми. Царица чудовищ не обладала той грацией, что пронизывала каждое движение Цирцеи, но в ней жили царственность и властность... Огонь и страсть. Объяснить последнее на словах Деми не сумела бы. Чтобы понять, нужно было видеть Медею. Чувствовать, как скрытая внутри нее пламенеющая сила, вырываясь наружу, касается тебя и затягивает в омут.

Завороженная этой силой, Деми смотрела на Медею широко раскрытыми глазами. А ведь ее душе не досталось дара Аполлона или Афродиты, дара обольщать и очаровывать. Эта сила исходила от нее самой.

— Атэморус... — эхом отозвалась Медея. — Выходит, слухи не врут, и ты должна была стать их хранительницей? Держать их, прирученные, под замком?

Деми протестующе покачала головой.

— Нет, все не так. Я записала в дневник... — Ах да, Медея о ее амнезии ничего не знает. — Я помню каждое мгновение той, первой жизни, которую открыла мне Цирцея. Атэморус были мне неподвластны. А я... меня жгло любопытство — я не знала, что находится внутри, в пифосе, который Зевс подарил моему мужу. Но в тот момент, когда атэморус вырвались наружу... Что-то произошло. — И она озвучила то страшное, что беспрестанно крутилось в голове: — Я думаю, они что-то во мне изменили. Быть может, оставили во мне частицу своей сущности. Как-то связали меня... с собой. Одно я знаю точно: этот... дар мне точно дали не боги: и Кассандра, и Цирцея не нашли во мне ни следа божественного благословения.

— Или же его дала тебе Алая Эллада — в тот миг, когда душа твоя коснулась атэморус. — Медея пытливо взгляделась в ее лицо. — Возможно, это лишь попытка мира установить баланс, сохранить шаткое равновесие.

— Если это так... Значит, я всего лишь колдовское оружие этого мира? — сглотнув, спросила Деми. — Вроде сфер Гефеста, дисков Гелиоса и «молний Зевса»?

— А даже если и так, то что? — насмешливо отозвалась Медея. — Ох, девочка, мне даже не нужно заглядывать в твой разум, чтобы увидеть, как отчаянно ты хочешь переписать свою судьбу. И если сама Эллада вложила перо тебе в руки, стоит ли его отвергать?

Несколько ударов сердца Деми молчала.

— Нет. Думаю, нет.

— Думаю, нет, — передразнила Медея. Нетерпеливая, мерила шагами пространство своего дворца. Чудовища за ней наблюдали. — Мне нужно, чтобы ты показала мне.

— Зачем?

«Что?» и без того было понятно.

— Обычный человек, глядя на тебя и атэморус, ничего не увидит. Я увижу все. Те нити, что переплетают, связывают вас... Если эта связь действительно существует.

Деми вскинула голову.

— Вы считаете, я вру? Но зачем кому-то в здравом уме лгать о связи с этими... созданиями?

— В нашем мире, моя дорогая, ценится любая сила, окрашена ли она в светлый или же темный цвет. Иначе откуда, как ты думаешь, столько последователей у Ареса, почему столько людей тянутся к нему, с радостью и благодарностью встают под его знамена? Да, его сила темна, но она — сила.

— Я с радостью побыла бы в роли цирковой собачки, — сжав челюсти, проговорила Деми. — Вот только если бы я уже постигла этот дар, зачем мне понадобились бы вы?

Не останавливаясь ни на мгновение, Медея лениво и, как показалось, одобрительно усмехнулась.

— Покажи то, что можешь. Мне важна сама суть, а не демонстрация того, что ты филигранно владеешь своим даром.

— Хорошо. Как мне вам показать?

Медея наконец остановилась. Всем телом развернулась к Деми и улыбнулась, словно сытая кошка.

— Мы поднимемся на поверхность, укрытые складками прирученных мною теней.

Ее сила и впрямь была темна, как ночное небо Нюкты, но, нельзя не признать, эффектна и действенна. Сравнение, впрочем, оказалось не так далеко от истины. Все же Медея в свое время была ученицей самой Гекаты и несла в себе отпечаток ее божественной силы, а Геката была не только покровительницей колдовства, но и богиней ночи. И если в ком-то из колдуний тьмы могло оказаться не так много, в Медее она переливалась через край.

Сотканный из ночного тумана плащ полностью скрыл ее лицо и фигуру — но только до тех пор, пока его близнец не коснулся плеч Деми. Медея шагнула к ней, коснулась ее груди чуть пониже яремной ямки.

— Я вижу это... Нечто, спрятанное внутри тебя, погребенное под забвением и сомнениями. Стряхни этот пепел, разожги искру посреди/в затухающего кострища. Без этого дар, данный тебе миром, не постичь.

Как легко даются слова и как тяжело — настоящее сражение.

— Сила твоя прорвется темным гноем. Будь к этому готова.

Деми поежилась. Это еще что значит?

Но Медея, покачивая крутыми бедрами, уже уходила из дворца. Голодными взглядами ее провожали ручные чудовища. Резко втянув носом воздух, Деми бросилась за ней.

Оказавшись на поверхности, они отправились прочь от Элевсина. Медея шла уверенно и так быстро, что Деми едва за ней поспевала. Казалось, она точно знала, куда идти. Чувствовала атэморус так, как чувствовала тьму? Или трехликая Геката повелительница тьмы, колдовства и перекрестков передала ей и иную силу?

Как бы то ни было, Медея привела Деми напрямик к атэморус. Темный дух кружился в воздухе, будто танцуя с невидимыми братьями или же с самой тьмой. Рядом — никого из людей, а значит, атэморус наверняка голоден и не может дожидаться, когда состоится вожделенная жатва.

Едва завидев Деми — вернее, почувствовав ее сквозь покров темноты, — атэморус бросился к ней. Медею он словно и не заметил. На нее накатила такая тоска, что захотелось броситься вниз с края пропасти. То был Ойзис, дух горя, или Пентос, дух печали и скорби.

— Давай же! — требовательно, зычно крикнула Медея. — Высвободи свою силу!

Цепenea, Деми взглянула в дымчатое, размытое лицо атэморус.

«Остановись».

— Остановись!

Дух продолжал нестись к ней, но внутри самой Деми что-то всколыхнулось — словно по водной глади пробежала рябь. Она потянулась к этой пробудившейся неведомой силе, и та, отозвавшись, коснулась вен ледяным огнем. Дыхание перехватило.

— Остановись!

Атэморус замер, не достигнув конца пути.

— Я что-то вижу, — страстно зашептала Медея. — Продолжай!

Деми не смотрела на царицу чудовищ. Весь ее мир сузился до крохотного клочка земли, который затенял собой атэморус. Пыталась воздействовать на него сильнее, используя видимую Медею связь. Но, вероятно, остановить духа — это ее предел.

— Проклятье, ты сдерживаешь себя!

Что значило: «Ты можешь больше». Деми пыталась убедить себя в этой мысли. Действительно пыталась. Но от чувства, что затапливало ее сознание, хотелось бежать, скрыться, спрятаться в темном уголке души. Внутри скользким, темным змеем извивался ужас. Деми изгоняла его толчками, сухими всхлипами. Пока не изгнала совсем, закрыв себя для своей же собственной силы — будто набросила на нее колпак.

— Ты ведешь себя неразумно. — Голос Медеи сек словно плеть. Она говорила громко, безжалостно. — Представь, что жрица Асклепия дает тебе, истекающей кровью, умирающей, целебный отвар, а ты его отвергаешь. Или, будучи Искрой, отвергнешь ниспосланный богами дар.

— Потому что *этот* дар ощущается во мне как нечто... темное, отвратительное, мерзкое!

— Пока ты отторгаешь свою силу, ты не сможешь полноценно ею обладать.

— Не думаю, что когда-нибудь смогу ее принять, — тихо сказала Деми.

Мазнула рукой по лицу, с ненавистью глядя на атэморус. Медея же, сощуриив черные глаза, смотрела на нее.

— Тот слух, что пустила Кассандра? Та глупая фантазия об Элпис, духе надежды? Это она вскружила тебе голову?

Деми, не желая отвечать, отвела взгляд.

— Вот оно что... Ты хотела видеть себя если не святой, то олицетворением света. Что ж, дитя, тебе пора понять... Кому-то, чтобы спасти мир, страну или своих близких, нужно обогреть руки кровью, тебе же придется запятнать свою душу тьмой.

Даже звучало страшно. Противоестественно. Противоречаще всему, о чем прежде мечтала Деми. Стыдно признаться, на одной из страниц дневника она нашла неуклюжий набросок (как раз и выяснила тогда, что совершенно не умеет рисовать): она, Деметрия

Ламбракис, когда-то Пандора, что держала сияющую надежду над головой. Нужно стереть этот рисунок с зачарованных страниц, но рука отчего-то не поднималась. Пора распрощаться с иллюзиями.

Ей не достанется свет. Только тьма.

Деми попыталась снова. Заглянула внутрь себя, зачерпнула в ладонь из бездонного, пахнущего тиной колодца. Не дожидаясь, когда атэморус приблизиться к ней, шагнула вперед сама. Уставилась на бесформенное, переменчивое тело там, где у людей были бы глаза.

— Убей самого себя, — велела Деми.

Прежде духи ее слушались. Почему не слушаются теперь?

— Инстинкт самосохранения, заложенный в каждое живое создание — вот что мешает ему убить себя. Будь твоя воля — и твой дар — сильней, ты бы его переломила. Нужно большее, то, чего у тебя сейчас нет и в помине.

Хотелось бы надеяться, что Медея не умела читать ее мысли, просто догадалась, о чем Деми думает сейчас. Колдунья подошла сбоку, вперила взгляд в пространство между ней и атэморус.

— Я вижу канал связи между вами, тонкую, но прочную нить.

Деми передернуло от ее слов. Одно дело — догадываться, что она прочно связана с атэморус, и совсем другое — знать это наверняка.

— Ты понимаешь, что это значит? Ты можешь лишить атэморус силы. Лишить духа опоры, что удерживает его в нашем грешном мире. Изничтожить, стереть с лица земли...

— Убить?

— Я бы назвала это... развоплотить.

Деми вздохнула полной грудью, позволяя ледяному пламени растечься по венам, а не просто коснуться их. Однако по мере того, как сила затапливала ее, менялись и ощущения. Это не было больше ни льдом, ни пламенем... лишь холодной гнилостной болотной водой.

И Деми в ней тонула.

Она глупо замолотила руками, задыхаясь этой темной, пугающей силой. Глупо потому, что пыталась прогнать то, что было не снаружи — внутри. Медея что-то кричала, но смысл ее слов до Деми не доходил. Топи затягивали ее, затягивали все неумолимее и глубже, в легких плескалась горькая, с привкусом плесени и тлена, вода.

Она тонула, тонула, тонула...

Медея встряхнула Деми за плечи с такой силой, что голова дернулась назад и вперед, и подбородок ударился о грудь.

— Приди в себя, — шипела царица чудовищ. — Ну же!

Как столь властному тону не подчиниться? Деми глубоко и часто задышала. Сквозь пелену невесть почему и невесть когда выступивших слез проступило лицо Медеи. За ее спиной маячил так и не двинувшийся с места атэморус — побледневший, словно подтаявший. Казалось, он выжидает приказа Деми. Все, что хотелось ей самой — чтобы тот исчез.

Это она может.

Усталая, опустошенная, Деми сгорбила плечи, чувствуя себя воздушным шариком, из которого выпустили весь воздух.

— Уйди, — велела она атэморус.

Дух повиновался.

Элевсин остался далеко позади, как и Медея со своими сотканными из ночи плащами. Деми по привычке торопилась вернуться в Акрополь до рассвета, не сразу вспомнив о том, что ее память на этот раз он не сотрет.

Едва поднявшись на этаж, где находилась ее комната, она налетела на Никиаса. Он застыл у дверей ее спальни, словно охраняя или не решаясь войти. Правую половину его лица закрывала полумаска одного из ручных чудовищ Медеи — Лернейской гидры в виде нескольких сплетенных друг с другом, уложенных в половину короны змеиных голов.

— Проклятье, где ты была?

— Только не делай вид, что волновался.

Думала, проведенное с Медеей время выпило из нее последние крохи сил, но на горький выдох оставшегося хватило.

— А что, если так? — сложив руки на груди, с неким вызовом спросил он.

— Зачем тебе волноваться обо мне? — устало спросила Деми. — Я — не та Пандора, что освободит от гнета Ареса Алуию Элладу. Я даже своим даром — темным, как оказалось, даром — не могу научиться управлять.

— Если я скажу тебе, что меня волнует не Пандора, а Деми, ты поверишь? — тихо, будто боясь, что кто-то услышит, спросил Никиас.

Она застыла, заглядывая в синеву его глаз. Снова тонула, но совсем, совсем иначе.

Ответить не успела, хотя все равно не знала, что отвечать.

— Дар? Ты сказала «дар»? — выпалила выскочившая из спальни Деми Доркас. — Значит, мы были правы? Ты действительно можешь подчинять их своей воле?

— Мы? — нахмурился Никиас.

Его взгляд снова стало непроницаемым, словно это не он несколько мгновений назад своими словами лишил Деми дара речи.

— Кем «ими»? — недоуменно спросила выглянувшая из-за двери Ариадна.

— В моей комнате что, собралась вся Эллада?

— Не вся, только лучшие из лучших, — ослепительно улыбнулась Доркас.

— Мы ждали тебя, — с искрящимся в глазах беспокойством сказала Ариадна.

— Ага, особенно Фоант, — фыркнула Доркас. — Так заскучал бедолага, что выпил три кувшина вина.

Из спальни донесся обиженный голос:

— Всего лишь три чарочки!

— Знаю я эти твои чарочки, — хмыкнула Деми.

Подивилась в очередной раз: действительно знала. *Помнила.*

— Кажется, ты задолжала нам парочку объяснений, — заметил Никиас, когда все инкарнаты вошли в комнату вслед за ней.

И пока остальные рассаживались на скамье и кровати (на которой разлегся Фоант), он изваянием застыл у двери. Рассказывая, Деми чувствовала себя древним оратором в окружении желающего послушать его народа.

— Медея? — воскликнула Ариадна. — Из всех людей этого мира ты обратилась к Медее?! К той, на чьих руках кровь невинных? Много, очень много крови...

— Она, возможно, единственная, кто мог мне помочь. Иногда цель оправдывает средства, Ариадна.

Та отвернулась, не желая продолжать спор.

— И что? — облизнув губы, нетерпеливо спросила Доркас. — Она научила тебя воздействовать на атэморус?

Деми, хмурясь и отводя взгляд, рассказала о том, что произошло в Эливсине.

— И это все? — разочарованно протянула Искра Геи. — Ты просто его прогнала? Зная, что в тебе заключена такая сила?

— А что бы сделала ты?

За нее ответил Никиас:

— Я бы заставил атэморус сражаться за меня. Призвал бы их, создал бы целую армию, и натравил ее...

— На Ареса? Ты правда думаешь, что мне это под силу?

Никиас долго смотрел на нее.

— Если кому-то и под силу, то тебе.

Доркас, откидываясь на кровать, протянула приглушенное «оу» и многозначительно переглянулась с Фоантом. Щеки Деми запыхали, но взгляд от Никиаса она отвела не сразу.

Ариадна, что, хмуря брови, глядела прямо перед собой, решительно мотнула головой.

— Ты правильно сделала, что ушла.

— Не знаю. Я в этом не уверена. Просто...

— Просто уничтожение нескольких атэморус не стоит того, чтобы пятнать свою душу тьмой. Ты не представляешь, каково это. Не знаешь, к чему это может привести.

Деми и впрямь не знала, но до сих пор помнила то ощущение неправильности происходящего, накрывшее ее с головой. Чувство, будто что-то в ней неотвратимо менялось. Будто тьма, которую она вытягивала из атэморус, стылой и темной болотной водой наполняла ее естество.

— Есть еще кое-что... Я вернула память, и обратного пути для меня теперь нет. Больше никаких дневников... и никаких побегов от реальности. Забвение будет ждать меня лишь в конце пути, а до тех пор... — Она покачала головой. — Я буду помнить каждую свою ошибку, и, пусть это звучит трусливо, возможно, возвращение памяти — одна из них.

— Не говори так, — тихо сказала Ариадна.

Деми порывисто к ней развернулась.

— Доркас и Никиас правы, в моих руках — сила, способная или уничтожить атэморус, или заставить их примкнуть к воинам Зевса вместо того, чтобы нападать на людей. А я не могу. Я слишком отчетливо помню, каково это — обращаться к этой силе, и это мешает мне...

— Снова ее призвать, — кивнул Никиас. — Потому и я так редко снимаю маску. Потому не сражаюсь в Эфире. Что для других — проявление трусости, для меня...

В комнате повисла звенящая тишина. Все взгляды теперь были направлены на Никиаса.

— Та тьма, что вырывается из тебя... — Деми содрогнулась, воскрешая в памяти это видение. — Она что-то меняет в тебе, верно?

— Каждый раз, как забирает чью-то жизнь, — полым голосом ответил Никиас. — Вот почему, наверное, в каждой новой моей инкарнацией бреши лишь разрастаются.

— Откуда ты...

— Как и ты, повзрослев, я узнал о тех, кто страдал от похожей напасти. О себе.

Долгий взгляд глаза в глаза, а в нем — столь хрупкое понимание. Друг друга. Общности их жизней. Схожести их странных сил...

Тонкая нить, протянувшаяся между ними в тот момент, когда открылась правда о

Пандоре и пифосе, стала крепче. Деми ощущала ее так отчетливо... В этот миг она и вовсе ощущала только ее. Ирреальное, зыбкое видение: они вдвоем на призрачном мосту, и никого рядом, никого больше.

Еще миг, и эфемерное чувство единения померкло. Но память Деми его уже не сотрет.

— Тьма имеет свойство возвращаться... и оставлять в тебе след, — глухо сказал Никиас, не отводя взгляда. Чувствовал ли он хоть толику того, что чувствовала она? — Ариадна права. К черту армию — очередную армию, которая все равно не сможет ослабить Ареса и переломить ход войны. Она не стоит такой цены.

Доркас, помедлив и покусав щеку изнутри, кивнула. И ей знаком дар, чья сила — разрушение, не созидание.

— Никакая сила не стоит потерянной души, — прошептала Ариадна.

Слушая их, проникаясь их словами, Деми чувствовала снисходящее на нее успокоение. Не всем, в конце концов, суждено стать героями... Но под покровом облегчения билась одинокая мысль: что, если желание послушать друзей — лишь проявление ее слабости? Выбор самого легкого из путей?

Ответ, полученный от Деми, Медею не порадовал.

— Ты, должно быть, шутишь... Пока другие готовы на все, чтобы заполучить жалкие крохи божественного благословения, ты отвергаешь то, чем наградила тебя сама Эллада?

Повторять чужие слова в свою защиту — все равно, что прикрываться чужим телом как щитом. И все же Деми повторила.

— Не стоит такой цены, говоришь? А что, если я скажу тебе, что твоя сила может помочь тебе противостоять не только атэморус... но и химерам? Тех, что терзают Эфир, терзают самих богов?

Деми застыла, неверяще глядя на царицу чудовищ.

— Не понимаю. Как? Почему?

Медея подошла к ней вплотную. Торжествующе усмехнулась.

— Потому что свою армию химер Арес и его верные союзники создали из атэморус.

Дыхание перехватило. Деми отступила на шаг.

— Что, этого не знали ни Кассандра, ни ваша божественная Цирцея?

— Я не понимаю...

— А что тут понимать? — Медея пожала полными плечами. — Арес всегда искал силу — задолго до открытия пифоса, всегда мечтал возвыситься над остальными богами. Но, будучи богом войны, стать сильнее он мог только...

— Когда война развязана.

— Верно. И все же он выжидал, зная, что Зевса так просто ему не победить. Когда ты открыла пифос, одни боги, особенно проникнувшиеся любовью к смертным, увидели в этом трагедию, другие — всего лишь досадную помеху, третьи, увлеченные очередным пиршеством на Олимпе, и вовсе ничего не заметили. Арес же увидел возможность.

Медея, которую Деми застала за неторопливой прогулкой по дворцу, пока все еще темной и лишенной золота и мрамора клетке, заняла свое место на каменном троне. Орф тут же положил ей одну из голов на колени. Ни дать, ни взять ласковый домашний песик.

— По подобию самой первой Химеры, возлюбленной Орфа и дочери Тифона, Геката создала и всех прочих химер. Мать чудовищ, Ехидна, помогала ей. От каждого чудовищного создания она отщипнула кусочек и поделилась частью своей плоти — своего хвоста в виде

змеи. Но вот в чем дело — Геката и прежде создавала для Ареса монстров, однако, испытывая их, он с легкостью уничтожал одного за другим. Ему нужны были те, которых трудно одолеть даже богу.

— Но ведь чудовища — порождения богини. Почему они были так слабы?

— Даже самые чудовищные из порождений Ехидны и Тифона обладали душой. Первые монстры Гекаты развоплощались играючи потому, что их ничего не привязывало к этому миру. Они были лишь жутковатой оболочкой, которую, как и пустую скорлупу от яйца, так легко разбить. Потом Геката пыталась создать химер из людей. Впускала тьму в людские души, и они менялись, тронутые скверной. Однако и эти ее попытки успехом не увенчались. Что же до химер... Этим тварям души заменили...

— Атэморус.

— Да. Каждый из духов, пойманных Гекатой, завернули в оболочку из монструозной плоти, когтей и зубов. Арес вдохнул в созданных химер голодную ярость, жажду сражений, кипящее в венах желание убивать.

— Откуда вы так много знаете об этом?

— Потому что я была одной из лучших учениц Гекаты. — Медея царственно вскинула голову. — Именно она в благодарность за верную службу ей закрыла меня в Тартаре, когда началась война. Чтобы Зевс, уничтожая одну за другой ее бывших учениц и ее бывшую — и нынешнюю — свиту, меня не обнаружил.

— И теперь вы предаете свою богиню-наставницу и Ареса заодно просто потому...

— Потому что ты — куда более совершенное оружие, нежели созданные Аресом химеры. С твоим появлением, с твоим даром у одного из враждующих богов появился шанс победить.

Деми обхватила себя руками за плечи. Сказанное Медеей не просто ошеломляло, оно меняло все.

Абсолютно все.

Одно дело — знать, что она может искупить свою вину, исправить совершенную века назад ошибку, помогая эллином избавиться от атэморус, что терзали Алую Элладу. Другое — понять, что она способна противостоять химерам, что сражались в Эфире с армией Зевса.

И что это значит? Что ей предстоит отправиться... на войну?

Да, она хотела защищать людей, и писала в дневнике об этом снова и снова. Быть Искрой, быть колдуньей, овладеть благословленным оружием. Но сражаться там, наверху, среди химер и богов...

— Мне нужно подумать...

— А ты представь, что времени у тебя нет, — словно змея, прошипела Медея, подавшись на троне вперед. — Ты, Пандора...

— Деми.

— ... разбалована осознанием, что смогла прожить несколько жизней в тишине и покое, вдалеке от войны. И теперь ты можешь подумать: к чему такая спешка? Алая Эллада, в конце концов, ждала меня несколько веков... Подождет еще. Но каждую минуту твоего промедления там, наверху, умирает кто-то из людей, а Зевс с каждой смертью его воинов, с усталостью, которая копится в божественных венах, на шаг ближе к провалу. И все потому, что ты решила себя пожалеть. Что, думаешь, я слишком сурова с тобой? Нужно время, чтобы поплакаться в платочек?

Деми хмуро мотнула головой.

— Нет. Вы правы. Вот только я сомневаюсь, что вам есть дело до жертв обычных людей.

Медея, запрокинув голову, громко хохотнула.

— Ты права. Мне нет дела до смертных, а вот до войны, которая никак не может завершиться... Я нетерпелива, это раз.

— Это я уже поняла, — себе под нос буркнула Деми.

— И я хочу, чтобы война завершилась *раньше* моей смерти.

— Чтобы вы смогли рассказать всем заинтересованным людям и богам, что именно вы научили меня побеждать химер?

Медея широко улыбнулась, подтверждая ее слова.

— А вот тебе до смертных есть дело, иначе ты так отчаянно не наступала бы на горло собственной песне, не призывала бы дар, который тебе так противен. Но то, что ты делаешь — это полумеры. Или бросай все и возвращайся в свою прошлую жизнь, зная, что не смогла, не спасла... Или, во имя Гекаты, иди уже до конца.

Идти до конца...

Научиться бороться с химерами, отправиться на войну. Что с того, что один из сторонников Ареса в любой момент способен превратить ее в пепел одним щелчком божественных пальцев? Что с того, что ее жизнь может прерваться в любое мгновение? Раз существует перерождение, почему мысль о смерти по-прежнему ее страшит?

И Деми вдруг поняла. Да, как любой человек, она боялась боли, невыносимых страданий, которые и боги, и монстры могли ей причинить. Но боль можно перетерпеть, можно перетерпеть даже смерть...

Деми отчаянно цеплялась за жизнь, которая была прямо здесь, прямо сейчас. Маму она уже потеряла — в Изначальный мир для нее дороги нет. Но Ариадну, Доркас, Фоанта... Никиаса терять она не хотела.

Она не жалела Пандору — ту, что однажды повернула колесо судьбы. Пандора, сокрытая внутри нее, понимала цену ошибки. Понимала, что такое жертвы и искупления. Это она была в мыслях Деми, толкающих ее вперед и вперед. В Гефестейон. Во дворец Цирцеи. В Тартар, к Медее. Все это время ее вела Пандора.

А Деми Ламбракис, обычная семнадцатилетняя гречанка, жалела саму себя. Или же Пандора жалела в себе «маленькую Деми». Ту, которой уготовили столь несправедливую участь: потерять родной мир и маму, быть заброшенной в мир чужой, ее ненавидящий. Ту, на долю которой выпала война. Вот только жалость к самому себе не для тех, кто жаждет восстановить справедливость и воцарить на родной земле мир.

Хватит.

Она может сколько угодно избегать имени «Пандора» и отрицать ее в себе. Но именно Пандоре после того, как все боги от нее отвернулись, судьбой или случайностью был дан этот дар. Ей, а не Деметрии Ламбракис.

Чистота души стояла на одной чаше весов, на другой — освобожденная Алая Эллада. Ее плата за это — утрата всего, что в этой жизни она обрела. Смириться с этим нелегко...

Но она смирится.

Медея прочитала что-то в ее глазах. На породистом лице появилась сытая улыбка.

— Теперь я вижу. Теперь ты по-настоящему готова, *Деми*.

Имя очередной ее инкарнации, наконец произнесенное вслух — не более, чем брошенная ей вкусная косточка, награда за послушание, за сражение на одной стороне.

Какая же ирония, что на этот раз она не приняла его. Деми больше нет.

— Я — Пандора.

[1] Елена Прекрасная — прекраснейшая из женщин Древней Греции, из-за красоты которой развязывалось множество войн, виновница гибели Трои.

Глава двадцать шестая. Правда и пепел

— Что теперь? — хрипло спросила она.

— А теперь мы немного потренируемся. Девочки!

Медея звонко хлопнула в ладоши, и к ней со всех сторон подлетели полуженщины-полуптицы. Когти их скрежетали по каменному полу, крылья взбивали воздух.

Гарпии.

— Мне нужна парочка химер. — Царица чудовищ усмехнулась, безошибочно разгадав мысли Пандоры. — Да, мои монстры умеют сражаться. Я натаскивала их, но и долгие годы среди людей, полных презрения, отвращения и ненависти, закалили их словно сталь. Но своих детей на произвол судьбы, как Ехидна и Тифон, я не брошу. Да и они среди армий Эфира — лишь капля в море. Море, которое благодаря тебе, дорогая Пандора, может наконец обмелеть. Или и вовсе иссохнуть.

Медея ласково погладила гарпий по волосам, легонько шлепнула по плечу. Полуженщины-полуптицы взмыли в воздух и, одна за другой, вылетели из дворца. Все это время они прятались в тенях, в которых неизменно тонула обитель царицы чудовищ, и Пандора похолодела, поняв, как же их много. Сколько еще ее славных монструозных деток, не желающих выходить на свет, припрятала Медея?

— Пока мы ждем, поколдуем немного над твоим даром. Нити той силы, что сокрыта в тебе, тянутся в разные стороны. Ты можешь призвать атэморус прямо сюда — ворот и преград для них не существует, толща земли для них — вода. Но ваша связь ослабла за долгие века твоего бездействия. Сила, что может пронзать плоть, словно острие копья, затупилась, размякла. Затачивать ее раз за разом, час за часом, день за днем — вот, что тебе предстоит.

Пандору больше не ужасали слова о ее связи с атэморус. Такова другая сторона ее души. Ее темная половина.

Свет ей сейчас ничем не поможет, а вот эта призрачная, эфемерная тьма...

Она вспомнила вдруг о нитях Ариадны, что пронизывали всю Алую Элладу. Ее же нитями служили шрамы, оставленные там, где сквозь нее прошли полчища атэморус. Пандора попыталась заглянуть внутрь собственной души, чтобы почувствовать себя пронзенной этими нитями. Заглянула, и вновь задыхнулась от таящейся внутри нее тьмы. Нет, не тьма это... лишь страх неизвестности.

— Ты снова отступаешь. Снова превращаешься в испуганную маленькую девочку, которая не хочет действовать.

— Что мне делать? — сдавленно прошептала Пандора, не открывая глаза. — Как мне это перебороть?

— Прими свой дар, как приняла свое имя. Прими то, что без них, твоих главных орудий, тебе не победить. И потяни за эти проклятые нити.

Пандора не видела их так отчетливо, как наверняка видела Медея, но чувствовала их в себе. Опутанная ими, казалась себе подвешенной в воздух куклой... Ну уж нет, хватит ей быть куклой, хватит безропотно и безмолвно нести груз вины и слепо покоряться судьбе.

Она сбрасывала с себя шкуру прежней себя, уроденной Деми Ламбракис, словно змея — выползок. Встряхнувшись, перехватила нити, сжала в ладони. Она — не кукла.

Она — кукловод.

Коснуться нити — натянутой как струна пульсирующей жилы, что сочилась тьмой. Корни уходили вглубь ее души, концы терялись в пространстве Алой Эллады, протягиваясь до самого неба. Туда, где блуждал, терзая людей, очередной атэморус.

Пандора обеими руками ухватилась за нить, потянула. Не отпускала до тех пор, пока воздух вокруг нее не заледенел. Открыв глаза, она обнаружила стоящего перед ней духа.

— А теперь уничтожь его!

Она помнила, каково это, пусть и не довела в тот раз начатое до конца. Вдохнула, потянувшись к атэморус всем своим существом. И по каналу, что связывал их двоих, будто пуповина, вобрала в себя тьму, из которой дух был соткан.

В легких, казалось, плескалась не вода, но болотная жижа. Так Деми, страшись тьмы, ощущала ее. Пандора бояться не станет.

Она вдохнула еще глубже, полной грудью, заливая душу тьмой без остатка. Дыру в ее сердце, где когда-то была мама и прежняя, спокойная, пускай и стертая жизнь, заполнила, залатала тьма. Благодаря ей Пандора стала цельной.

Выпрямившись, невидимой рукой — своей силой воли — она схватила духа за горло. Поток темной энергии, вливающийся в нее, стал шире и мощней. Атэморус таял, исчезал, бледнел, словно ледышка у костра, пока не растаял совсем.

Пандора устало рухнула на колени. Тьма поднималась изнутри, заполняя вены. Плескалась в горле, ощущаясь полынной горечью. Казалось, еще немного, еще один глоток этой потусторонней, колдовской темноты — и белки ее глаз окрасятся черным.

— Почему эта тьма никуда не уходит? Почему она остается во мне?

Ей больше не хотелось, чтобы энергия, составляющая сущность атэморус, жила в ней. Она — как вино, излюбленный напиток Фоанта. Осушив бокал до дна, чувствуешь эйфорию, когда их становится слишком много — лишь сожаление и тошноту.

Медея, заинтригованная, кружила вокруг нее, вглядываясь в колдовской рисунок, видимый только ей одной.

— И впрямь, не уходит...

Пандора сжала челюсть.

— Я знаю, что не уходит. Я хочу знать, почему?

Медю ее выпад не разозлил — колдунья едва обратила на него внимание.

— Ты — сосуд для этой тьмы. Алой Элладой или высшими силами ты, что и открыла пифос, наречена хранить ее. Оберегать ее от людей.

Времени на размышления гарпии ей не оставили. Вернулись, неся в когтях ослабленных, раненых химер. Сбрасывали их с высоты на пол дворца, что привык видеть в своих стенах чудовищ. Пандора уже не удивлялась абсурдности происходящего.

Для одной из химер с козлиными ногами и уродливым псевдочеловеческим лицом Медея стремительно вылепила из воздуха невидимую клетку... невидимую, но, как оказалось, проницаемую для чар. Шагнула к Пандоре, сжала ее плечо — сильно, до боли.

— Забери себе всю тьму, что отыщешь в химере.

Пандора развернулась к клетке, заглянула в мертвые, пустые глаза порождения Гекаты. Протянула руку, мысленно отыскивая исток той силы, что совсем недавно вливалась в нее. Сейчас найти его оказалось проще — оттого, что в ее крови уже бурлила тьма.

Химера дико, злобно закричала. Оболочка — плоть, которую вылепили из чужой плоти, — сползала с нее, разлеталась в стороны ошметьями. Мерзкое зрелище, но Пандора была к нему готова. То, что таилось под разбивающейся скорлупой, куда страшней. Тьма, что

причинила людям столько бед. Живая и голодная тьма.

К ней Пандора и тянулась, преодолевая себя, перебарывая приступ отвращения. Чудилось, что в нос бьет запах болотной гнили, и та же гниль с тиной покрывает ее внутренности изнутри. Подавить ощущения, изменить их она не могла, как ни старалась, но, во всяком случае, ей удалось убедить себя, что... Оно того стоит. Определенно стоит.

Пандора тянула тьму, а так любовно сшитая Гекатой оболочка той лишь мешала. Потому химера и распадалась на куски. Развоплощалась до тех пор, пока от нее не осталась лишь черная дымчатая энергия. Вскоре исчезла и она, оставив на губах Пандоры привкус пепла.

После нескольких сожженных заживо в темном огне химер она отпросилась в Акрополь. Хотела предупредить Ариадну, Доркас и Фоанта (и Никиаса, если эта информация будет ему интересна) о том, что ближайшие несколько дней ей предстоит провести в Тартаре. Не желала, чтобы они волновались, думая, что до нее добрались-таки жаждущие мести эринии во главе с Аллекто, химеры или сам Арес.

Когда Пандора уже была у двери, ее окликнула Медея.

— Знаю, ты думаешь, что твои друзья и тот, кто заставляет твое юное сердце биться чаще, делают тебя сильнее. Разве не этому учат нас книги и аэды? Что лишь тот, кто любим и кто любит, может победить. Но это для других, не для таких, как мы. Для тех, кому тьма придает силы, кого она питает, любовь — к родителям, к друзьям, к возлюбленным — лишь отвлекает, сбивает с курса. И, главное — делает нас уязвимыми, не позволяя полноценно стать теми, кто мы есть, раствориться в силе, отдав ей всю себя без остатка. Но именно обращению к темной стороне своей души я добилась большего величия, чем любая из колдуний... — Медея поморщилась. — Если не о Гекате или Цирцее речь.

— А как же те ужасные вещи, которые о вас говорят? Оно того стоило?

Царица чудовищ хищно улыбнулась

— Но обо мне говорят, не так ли? И будут говорить еще долгое время, когда ветер развеет по Алой Элладе мой прах.

Пандора покачала головой.

— Я не ищу величия.

— Лишь искупления вины и исправления собственных ошибок, я знаю. Но вот что я тебе скажу... Есть цели, которые не достичь, всецело им не отдавшись. Победа над Аресом — одна из таких.

Пандора ушла, ничего не ответив, но в ее голове еще долго звучали слова Медеи.

Лицо Ариадны после ее рассказа стало бледным до серости. Доркас грызла ногти. Никиас ни на кого из них не смотрел, устремив взгляд на алеющее за окном небо.

— Ты не просто вытягиваешь силу из химер, ты ее поглощаешь. Словно в пифосе, запираешь в себе, — с широко раскрытыми глазами прошептала Ариадна.

— Звучит жутковато, — не стала спорить Пандора. — Но это помогает уничтожить химер.

— И какой ценой?

Она послала Ариадне долгий взгляд. Отчеканила:

— Той, которую я могу заплатить.

— Если бы я могла только забрать часть этой тьмы...

Пандора благодарно улыбнулась Ариадне. Если бы та и могла... Нет, эта роль уготована ей.

— Я понимаю, что тебя не отговорить. Просто прошу — не позволяй себе дойти до предела. Не выжигай собственную душу кипящей внутри тебя тьмой.

— Я знаю, что ты до последнего готова бороться за чистоту моей души. За мой рассудок. За жизнь, которая ждет меня... если я выстою в этой битве. Но я не могу позволить себе сдерживаться. Слишком многое поставлено на карту. *Слишком* многое. А я впервые по-настоящему могу повлиять хоть на что-то.

— Обещай, что остановишься, когда окажешься на самом краю, — настойчиво потребовала Ариадна. — Обещай, что не шагнешь в пропасть.

Пандора прикрыла глаза. Слова ее были тихим шелестом:

— Обещаю.

— Я смотрю, методы моей дражайшей племянницы ничуть не изменились, — донесся напевный голос со стороны двери.

Пандора обернулась, готовая увидеть Цирцею, но увидела лишь ее призрачный образ, сияющий полупрозрачный фантом. Доркас ахнула, с первого взгляда распознав колдунью, Ариадна улыбнулась, Никиас остался равнодушен, будто каждый день видел полубогов.

— Будете отговаривать меня? Говорить, что оно того не стоит?

Цирцея хохотнула.

— Некоторые из героев, раз за разом, поколение за поколением умирающих в Эфире, убили бы за подобный дар. Да и мне, как и многим жителям Алой Эллады, хорошо известно, что у любой магии есть цена, и порой она бывает непомерна. Я лишь хочу дать тебе один совет. Я знаю, сколь опьяняющей может быть сила. И сколь разрушительной может быть тьма. Попытайся сохранить в себе свет. Не позволяй ему угаснуть.

— Как?

— Цепляйся за тех, кто тебе дорог. Они все здесь, верно? Не считая одну из твоих матерей.

Пандора стрельнула взглядом в сторону Никиаса, и, натолкнувшись на его, неожиданно пылливый, жгучий, отвела свой.

— Да, — неохотно ответила она.

Пусть думает, что хочет. Пусть знает, что дорог хотя бы одному человеку.

— Теперь, когда твою память больше не затеняет вуаль забвения, вшей себе под кожу воспоминания о них. Пусть они будут для тебя маяком, светом...

Глаза Ариадны сверкнули, она подалась вперед.

— Нитью Ариадны. — Она смутилась оттого, что использовала понятие, включающее ее собственное имя. — Сверкающую нить воспоминаний, которая выведет тебя из лабиринта темноты.

— Медея думает, что это меня сдерживает. Что мои... привязанности сдерживают меня.

— О, я совершенно не удивлена, — фыркнула Цирцея. — Могу представить, как соблазнительны ее уроки, что обещают тебе едва ли не безграничную власть над собственным даром. Однако царицы чудовищ известны тем, что от своей силы сходят с ума.

Ее образ, ее фантом поблек, чтобы мгновением спустя растаять. Такие, как она, не прощались. Воцарившуюся в комнате тишину нарушил Никиас.

— Что будет после того, как ты овладеешь своим даром?

Ответить на этот вопрос сложнее всего. Но не оттого, что Пандора не знала ответа.

— Я отправлюсь в Эфир.

Доркас округлила губы, стрельнула взглядом в сторону Ариадны.

— Я отправлюсь с тобой, — вдруг сказал Никиас.

— Ты не обязан...

— Знаю. Но хочу. Хватит бежать от самого себя. Хватит прятаться. Если ты — девушка, которую я прежде винил во всех грехах — готова шагнуть в самую бездну, но помочь Зевсу победить... какое я имею право оставаться в стороне?

Губы Пандоры сами собой растянулись в улыбке.

— Сейчас, значит, не винишь?

Ответом ей снова был долгий, проникновенный взгляд. Никиас не был хорош в словах и не разбрасывался ими понапрасну. Но в его глазах Пандора прочитала то, чего так хотела.

— И я, — дрогнувшим голосом сказала Доркас. — Я с вами. Я же Искра, в конце концов.

Пандора качнула головой.

— Вы не обязаны рисковать для того, чтобы стать моей поддержкой. Мне достаточно понимания, что она у меня есть.

— Брось, ты же будущая повелительница тьмы и укротительница монстров, — нервно хохотнула Доркас. — Рядом с тобой нам точно ничего не грозит.

Ариадна прерывисто вздохнула.

— Я, прости, не пойду.

Пандора улыбнулась ей.

— Я знаю.

Первой, крепко обняв ее на прощание, спальню покинула Ариадна. Доркас — следом за ней. Никиас направился было к выходу, но у порога остановился.

— Ты и впрямь никогда не сдаешься, верно? — тихо спросил он.

Пандора бездумно рисовала на стекле лабрис. Замерев при звуке голоса Никиаса, она развернулась к нему.

— Если свою душу мне уже не спасти, я хочу изменить память людей о себе. Память о Пандоре. Пусть она будет глупой, любопытной женщиной, которая легко поддается соблазну. Но не той, что поможет Аресу завоевать Олимп, попутно уничтожив миллионы жизней.

— В новой жизни ты даже не вспомнишь, кем была.

Пандора вскинула голову, в упор глядя на Никиаса.

— Ты считаешь, это важно?

Он лишь пожал плечами. Легкий способ не отвечать на вопрос.

— Это неважно. Я просто хочу однажды, проснувшись в Алой Элладе, увидеть голубое небо над головой.

— Да, я... могу это понять. Если бы кто-то сказал мне, что моя тьма поможет мне победить Ареса... Но она бессмысленна, как и все мое существование.

— Но при этом ты хочешь отправиться вместе со мной в Эфир.

— Чтобы сделать то, что я должен был сделать уже давным-давно. Ты жертвуешь своей душой, а я был настолько труслив — да, это все же трусость, — что не мог пожертвовать своим телом. Пусть в следующей инкарнации на мне не останется живого места, а из трещин будет постоянно вырываться тьма... — Никиас вернул Пандоре ее собственные слова,

сопроводив их призрачным намеком на улыбку: — Оно того стоит.

Она улыбалась ему, прижимая к груди руку. Взволнованная, охваченная вихрем противоречивых чувств, медленно подошла. Их взгляды по-прежнему были прикованы друг к другу, перевиты в один жгут.

— Я не знаю, что будет с нами в будущем, но хочу, чтобы ты услышал это от меня. Ты не должен себя винить за тьму в собственной душе. Ты не обязан носить маски чудовищ. Ты — не чудовище, ты — не один из них.

— Но ведь и они свою судьбу не выбирали, верно? Изуродованная Цирцеей Сцилла, которую возненавидел весь людской род. Брошенные родителями Лернейская гидра, Орф и Цербер. Минотавр, рожденный Пасифеей от противоестественной связи с божественным быком. Сын, которого она боялась и стыдилась.

— И все же часть из них свое место, свой дом нашла. Может, Медея и вовсе не приручала чудовищ? Может, они просто нашли человека, который не будет ни бояться, ни стыдиться их, и не будет считать их чудовищами? Который захочет быть рядом?

«Может, все, что тебе нужно, найти такого человека? Или же признать, что он уже... есть?»

Глаза Никиаса вспыхнули, будто он смог прочесть то, что пульсировало в голове Пандоры.

— Ты правда не боишься меня? Не считаешь меня монстром, уродом, исчадием?

— Ты прекрасен... по-своему. Ты словно две стороны этого мира. Нюкта-ночь и Гемера-день. Воинствующий Арес и Зевс-миротворец. Свет и тьма. И не страшно, что тьмы в тебе больше. Ее больше и во мне.

Пандора нежно коснулась тыльной стороной ладони лица Никиаса. Его красивого лица. Он прикрыл глаза, наслаждаясь этой нехитрой лаской. Она не остановилась. Стоило коснуться полумаски, Никиас, напрягшись, стремительно перехватил ее ладонь. Он не боялся выставить напоказ свое уродство, обнажить трещины, что испещрили его лицо, словно разбитое зеркало. Она уже видела их. Нет, его страх заключался в другом.

— Не бойся. Твоя тьма не причинит мне вреда.

Отчего-то она это знала.

Напряжение из тела и глаз Никиаса не ушло, но руку он убрал, позволяя ей поддеть снизу маску. Мгновение — и та упала в ее ладонь. Тяжелая, будто заключившая в себе весь груз его многовековых страданий. Щупальца тьмы сквозь прорехи потянулись к ней. Пандора не отшатнулась. Провела рукой по холодной щеке, и щупальца оплели ее пальцы, как причудливой формы кольца.

— Твоя тьма... — прошептала она изумленно.

Никиас вспыхнул, отстраняясь.

— Я же говорил, что она опасна.

— Нет, она... Она *тянется* ко мне. Или я забираю ее из тебя?

— Я не понимаю...

Пандора глотнула его тьмы, и ее затопили знакомые ощущения. Лицо Никиаса исказила гримаса боли.

— Там, на Ээе, Цирцея хотела понять, кто тебя проклял. У нее это получилось? — задыхаясь от холода, спросила она.

— Да. Цирцея сказала, что это была Геката. Ее колдовство сотворило из меня монстра. Но почему богиня сделала это со мной, она не знает.

«Кажется, знаю я».

Пандора закусила губу — сильно, до боли. Она прежняя не открыла бы Никиасу правду о том, кто он такой. Боясь задеть его чувства, не желая, чтобы он еще сильнее себя ненавидел. Нынешняя понимала: неведение может оказаться хуже любой, самой горькой, правды. Так она еще несколько веков назад могла повлиять на ход войны, знай она, кто на самом деле такая.

— Ты — одна из первых попыток Ареса и Гекаты создать химер из выпущенных мной атэморус и... людей. Медея говорила, что эти опыты успехом не увенчались. Быть может, Геката вложила в тебя слишком много тьмы, быть может, в тебе было слишком много человечности. Что-то помешало сделать тебя химерой. Ты не стал монстром — нет, Никиас, не стал, — однако колдовство Гекаты тронуло тьмой твою душу. Изменило ее, как и меня когда-то — атэморус.

Выслушав Пандору, Никиас долго молчал. Пальцы его против воли оглаживали кожу лица.

— Мы с тобой — два сосуда одной и той же тьмы, — прошептала Пандора, касаясь его щеки кончиками пальцев, соприкасаясь с его собственными. — Мы оба заражены тьмой. Только тебе тьма разъедает тело, а у меня отравлена душа. И все же я, именно я виновата в том, что с тобой сделали.

— Это вина Гекаты. Ареса. Но не твоя, — глухо отозвался Никиас. — Виновен ли в убийстве тот, кто вложил в руки другого остро наточенный нож, или тот, кто нанес удар?

Пандора закрыла глаза. Прошептала:

— Ты прощаешь меня? За все, чему я стала причиной?

— Если даже боги совершают ошибки, обрекая людей на гибель, я не могу, не имею права бесконечно винить в ошибках человека. Тем более, тебя.

Она знала, что Никиас никогда не поцелует ее первой. Не оттого, что не хочет — желание и сейчас отражалось в синеве его глаз. Он до последнего не поверит, что этого страстно желает *она*. Ведь кто в здравом уме захочет целовать монстра?

Ему нужно время, чтобы принять: Пандора никогда не видела в нем чудовище. Потому, подавшись вперед, она поцеловала его сама.

Его поцелуй на вкус был как пепел. Кому угодно это могло показаться неправильным, но только не ей. Рука в черной кожаной перчатке легла на ее талию. Притянула к себе. Ближе, еще ближе.

Оторвавшись от Никиаса тягучие, словно патока, минуты спустя Пандора прошептала прямо в его губы:

— Помоги мне сохранить его, Никиас. Помоги сохранить этот свет. Только ты на это способен.

Глава двадцать седьмая. Последняя битва Пандоры

Каждый новый день начинался с очередной битвы с химерами. И каждый закат Медея раз говорила Пандоре лишь одно:

— Неплохо, но ты можешь больше.

Следующим утром, едва над Алой Элладой всходила заря, невидимая здесь, в самой темной бездне вселенной, Пандора стояла у клеток с химерами. Вдыхала в себя вековечную тьму, схожую с той, что клубилась за стенами дворца, опустошая химер сначала до костей, а затем — до темных сущностей, что заменяли им душу. Потом развоплощала и их.

С каждым разом тьмы в ней становилось все больше, и держаться за образы, за *маяки* становилось все тяжелей. С каждым разом все тяжелей давалось возвращение из темных глубин на поверхность. А Медея упрямо повторяла:

— Ты можешь больше.

Сил Пандоре придавали мысли о Никиасе, стоящем бок о бок рядом с ней, сражающимся вместе с ней. Никиас... *Ее* свет и *ее* тьма. Она представляла их вдвоем на поле боя, рядом с монстрами и богами. В том участке Эфира, где Доркас сотрясает землю — или же сгущенные и заменяющие ее облака, — проплывет по воздуху Гермес, Афина Паллада взмахнет своим мечом, Артемида отправит в полет стрелу из сверкающего лука, Гефест опалит врагов, затопит воздух запахом горячей плоти.

Глупая. Пора понять, что ее фантазии всегда были и будут от реальности далеки.

Медея читала Пандору как открытую книгу, видела все ее мысли, надежды и желания, словно прожилки на сорванном с дерева листе, линии жизни и смерти на человеческой ладони.

— Они будут тебя ослаблять. Те, о ком ты думаешь, к кому так спешишь...

А ведь она и вправду спешила. Раз в несколько дней ей выпадал один вечер, чтобы поболтать с Доркас о разном и выслушать последние слухи — о чем угодно, но, к счастью, только не о ней, Пандоре, что подчинила себе дар развоплощения. Чтобы вместе с Никиасом урвать у жизни под алым небом толику неги и спокойствия, забыться в его объятиях, в его пепельных поцелуях хоть ненадолго. Чтобы услышать от Ариадны сетования на совсем отбившегося от рук Фоанта и новости о том, что происходит там, наверху.

Исчезновения нескольких химер Арес, конечно, не заметил. И они, конечно, никак не повлияли на расстановку сил, и самого бога войны ничуть не ослабили.

Медея права. Она *может* больше. Должна научиться, иначе вся ее борьба напрасна. Бессмысленна. Даже... смехотворна. Одно дело, если бы Пандора защищала эллинов от жатвы атэморус или воинов Зевса — таких же Искр, как Доркас — от нападения химер. Если бы своими действиями спасала бы чужие жизни. Что с того, что после их с Медеей «уроков» химеры умирали? Их смерти — капля в море, не более того.

С каждым разом Пандора возвращалась в Тартар все в большей задумчивости, углубляя недавно появившуюся складку между бровей. С каждым разом пропадала во дворце царицы чудовищ все дольше. И все реже возвращалась в Акрополь.

— Те, к которым ты так спешишь, на поле боя станут для тебя лишь обузами. Грузом, не позволяющим тебе летать. Что значит...

— Я поняла, что это значит.

— Ты должна отправиться туда одна. Без них.

Бесспорно, Медея знала об их разговоре с Цирцеей. Быть может, и вовсе, никем не замеченная, каким-то образом присутствовала в комнате в этот момент. Колдуньи...

— Вместо того, чтобы стать оружием Зевса, ты будешь щитом для своих... м-м-м... друзей.

Никиас не был ей другом, вернее, был кем-то большим, и это Медея знала тоже.

— Как мне стать оружием Зевса, если все, на что хватает моего дара — это слабый укол?

— Мечом можно пронзить грудь одного врага, но умелый воин, описав им дугу, может снести головы нескольким, — назидательно говорила Медея.

— Я пытаюсь, — процедила Пандора.

— Разве? А мне кажется, ты сдерживаешь себя, как я и пророчила. Ты боишься, что так много влитой в твою душу тьмы окончательно тебя погубит.

— А это не так?

На губах царицы чудовищ зазмеилась усмешка.

— Как насчет того, чтобы проверить? Но прежде нужно освободить твой дар от оков.

— Мой дар не...

— Ты сама устанавливаешь свои собственные границы, и сейчас вырваться за их пределы тебе не позволяет страх.

— Я не боюсь ни Ареса, ни его химер. — Вскинув голову, припечатала Пандора.

— Я говорю ни о химерах, ни об Аресе. Ты боишься не вернуться к тем, к кому ты так привязана, прежней. Той Пандорой... Деми, которую они успели узнать. Именно это сдерживает тебя, не позволяет тебе измениться. Вырваться из кокона, сбросив с себя его опшетья, и стать наконец той, которой тебя создала сама Алая Эллада.

Слова Медеи по-настоящему ее разозлили. Ей, отринувшей нормальную жизнь, добровольно заточившей себя в Тартаре, продавшей тьме свою душу, вменяют в вину столь заурядное, столь примитивное чувство, как страх?

Они поймут. Никиас, Доркас и Ариадна... они поймут, почему она это сделала. Почему такой стала. В конце концов, Пандора делает это и для них — для того, чтобы они однажды проснулись в мире без войны, в мире под голубым небом. Но пока она цепляется за них, пока хранит в себе свет, как наказывала Цирцея, места для тьмы в ней меньше, а значит, меньше и силы.

Память, которую она так стремилась обрести, сейчас ей только мешала.

Настал час, когда Пандора нарушила данное Ариадне обещание. Опустила все барьеры и камнем рухнула в пропасть, позволяя вековой тьме заполнить каждую клеточку своей души, выжечь в ней человечность. Места для света в ее душе не осталось. А в памяти звучали слова Никиаса, сказанные в их последнюю встречу: «Даже рожденный чудовищем, каждую свою жизнь я отстаиваю свое право не быть им. Не поддавайся тьме, что зреет в тебе, Пандора».

Что же... Она поддалась.

Надо было видеть улыбку Медеи, когда она одним жестом убила с десятков приготовленных для ее собственной жатвы химер.

— Ты готова, Пандора. Теперь ты готова.

В Эфире она была одна. Ни Никиаса, память о котором имела привкус горечи и пепла, ни сотрясающей землю Доркас.

И богов Пандора не видела. Только монстров.

А еще — воинов, что отчаянно, бесстрашно противостояли армии химер. Арес, говорят, намертво схлестнулся с самим Зевсом, и боги были там, на той стороне войны, что приличествовала им, что приносила славу и почести.

А смертным достались монстры.

Однако Пандора понимала важность своей собственной битвы. Химеры не просто были армией бога войны. Они — словно кровеносные сосуды, жилы, по которым к Аресу текла сила, необходимая ему для войны. Именно для этого Геката их и создала. Керы отобранной у душ силой насыщали Ареса. Каждый яростный крик вбирали в себя воплощенные в химерах Лиссы, духи бешенства. Смертельные ранения насыщали обретших плоть Фонос, духов убийства. Распространившаяся по полю боя колдовская чума питала Носои. Гибель воинов, что переоценили свои силы, утоляла голод духов непомерной гордыни Гибрис. Алгеи, напившись боли и страданий, разбухали, как насосавшиеся крови комары.

Из всего этого котла Арес и черпал свои силы. И Пандора пришла в Эфир с одной-единственной целью: этот сотканный из сотен и тысяч нитей канал разрубить.

Она затерялась среди воинов Зевса — ей не нужна была слава. И вовсе прикрывалась тенями Медеи, чтобы Арес не смог раньше времени ее распознать. Чтобы Искры всех мастей не узнали, что рядом с ними — Пандора. Чтобы Керы, вороньем кружащиеся над полем боя, Аресу ни о чем не донесли.

Она привычно коснулась силы, и ее затопило холодом и темнотой. Нащупала нити, ведущие к химерам, и потянула их на себя, натягивая их скрипичными струнами. Через них выпивала из монстров благословенную тьму, заполняя ею бездонный колодец своей собственной сути, своей души.

Но чем дольше Пандора вытягивала из химер их темную силу, тем сильнее разгоралось внутри нее темное пламя. Тьма, текущая по ее венам, стала горячей, обжигающей, словно расплавленный металл. Опаляла не внутренности, но саму душу.

«Терпи», — приказала она себе, в шаге от того, чтобы забиться в агонии.

И она терпела, пока алые от крови облака усеивал прах сожженных в этом странном погребальном костре химер.

Пока в память врезались чужие крики, пыталась понять: отчего боги и герои Эллады так прославляли сражения? В войне ведь ничего красивого, ничего возвышенного и героического нет. Лишь грязь, кровь и боль. Заливший пространство железистый запах и острый запах страха и омытых лишь все той же кровью тел.

Пандора не запоминала лиц, что проносились мимо. Не чувствовала сопричастности к «великому делу» — противостоянию богу войны. Она просто делала свое дело, послушно исполняя уготованную ей роль. Такова ее судьба — играть навязанные ей роли. Какая ирония: Зевс желал, чтобы именно она стала той, кто откроет пифос. Алая Эллада, то ли отлитая из первозданного хаоса, то ли сотворенная некоей высшей (выше богов) силой, желала, чтобы Пандора стерла с лица земли тех, кого породил Зевс... и Арес.

В один из таких алых и бесконечно похожих друг на друга дней Пандора увидела Харона. Он проявился посреди Эфира, вместе с собой перенеся Искру. Очередного вымуштрованного, закаленного в Гефестейоне воина.

— Деми? — завидев ее, изумленно воскликнул перевозчик душ.

Пандора могла представить, как выглядит со стороны. В ее руках никогда не было

оружия, лишь один острый клинок ждал своего часа в ножнах — на случай, если кто-то из химер подберется слишком близко. И пусть подобного она им не позволяла, все равно была перепачкана кровью с ног до головы.

— Пандора, — хрипло отозвалась она.

Харон, помедлив, кивнул. Химеры наступали, стремительно его заслонив. Перевозчик душ объявился лишь несколько часов спустя. Сколько из них он наблюдал?

— Кассандра хочет тебя видеть, — не терпящим возражения тоном сказал он.

Пандора усмехнулась, не переставая развоплощать. Она загнала тьму себе под кожу, приручила атэморус и стала погибелью для химер, но пророчица и по сей день считала, что она должна бежать в Акрополь по первому ее зову. Нет, повелению.

— И Никиас, что удивительно, тоже. А я все думаю, отчего он так рвался сюда... Кого искал по всему Эфиру?

Пандора вздрогнула. Она же заглушила в себе его свет, заслонила тьмой обжигающие чувства. Откуда тогда это вспыхнувшее в ней, пусть и на миг, жаркое пламя?

— Идем, — опуская руки, сказала она.

Сегодня химерам повезло.

Первой в пайдейе ее встретила, конечно, Ариадна. То ли не замечая маски отрешенности на ее лице и произошедших в ней изменений, то ли делая вид, что не замечает, порывисто ее обняла. Руки Пандоры лишь скользнули по спине Ариадны.

— Я искала тебя...

— Медея это знала. Она обещала, что обрежет твои нити, и будет следить, чтобы ты меня не нашла.

— И ты ей позволила? — отстранившись, прошептала Ариадна.

— Я сама ее попросила.

Доркас, что стояла рядом, лишь покачала головой. Лицо Искры Геи пересекал шрам, не уродующий ее, но придающий еще большей воинственности. Фигура стала крепче, суше, пшеничные волосы — короче. Изменился и взгляд серых глаз. Война и ее, словно сталь, закалила.

Никиас застыл у окна. Кажется, так было всегда. Кажется, так всегда и будет. Пандора чувствовала направленный на нее взгляд синих глаз, но встречаться с ним своим не торопилась. К чему напрасные иллюзии?

Кассандра, опустошенная своей собственной войной, за эти недели, казалось, на несколько лет постарела. Окинув ее взглядом, покачала головой.

— Пандора, управляющая выпущенными ею же атэморус... Такого не могла предвидеть даже я.

— Вы не знали, кем я стану?

— Аид отобрал у меня дар. Я больше не могу прорицать.

Пандора покачала головой. Вот она, божественная кара.

— Это неважно. Главное — на что способен *твой*. — Кассандра вскинула на Пандору заблестевшие, зажегшиеся прежней страстью глаза. — Мы можем это использовать. Но не так бездумно, как это делаешь ты.

Пандора с усмешкой сложила руки на груди.

— Кто бы сомневался, что я делаю что-то неправильно.

Кассандра помедлила, прежде чем ответить. Смотрела на нее, сощуривая глаза. Кажется,

то, что видели другие, начала замечать и она.

— Первым делом, нам нужно защитить тебя, пока Арес не понял, кто ты и на что способна.

— Я отдам распоряжение Искрам, — отрывисто сказал Никиас.

Дождавшись кивка Кассандры, он подошел к Пандоре. Только сейчас, сосредоточив на нем взгляд, она увидела, что правую половину его лица закрывает серебристая полумаска вроде тех, карнавальных, что носили люди Изначального мира.

— Я знаю, почему ты это сделала, почему отправилась туда одна, — сухо сказал он. — Но сделать этого снова не позволю.

Она попыталась что-то сказать — защититься или оправдаться, но не успела. Никиас шагнул к ней, оказавшись еще ближе. Сознание тихим, вкрадчивым шепотом заполонило его слова:

— Я не хочу потерять тебя. Единственного человека, которому я когда-то был по-настоящему дорог. Человека, которым дорожу я.

Коридоры пайдеи поглотили звук его шагов.

Она снова была не одна. Рядом с ней — Искры и... Никиас.

Пандора смутно вспоминала, как те, что смотрели на нее, разинув рот, потому что никогда не встречали подобного дара, насмеялись над ней в Гефестейоне. Не видела их лиц, лишь строчки в колдовском дневнике, что когда-то заменял ей память.

Никиас и сам наблюдал, как она развоплощает химер, словно они находились на тренировочной арене, а не на поле боя. Его сила, возвращенная из зароненного в его душу зерна темной магии, действовала иначе. Его тьма была куда более податливой и живой, она была голодна, она поглощала. И, попробовав живой плоти, словно путник пустыни — прохладной воды — жаждала еще. Она сама словно бы себя питала. Заполненные тьмой трещины уже выбирались за пределы серебристой полумаски, и становились все глубже с каждой новой жизнью, что Никиас забирал.

В тот день они находились в одном из залов Гефестейона. Рядом не было ни воинов, ни химер, но война внутри Пандоры никогда не смолкала. Она и сейчас слышала крики людей и монстров.

— Я готова, Никиас.

Пандора чувствовала в себе эту силу — окрепшую, твердую, словно гранит. Она подчинила себе тьму, что составляла сущность и химер, и атэморус. Была еще одна, которую она могла подчинить.

— Я могу выжечь эту тьму в тебе, освободить от нее твою душу. Но моя магия уничтожит, развоплотит тот хрупкий сосуд, что ее хранит.

— Она убьет меня, — кивнув, хрипло сказал Никиас.

— Ты готов пойти на это?

— Не сейчас.

— Ты столько жизней мечтал об освобождении...

— И в любой из них я бы пошел на это, не раздумывая, едва бы ты успела договорить. Но в тех жизнях не было тебя.

— Если ты бережешь свою нынешнюю жизнь ради призрачного шанса быть вместе...

— Нет, ты не поняла. Я не слепой, я вижу — в твоей душе места для меня не осталось. Не сейчас. Не в этой жизни. Но ты заставила меня понять, каким эгоистом я был в прошлом.

Я так лелеял свою драму, свою трагическую особенность... Жалел себя вместо того, чтобы использовать ее как острый, сочащийся тьмой клинок.

Пандора вдумчиво кивнула.

— Я понимаю.

Она развернулась, чтобы уйти, чтобы продолжить свою бесконечную жатву. Рука Никиаса, коснувшись плеча, остановила ее.

— Ты помнишь хоть что-нибудь... о нас? Помнишь, что испытывала ко мне?

Пандора, помедлив, качнула головой.

— Иногда я хочу вернуться в прошлое, чтобы почувствовать хоть что-то, но... не могу.

Рука безвольно соскользнула с ее плеча.

— Выходит, нам обоим осталось лишь одно. Убить как можно больше порождений Ареса. И как можно сильнее ослабить его самого.

Все больше богов, впечатленных речами Кассандры, видящих, как редет воинство Ареса, как медленно, но неотвратно иссякает в нем сила, вставали на сторону Зевса. Несмотря на то, что пифос оказался пуст, Пандора все же подарила людям надежду — что Ареса, прежде кажущегося неуязвимым, можно победить.

Но никакая победа легко не дается.

Пандору, что стала сосудом — пифосом — для атэморус, переполняла тьма. Голодная, поглотившая весь оставшийся в ней свет, она беспрестанно рвалась наружу. И настал момент, когда держать ее под контролем перестала сама Пандора.

Когда Аид заключал ее в Тартар, Пандора хохотала. Вот и вся ее награда. Она будет заперта там, как одна из чудовищ Медеи, рядом с той, что научила ее использовать тьму... но так и не смогла научить, как ее укрощать.

Когда за спиной, грохоча, закрывались огромные каменные ворота Тартара, Пандора подумала: «И все же Цирцея была права».

Но что толку сожалеть о прошлом?

В тюрьме у нее было не так много гостей. Все те же лица — Фоант, Доркас, Ариадна Кассандра ее не навещала — свою роль в сценарии пророчицы Пандора уже сыграла, и была выброшена за ненадобностью в мусорную корзину. Приходила Медея — посокрушаться и сказать, что, не запрячь Аид Пандору в Тартар, она, конечно, *могла бы сделать больше*. Уничтожить больше химер и больше прославить имя царицы чудовищ. Вопросов о том, кто распустил слухи, что Медея и была ее наставницей, Пандора не задавала.

Навещала ее и Цирцея. Пыталась отыскать в ней свет, шепча, что не все еще потеряно. Света не было — даже жалких его отголосков, слабых искры среди океана тьмы.

Приходил, конечно, и Никиас. В каждый такой визит Пандора предлагала ему свой прощальный — для обоих — подарок. Каждый раз он отвечал: «Потом», а потом рвался на поле боя. Заполненные живой тьмой, словно гноем, трещины полностью покрыли его лицо. Масок Никиас больше не носил — прирученная им, присмирившая, тьма гнездилась у него внутри. Той, что рвалась, обезумевшая, из Пандоры, стоило взять с нее пример.

В полузабытьи Пандора думала о Прометее, чью печень клевал орел. Пульсирующая в венах темная сила так же медленно убивала ее изнутри. Однажды Цирцея пришла к ней с зельем для быстрой и легкой смерти. Пандора взяла его, но не сделала ни глотка. Выжидала... И наконец дождалась.

Новым заключенным Тартара стал Арес.

Его запеленают в тысячи, десятки тысяч каменных слоев, приставят к вратам бездны тысячи чудовищ. А Алая Эллада наконец получит покой и исцеление.

Только тогда Никиас позволил себя освободить. Лишь попросил на прощание:

— Поцелуй меня.

Пандора целовала его так долго, насколько хватило дыхания, горьким поцелуем вытягивая из него тьму. Прежде, чем сердце Никиаса остановилось, она успела понять, что не чувствует на губах привкус пепла.

Теперь и она могла спокойно умереть.

И даже теперь Пандора не знала, достойна ли прощения, столь большой ценой лишь исправив то, что натворила.

Решать не ей, а тем, кого она, едва не погубив, спасла.

Они стояли, держась за руки. Запрокинув головы, смотрели на голубое небо.

— Я столько лет мечтал тебе его показать...

Пандора — та, что при рождении нарекли Стефанией, — прошептала:

— Больше не Алая...

Никиас в этой жизни носил иное имя и иное, непривычное для нее лицо. Но это все еще был ее Никиас. Лишенному тьмы Гекаты, ему больше не надо было прятаться за масками чудовищ. Больше не нужно было страдать от одиночества. Никиас был открыт ей, открыт всему миру... Но прежде всего — ей.

Однажды он отыскал ее в Изначальном мире. В кафе, куда она забежала, чтобы скрыться от омывающего улицы Салоников дождя. Сказал:

— Здравствуй, Пандора. Помнишь меня?

Она помнила. Воспоминания о мире, что ждал ее за завесой, вернулись, когда ей было пятнадцать лет. Все это время она ждала лишь *его* возвращения.

Рядом с Никиасом застыли двое. Ариадна повзрослела, но была все так же прекрасна, Харон — неизменен, как всегда, и неизменно хмур. Встреча с ними и путь в Алуию Элладу по черному и длинному, словно Стикс, тоннелю, сопровождалась ощущением дежавю. Но теперь все было иначе.

Теперь Пандора по-настоящему начинала жизнь с чистого листа.

Пифос с атэморус был запечатан навеки, химеры за годы без Ареса и заточенной в Тартар Гекаты уничтожены, а потому она лишилась прежних сил. Пандора не ждала прощения от богов, но, по-видимому, все же его заслужила. Гермес, Афина, Афродита... они снизошли к ней с Олимпа, чтобы предложить свои дары. Благодарность за то, что, пусть и не в одиночку, но избавила Элладу от химер и атэморус. А быть может, извинение, что один из них, сотворив ее, едва не погубил весь мир.

Странно отказывать богам, отвергая их дары, и все же Пандора, по-прежнему сжимая в своей ладони *его* ладонь, отказала. Она устала от магии, от божественной силы, окрашена ли она в черный или в белый цвет. Тьма ее источник или свет. Она хотела остаться тем, кем была рождена.

Человеком.

Они стояли, держась за руки. Запрокинув головы, смотрели на голубое небо.

— Я столько лет мечтал тебе его показать...

Пандора — та, что при рождении нарекли Стефанией, — прошептала:

— Больше не Алая...

Никиас в этой жизни носил иное имя и иное, непривычное для нее лицо. Но это все еще был ее Никиас. Лишенному тьмы Гекаты, ему больше не надо было прятаться за масками чудовищ. Больше не нужно было страдать от одиночества. Никиас был открыт ей, открыт всему миру... Но прежде всего — ей.

Однажды он отыскал ее в Изначальном мире. В кафе, куда она забежала, чтобы скрыться от омывающего улицы Салоников дождя. Сказал:

— Здравствуй, Пандора. Помнишь меня?

Она помнила. Воспоминания о мире, что ждал ее за завесой, вернулись, когда ей было пятнадцать лет. Все это время она ждала лишь *его* возвращения.

Рядом с Никиасом застыли двое. Ариадна повзрослела, но была все так же прекрасна, Харон — неизменен, как всегда, и неизменно хмур. Встреча с ними и путь в Алую Элладу по черному и длинному, словно Стикс, тоннелю, сопровождались ощущением дежавю. Но теперь все было иначе.

Теперь Пандора по-настоящему начинала жизнь с чистого листа.

Пифос с атэморус был запечатан навеки, химеры за годы без Ареса и заточенной в Тартар Гекаты уничтожены, а потому она лишилась прежних сил. Пандора не ждала прощения от богов, но, по-видимому, все же его заслужила. Гермес, Афина, Афродита... они снизошли к ней с Олимпа, чтобы предложить свои дары. Благодарность за то, что, пусть и не в одиночку, но избавила Элладу от химер и атэморус. А быть может, извинение, что один из них, сотворив ее, едва не погубил весь мир.

Странно отказывать богам, отвергая их дары, и все же Пандора, по-прежнему сжимая в своей ладони *ego* ладонь, отказала. Она устала от магии, от божественной силы, окрашена ли она в черный или в белый цвет. Тьма ее источник или свет. Она хотела остаться тем, кем была рождена.

Человеком.

Больше книг на сайте - Knigoed.net